МОДНОЙ

ЖЕМЧУГ

ИЗДАНІЕ

2

I, P, c. 112

МОДНОЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ,

ИЛИ

БИБЛІОТЕКА,

ДЛЯ

ДАМСКАГО ТУАЛЕТА.

ЧАСТЬ II.

Съ Апрѣля по Іюль мѣсяцъ.

Въ Санктпетербургѣ.

Печатано

въ вольной Типографіи Вейтбрехта и Шнора

1779 года.

№ 126.

ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА.

313802 мр
пр
рец 3270

МОДНОЕ ИЗДАНІЕ,

для

ДАМСКАГО ТУАЛЕТА.

I.

ПѢСНЬ,

Любовь

Авроры къ Цефалу,

или

Излишнѣе испытаніе вѣрности.

Простриите смертные свои на небо взоры,
И зрите на восходъ румяныя Авроры:
Се такъ она красна, се такъ она бодра,
Украдкой не когда съ Тифонова одра
Для похищенїя прекраснаго Цефала,
До возхожденїя денницы возставала.
Еще полъ свѣта въ тьмѣ ночной покоилъ сонъ,
Еще въ объятїяхъ Авроринхъ Тифонъ
Пріятностїю сна всѣхъ паче наслаждался;
Еще и Люциферъ отъ сна не возбуждался,
И звѣзды пламень свой являли въ небесахъ,
Спокойно было все въ дубравахъ и лѣсахъ,

Лежали Нимфы въ снѣ древесъ своихъ стрегущи,
Покоились луга и пастырскія кущи,
Везъ вселялася пріятна тишина,
Лишь безпокоилась Тифонова жена:
Увидя нѣкогда ловца средь рощъ Гимета
Котораго надъ ней содѣлалась побѣда,
Цефалъ бо къ ней нашелъ очами въ сердце путь.
Изьявъ изъ подъ главы супружней нѣжну грудь,
На коей пребывалъ сей старецъ въ снѣ глубокомъ
Аврора, окропя его волшебнымъ сокомъ,
Чтобъ не былъ возбужденъ ея движеньемъ онъ,
Идетъ изъ ложницы со тихостію вонъ.
Но что препятствуетъ въ пошествіи Авроръ?
Часы, служебники ея, лежатъ въ притворѣ
Чрезъ кой была должна Аврора проходить;
И такъ, страшась, чтобъ ихъ отъ сна не возбудить:
Зефира самаго легчайшею стопою
Проходитъ между ихъ храпящею толпою.
Прошла, но что еще? Единъ изъ спящихъ часъ,
Внезапу произнесъ во снѣ своемъ сей гласъ;
Гряди любезная, прерви жестоки муки!
И съ словомъ протянулъ свои на воздухъ руки,
Какъ будто бы ково обняти онъ желалъ.
Понеже сонъ ему ту Нимфу представлялъ
Которая его невьявъ собой прельщала.
Аврора вспять свои стопы ужъ обращала
Встревоженная бывъ проснувшимся часомъ;
Но сей отягощенъ пріятнымъ паки сномъ,
Перевернувшися зевнулъ, и паки дремлетъ,
И болѣе сему Аврора ужъ не внемлетъ:
Межъ почивающихъ изъ храмины идетъ,
На розовыхъ своихъ коней узды кладетъ,

И

И въ колесницу ихъ со птицаньемъ заложила.
Чего она сама доселѣ не чинила:
Садится и летитъ поспѣшно на Гимедъ,
Багряны облака по ней являютъ слѣдъ;
Низходитъ на траву: гдѣ ноги ни ступаютъ
Вездѣ прекрасныя тамъ розы возрастаютъ:
Багрѣетъ весь Гимедъ исполнясь красоты.
Возлюбленный Цефалъ, Цефалъ гдѣ скрылся ты?
Аврора вопіетъ такъ ищучи Цефала,
Котораго она два утра тамъ видала.
Два утра видѣла ловца она сего,
И мнила видѣть въ немъ Тифона своего.
Но тѣмъ Тифономъ онъ представился Авроръ,
Когда въ избраннѣйшемъ Фригіяновъ соборѣ
Избраннѣйшимъ младый казался ей Тифонъ,
Цефалъ казался ей, каковъ тогда былъ онъ:
Кудрявые власы, и полныя ланиты,
Пріятнымъ багрецомъ уста его покрыты,
Величественный взоръ, и свѣтлое чело;
Въ восторгъ всѣ чувствія богини привело,
И во пріятнѣйшемъ ея восторгѣ оном,
Являлся ей въ очахъ Цефалъ младымъ Тифономъ,
Младаго въ немъ она Тифона точно зритъ,
И жаркою къ нему любовію горитъ.
Се въ третій разъ она узрѣть его желала,
И ради сей вины ища его взывала;
Приходитъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ бодрственный
Цефалъ,
Съ клевреты по густымъ лѣсамъ звѣрей гонялъ:
Ужъ слухъ, кой жавронкомъ поющимъ услаждался,
Сей ржаніемъ коней ловцевъ увеселялся.
Межъ тѣмъ и рогъ уже охотничей гремитъ,
И лѣсъ отзывомъ симъ наполненъ весь шумитъ,

Псы рыщутъ по слѣдамъ отъ нихъ бѣгущей лани,
Во ловлѣ видѣлся быть образъ жаркой брани,
Но образъ таковый Аврору не страшитъ,
Она прекраснаго Цефала зрѣть спѣшитъ;
Уже плѣняется орудій громкимъ звукомъ,
И зритъ передъ собой Цефала съ тугимъ лукомъ,
Она въ лицѣ его Тифона зрѣти мнитъ;
Но сей не старостью угрюмою покрытъ:
Сіяетъ на его лицѣ пріятна младость,
При зрѣніи его лѣпится въ грудь къ ней сладость,
Въ восторгѣ вопіетъ: се паки мой Тифонъ
Въ Цефалѣ, и поднесь не пременялся онъ;
Младаго во ловцѣ супруга представляетъ,
И взоры на него охотно устремляетъ.

Такъ нѣкто между насъ пѣвицу здѣсь любилъ,
Которою плѣненъ и очарованъ былъ,
И въ коей онъ свое все благо почитая,
Въ объятіяхъ ея любовью вредной тая,
Превыше жребія себя всѣхъ смертныхъ зрѣлъ,
И мнилъ что жаромъ онъ Платоновымъ горѣлъ;
Коль пѣснь она поетъ прелѣстными устнами,
Онъ мнитъ носиму быть небесными странами,
И мнитъ разсѣянныхъ тамъ сферъ внимати гласъ.
Лобзаетъ ли его, онъ видитъ въ оный часъ
Всѣ райски предъ собой селенія отверзты.
Когдажъ она сожметъ его своими персты,
Тогда его восторгъ бываетъ въ немъ таковъ,
Что мнитъ вселеннымъ быть себя межъ тѣхъ духовъ
Которыхъ сладости міръ здѣшній уступаетъ.
И въ Гавріеллиномъ объятьи засыпаетъ.
Аврора точно такъ Цефаломъ вся горитъ,
И въ немъ юнѣйшаго Тифона образъ зритъ,

Симъ

Симъ образомъ она свой страстный духъ прельщаетъ,
И въ вихрь крутой завивъ съ ловитвы похищаетъ.
Быстрея изъ луки пущенныя стрѣлы,
Цефалъ подхваченный, среди густыя мглы
Крутыми вихрями отъ ловли прочь влекомый
Несется воздухомъ въ край свѣта незнакомый.
Гдѣ ясны какъ стекло являются моря
Отъ колѣ тихая приходитъ въ мїръ заря
Румяня оризоитъ синѣющаго неба,
Предъ восхожденїемъ блистательнаго Феба,
Въ сїи мѣста летитъ ловецъ прекрасный сей,
И при закрытїи отъ ужаса очей,
Онъ мнилъ сперва, что жизнь свою уже теряетъ;
Но бывши принесенъ взоръ робкїй отворяетъ,
И ктобъ не пожелалъ то зрѣнь что онъ узрѣлъ:
Чертогъ со оруженъ изъ раковинъ и перлъ,
Столпы на коихъ сводъ лежалъ, столпы кораллов
И главъ ихъ блескъ, былъ блескъ сїяющихъ металловъ
Порфировый помостъ, и ложе изъ цвѣтовъ,
На коемъ посланъ былъ Виссоновый покровъ
Подъ симъ представила любовь ловцеву взору
Лежащую жену Тифонову Аврору,
Которую тогда покоилъ легкїй сонъ,
И члѣновъ не скрывалъ отъ глазъ его Виссонъ,
Лежала въ полы бывъ Аврора обнаженна:
Такъ Тицїяномъ мать любви изображенна.
О естьлибъ Лосенковъ, достойный мужъ похвалъ
Межъ нами живъ еще до нынѣ пребывалъ,
Твоей бы кисти то единаго удобно
Изобразить сему явленїе подобно.
Аврора свой покровъ ея сокрывшїй видъ,
Дыханїемъ своимъ колеблетъ и живитъ,

Всегда является Цефалу прелѣсть нова;
То выя бѣлая, то грудь изъ подъ покрова.
Перенесенныи бывъ Авророю Цефалъ
Тогда уложа близь возглавїя споялъ,
Свой взоръ сквозе покровъ тончайшїй простирая,
В ю мысль свою въ красы лежащїя вперяя,
Сокрытыя отъ глазъ ихъ мысльми измѣрялъ,
И мыслили всѣ свои въ красахъ ея теряльъ;
Едва одолѣвалъ свой огнь своимъ терпѣньемъ.
(И ктобъ не пронулся прелѣстнымъ сполъ видѣньемъ?)
Богиня между тѣмъ взоръ вполы отворя,
Дивится, юношу съ собою вмѣстѣ зря,
Какъ будто бы какой невѣдаетъ судьбою
Прекраснаго она Цефала зритъ съ собою,
И съ вѣжностїю такъ стоящему рекла:
Какая тя судьба въ черпогъ ко мнѣ влекла?
О юноша не всѣмъ пути въ нево отверзты.
Вѣщая розовы у глазъ держала персты,
Сквозь кои взоромъ огнь зажгла въ его крови.
Цефалъ хотя былъ твердъ съ Прокридою въ любви,
Но болѣ твердости въ себѣ не обрѣтаетъ,
И яко мягкїи воскъ отъ сильна пламя таетъ,
Онъ взоромъ самъ сїе Аврорѣ знать давалъ
Колико взоръ ея надъ нимъ преуспѣвалъ.
Воззрѣвъ на юношу, любовью колебима
Рекла: о естьлибъ я была тобой любима!
Когда бы ты Цефалъ Аврору возлюбилъ;
Счастливѣе бы ты изъ всѣхъ на свѣтѣ былъ!
Достойналь кто тобой изъ смертныхъ обладати?
Безсмертна есмь, могу тебѣ безъсмертье дати.
Пріяти отъ меня сего не отрѣкись,
И тлѣнну плоть отринь въ нетлѣнну облекись.

Сіе

Сїе вѣщающа со нѣжностью взирала,
И розовую длань Цефалу простирала.
Что было въ оный часъ Цефалу учинить?
Подщитесь юноши Цефала извинить,
Что онъ не отвратилъ отъ прелѣсти сей взора.
Представьте, какова прекрасна есть Аврора.
Изъ благодарности ея онъ руку взялъ,
И приложа къ устамъ своимъ ея лобзалъ,
Не мня чрезъ то явить невѣрности Прокридѣ.
Уже пожертвовалъ раскошной тѣмъ Кипридѣ,
Межъ тѣмъ отъемлется Авророю рука,
Но грудь богинина была не далѣка.
О муза! естьли то вѣщать тебѣ не къ стати,
Позволь ты мнѣ, хощу я самъ сїе вѣщати,
А ты при словѣ семъ въ молчанїи пребудь:
Уста его прешли съ руки на алу грудь,
А руки далѣе устъ мягкихъ заблуждаютъ,
И заблуждаючи ей тѣмъ не досаждаютъ.
Но только что Цефалъ Прокридѣ измѣнилъ,
Весь жаръ его любви къ Аврорѣ въ немъ простылъ.
Такъ путникъ въ жаркїй день свершая путь свой
дальный,
Увидитъ близъ себя воды ручай кристальный,
И жаждей сокращенъ съ пути къ нему идетъ,
Со удовольствїемъ изъ онаго пїетъ;
Но только жажду онъ водою уполяетъ,
Въ желанный путь стопы онъ паки направляетъ.
Былъ путнику сему подобенъ и Цефалъ:
Уже къ Аврорѣ онъ тѣмъ жаромъ не пылалъ
Которымъ прежде кровь его воспламенялась.
Прокрида въ мысль ему всечасно представлялась,
Прокрида въ мысленныхъ была его глазахъ,
Въ мученїи, въ тоскѣ, въ отчаяньи, въ слезахъ:

Прокрида такъ въ немъ духъ и день и ночь крушила,
Что наконецъ его все тѣло изсушила.
Уже среди своей злой горести Цефалъ
Въ Авроринихъ очахъ какъ сельный криномъ увялъ.
Уже ея очей своими не встрѣчаетъ,
На нѣжныя слова онъ смутно отвѣчаетъ.
Легко познать теперь, что слѣдуетъ сему:
Упреки дѣлаетъ любовница ему.
Цефалъ въ смущеніи, что дѣлать самъ не знаетъ,
И тако наконецъ вѣщати начинаетъ.
Богиня я клянусь, что сей поступокъ мой
Не есть презрѣнія красамъ твоимъ виной.
Не жалобы твои мой духъ во мнѣ тревожатъ,
Не мысли темныя мои мученья множатъ,
Но жалобы творю я нынѣ на себя;
Увы! едваль уже достоинъ я тебя?
Разсудокъ страсть мою во мнѣ одолѣваетъ,
И къ должности меня обратно призываетъ,
И что тебѣ рещи, клянуся богомъ дня...
Такъ ты и ни когда не любливалъ меня?
Я вижу то теперь изъ словъ твоихъ начала.
Богиня съ злой ему усмѣшкой отвѣчала.
Ахъ! истинна сіе, нещастливый Цефалъ
Виновенъ предъ тобой и симъ единымъ сталъ;
Но я содѣлался бъ виновенъ и невѣренъ
Когдабъ сказалъ, что жаръ мой былъ къ тебѣ безмѣренъ.
Богиня, признаюсь, когда съ тобою былъ,
Всегда прекрасную Прокриду я любилъ;
Я ложнаго словамъ не тщусь давати вида,
Въ очахъ являлась ты, въ умѣ жила Прокрида.
Мнѣ милы искренни Цефалъ твои слова,
Но искренность сія ушамъ моимъ нова,

Аврора во своемъ рекла ему отвѣтѣ.
Но кто красавица сїя Прокрида въ свѣтѣ,
Которая во умѣ твоемъ всегда жила?
Она съ младенчества богиня мнѣ мила,
Съ младенчества еще мы съ нею возрастали,
И нѣжную любовь въ сердцахъ своихъ питали;
Младенцемъ бывъ не зналъ утѣхи я другой
Кромѣ сея, чтобъ быть съ Прокридою драгой;
Охотно съ нею мы другъ друга забавлялли,
То въ полѣ, то въ кустахъ межъ розами гуляли,
Гдѣ часто на съЗефиръ пріятный прохлаждалъ,
И гдѣ невинный взоръ я ею наслаждалъ;
Не зная злой любви сладчайшїя отравы!
Среди пріятности веселья и забавы,
Во удовольствїи текли у насъ всѣ дни,
И заменяли все лобзанїя одни.
Се тако мы съ своей любезной пребывали,
Доколь пріятныхъ дней намъ лѣта не прервали;
Со нашимъ возрастомъ изчезла жизнь сїя,
И изъ объятїевъ ее исторженъ я.
Насъ дѣтскїя игры быть вмѣстѣ приучили,
Но долгъ, родители, и лѣта разлучили:
Не можно стало мнѣ съ Прокридой часто быть
Но можно ли когда Прокриду позабыть!
Всегда наполненъ былъ мой умъ ея красами:
Гонялсяль за звѣрьми я темными лѣсами,
Иль сѣти я для ихъ ловленїя сплѣталъ,
Всегда Прокридинъ зракъ въ умѣ моемъ лѣталъ.
Ни свѣтлость дневная, ни тихость темной ноши,
Ни горы, ни луга, ручьи ни злачны рощи,
Ни разцвѣтающи въ саду моемъ цвѣты,
Извлечь не возмогли изъ сердца красоты;

Во

Во всѣхъ пріятностяхъ Прокриду я срѣтаю,
Прокридою живу, Прокридой духъ питаю,
И словомъ, гдѣ моей сомной Прокриды нѣтъ,
Казался безъ нее мнѣ пустъ пространный свѣтъ,
Служила безъ нее мнѣ жизнь за тяжко бремя.
Се какъ препровождалъ я съ ней въ разлукѣ время.
Когда же случай мнѣ узрѣть ее давалъ
Тогда счастлив ѣе я смертныхъ всѣхъ бывалъ:
Глаза мои всегда глаза ее встрѣчали,
Въ насъ души взорами другъ другу отвѣчали,
И мнилось, что сама жарчайшая любовь
Соединяла въ насъ пылающую кровь.
Богиня рѣчь прервавъ Цефалу отвѣчала:
Хоть повѣсть ты свою начнешъ опять сначала,
Но будетъ оныя всегда единъ конецъ,
Что брачный Именей на васъ взложилъ вѣнецъ.
Дабы мой разговоръ тебѣ не столь былъ скученъ,
Съ Прокридою ужъ я три лѣта не разлученъ,
Три лѣта съ ней веду во щастьи жизнь мою,
И только лишь въ ея обьятьи познаю,
Что брачный Именей любви не прохлаждаетъ.
Прокрида и подаесь мнѣ серце услаждаетъ!
Я вижу изъ ея меня плѣнившихъ глазъ,
Какъ будто любимся мы съ нею въ первый разъ...
Но ты, мнѣ повѣспью столь длинной слухъ томящій,
И столько вѣрности къ женѣ своей хранящій,
Скажи мнѣ чѣмъ ты могъ увѣренъ въ ономъ быть,
Чтобъ такъ же и она могла тебя любить.
Хоть браку нашему еще три лѣта минетъ,
Любовь ея, онъ рекъ, къ Цефалу не простынетъ;
Но что я говорю! прейдетъ въ томъ цѣлый вѣкъ...
Внемли моимъ словамъ счастливый человѣкъ,

Испол-

Исполненной къ своей супругѣ теплой вѣры.
Кладешся на ея ты вѣрность паче мѣры;
Во всей подсолнечной единъ есть смертныхъ родъ,
Не знаешъ ты Цефалъ, колико хитръ Эротъ,
Вѣщаю я тебѣ его пронырства зная:
Хотябъ она была хранима какъ Даная,
Куда проникнути златый не можетъ дождь?
Любовь со златомъ къ ней прехитрой будетъ вождь.
Не безпокойся, ей Цефалъ на то вѣщаетъ.
Меня моя любовь ни мало несмущаетъ;
Хотя бы Плутусъ самъ ее прельщати сталъ,
Покоенъ и тогда остался бы Цефалъ;
Хотябъ кто былъ еще прекрасьѣй Адонида
Не могъ бы склоннаго обрѣсть въ Прокридѣ вида.
Сидящій на своемъ престолѣ царь небесъ
Спокойства такова не знаетъ и Зевесъ.
(Когда отца боговъ въ примѣръ поставить смѣю?)
Какое въ сердце я Прокридиномъ имѣю.
Прещастливъ ты Цефалъ, Тифонія рекла.
Желаю чтобъ тебя любовь не вовлекла
Во обстоятельства тебѣ Цефалъ противны.
Иль качества твоей супруги только дивны,
Что не имѣлъ въ себѣ такихъ весь смертныхъ родъ?
Воспомни ты меня, что хитръ всегда Эротъ;
Еротъ младыхъ сердецъ всесильный есть владѣтель,
Не рѣдко самая строжайша добродѣтель.
Въ разставленную сѣть любовію падетъ
Примѣровъ таковыхъ исполненъ цѣлый свѣтъ.
Не мни дабы я симъ Прокриду обносила,
Но дѣйствуетъ во всѣхъ равно природы сила.
Кто сладкія любви отравы не вкушалъ?
Прокриды знать еще ни кто неискушалъ.

Сказавъ

Сказавъ сїи слова Аврора покраснѣла
И нѣсколько свой взоръ потупленный имѣла,
Потомъ его опять къ Цефалу возвела,
И паки такъ ему вѣщати начала;
Безъ опытовъ ничью знать вѣрность не возможно;
Ея бо и пророкъ прїемлетъ имя ложно;
Не рѣдко и стекло является для глазъ,
Какъ драгоцѣнные рубинъ или алмазъ,
Не рѣдко и росы нашъ капля взоръ прельщаетъ,
Когда сїянїе лучей въ себя вмѣщаетъ,
И преломляя ихъ очамъ являетъ блескъ;
Не все то Зевсовъ громъ, что производитъ трескъ,
Не все то вѣрность есть, что ею называемъ,
Ее чрезъ опыты мы точность познаваемъ.
Съ толикимъ знанїемъ могуща говорить
Аврора, пщится въ мысль Цефалову вперить,
Чтобъ страсти по своимъ страстямъ людскїя мѣрилъ,
И много столь своей красавицѣ не вѣрилъ.
Приводитъ тьму въ примѣръ различныхъ повѣстей;
Речетъ, что въ свѣтѣ всѣ суть данники страстей.
Уже ей наконецъ та хитрость удается,
Цефаловъ твердый духъ отъ словъ ея мятется:
Уже потупя взоръ не движимъ онъ стоитъ,
Прокридѣ хоть не пасть, но соблазнишься мнитъ;
Ужъ ревность, страсть ему до селѣ не извѣстна
Вѣщаетъ въ мысль ему; Прокрида есть прелѣстна,
Прокрида, какъ и всѣ суть смертны такова;
Отъ мысли сей его кружится голова,
Лишается въ себѣ онъ бывшаго покою,
Безмолствуетъ и третъ чело свое рукою.
Уже блудяща мысль, ему на единѣ
Супругу съ юношей являетъ при лунѣ

Сидящу,

Сидящу, у ручья средь темныя пещеры;
Ужъ въ мысляхъ зритъ ее онъ данницей Венеры.
И что же мысль сія содѣлать возмогла?
Какъ пламенемъ его духъ ревностью зажгла;
Уже колеблется, терзается, страшится,
И мысльми ни начто своими не рѣшится:
То мнитъ, что мысль ему родитъ сію мечту,
То зритъ въ опасности супружню красоту,
То твердою ее, що падшей представляетъ.
Аврора же ево тутъ паки уловляетъ:
Сиущеннаго тебя, Цефалъ, я мысльми зрю,
Но чѣмъ рѣшить своихъ ты можешъ мыслей прю?
Представить не могу иной тебѣ услуги;
Для испытанія прекрасныя супруги,
Внемли, сколь дороги тебѣ сіи часы:
При словѣ каплю снявъ съ руки своей росы,
Пріими ему рекла, сей перстень мой волшебный,
Тебѣ бо образа различны днесь потребны;
Онъ силою своей, тебя въ различный видъ,
По обстоятельствамъ твоимъ преобразитъ,
Чѣмъ хочешъ ты предстать къ супругѣ тѣмъ
предстанешъ.
Коль хочетъ старцемъ быть, мгновенно ты увянешъ,
Коль хочетъ быть младымъ и незнакомымъ ей?
Сей перстень премѣнитъ тебя и въ образъ сей.
И превращаяся тебѣ въ желанны виды,
Познаешъ своея ты вѣрность самъ Прокриды.
И естьли вѣрною обрящеши ея,
Благополученъ ты, реку тогда и я.
А естьли узришъ ты Прокриду колебиму?
Покрайней мѣрѣ, часть сію не обходиму
Претерпиши единъ, ни кѣмъ не бывши зримъ,
И будешъ самъ Цефалъ совмѣстникомъ своимъ.

Цефалъ

Цефалъ приемля даръ ея лобзаетъ руку;
И самъ спѣшитъ себѣ содѣлать злую муку;
Спѣшитъ отъ глазъ ея надѣждой духъ маня,
Спѣшитъ и зритъ къ ѣздѣ гоповаго коня;
Садится на него и воздухъ разсѣкаетъ,
Лѣса, поля, луга и горы претекаетъ.
Прокрида между тѣмъ, въ кругу прекрасныхъ дѣвъ
Сидѣла во своихъ рукахъ платно имѣвъ,
На коемъ, въ даръ покровъ Минервѣ вышивала
И въ швенїи вѣщамъ видъ жизни придавала.
О естьлибъ пѣснь сїю воспѣлъ намъ Клавдїянъ!
Онъ пѣлъ бы шьющую Прокриду, Океянъ
Держащїй во своемъ обьятїи вселенну,
Едину часть земли отъ солнца раскаленну,
И двѣ морозами обьяты навсегда
Гдѣ солнце дѣйствовать не можетъ ни когда;
Межъ ими двѣ страны прохладой растворенны,
Для смертныхъ жатвою богатой одаренны,
Атланту на плеча какъ сводъ небесъ возлегъ;
И златомъ бы онъ свѣтъ блестящихъ звѣздъ возжегъ;
Престолъ бы онъ боговъ воздвигъ превыше неба,
И удаленнаго со ноцїю Ереба,
Подшился бъ Клавдїянъ вошвенїи предъ взоръ
Представитъ намъ озеръ, дубравъ, луговъ и горъ,
На коихъ съ Нимфами игры заводятъ Фавны,
Межъ симъ бы помѣстилъ дѣла Минервы славны;
Являлася бы тамъ ея съ Нептуномъ пря,
Съ конемъ бы зрѣли мы водъ сильнаго Царя,
И послѣбъ зрѣли мы во швенїи предивномъ
Богиню мудрости, при деревѣ оливномъ.
Сїе и протчихъ тьму Афины славныхъ дѣлъ
Преславный Клавдїянъ охотно бы воспѣлъ.

Но слога, коимъ слухъ въ немъ чтущія плѣняютъ
Въ другихъ писателяхъ отнюдъ не извиняютъ.
И такъ довольно мнѣ вмѣстить межъ краткихъ словъ:
Когда Прокрида свой готовила покровъ,
Тогда едина ей служебница доноситъ;
Что входа нѣкій мужъ себѣ къ Прокридѣ проситъ.
Съ начала былъ ему строжайшій сей отказъ,
Что онъ Прокридиныхъ не будетъ видѣть глазъ.
Но дѣва ей рѣкла: имѣетъ много злата,
Онъ куплю дѣетъ имъ; и кая будетъ трата,
Дабы во твой покровъ былъ принятъ странникъ сей?
Онъ можетъ быть легко между своихъ рѣчей,
Раскажетъ о твоемъ возлюбленномъ Цефалѣ.
Пустила предъ себя, и словъ своихъ въ началѣ
Чинитъ ему вопросъ: ещель Цефалъ мой здравъ?
Но странникъ на вопросъ жемчугъ изъ нѣдръ изьявъ
Глаголетъ ей: прїйми сїи Прокрида дары
Что мнѣ оставили пучины волны яры,
Которыми корабль мой грозно поглощенъ;
А я на то на свѣтъ безсмертными пущенъ,
Чтобъ могъ у ногъ твоихъ пристаница искати.
Позволь ты мнѣ въ твоемъ дому обноцевати.
Прокрида не прїявъ даемыхъ ей даровъ
Позволива ему войти подъ свой покровъ.
Цефалъ во образѣ чуждемъ въ свой домъ вступая,
Служебницамъ сребро и злато разсыпая
Ихъ мысли на свое желанїе склонилъ;
Единыя ни чѣмъ Прокриды не плѣнилъ.
Всѣ драгоцѣнности жемчуга и металла
Не сдѣлали ее не вѣрной для Цефала.
Ужъ мнимый странникъ сей съ началомъ дня встаетъ
И изъ Прокридиныхъ чертоговъ вонъ идетъ

Доволенъ будучи суровостью супруги;
Но требуетъ еще отъ щастья онъ услуги;
И хощетъ вновь еще Прокриду испытать.
Но цѣломудрїя супруги хитрый тать,
О дерзостный Цефалъ! на что ты вновь дерзаешъ?
Ты самъ къ погибѣли ей двери отверзаешъ;
Иль мало опыта супругѣ ты чинилъ?
Что сердца ты ея богатствомъ не плѣнилъ.
Богатствомъ, кое всѣхъ сердцамъ людей прелѣстно.
Или тебѣ Цефалъ нещастный неизвѣстно?
Что цѣломудрїе ломчае въ насъ стекла.
Но ревность мысль его къ погибѣли влекла;
Она его къ сему злодѣйству возбуждаетъ.
Цефалъ отходитъ прочь, и тако разсуждаетъ:
Не златомъ мнѣ ее прельщать, не жемчугомъ;
Явлюсь Прокридѣ я во образѣ другомъ.
Я зракъ приму, речетъ, прекрасньѣи Ганимеда;
И еспьли мнѣ еще откажется побѣда,
Тогда Прокридиным откроюся очамъ
И съ нею разсмѣюсь Авроринымъ рѣчамъ.
Такъ мнилъ нещастливый Цефалъ, но мнилъ напрасно.
Пріемлетъ стройный станъ, прїявъ лице прекрасно;
Ужъ въ новомъ видѣ семъ какъ ясный Фебъ блисталъ;
И словомъ, самъ себя Цефалъ прекраснѣй сталъ;
Спѣшитъ обратно въ домъ къ младой своей супругѣ,
Несетъ богатство къ ней не въ златѣ и жемчугѣ,
Но вмѣсто оныхъ къ ней несетъ свои красы:
Кудрями по плечамъ лежащїе власы,
Коралловы уста, дугами русы брови,
Подъ коими изъ глазъ блистаетъ огнь любови.
Въ семъ видѣ лишь предсталъ къ своей супругѣ взракъ,
Сошедшїй зритъ съ ея лица печали мракъ.

Въ

Въ премѣнѣ сей Цефалъ добра не предвѣщаетъ,
Отъ радости ея грусть въ сердцѣ ощущаетъ.
Превозмоги себя Цефалъ, превозмоги,
Бѣги въ семъ образѣ Прокриды ты бѣги,
Не искушай ея вторично добродѣтель,
Ты будешъ бѣдъ своихъ несчастливый свидѣтель!
Но что, Цефала рокъ его въ погибель велъ:
Уже онъ склонной взоръ Прокридинъ пріобрѣлъ.
Въ другіе бы часы, когда бъ въ своемъ былъ видѣ
Благодарить за то онъ долженъ былъ Прокридѣ;
А нынѣ грудь змія терзаетъ у него,
Прокрида склонная несноснѣе всево.
Но онъ еще свое несчастье продолжаетъ,
Въ семъ образѣ ее притворно обожаетъ.
Уже онъ на конецъ лобзанье получилъ,
Лобзаньемъ боль въ груди на время умягчилъ;
Прокрида бо ему лобзанье учинила,
И въ ревности любви воздѣйствовала сила.
О естьли бъ возмогла она ее сразить?
Всѣ въ радость бѣдствія могла бъ преобразить.
Какъ море тихое подобяся лазурю
Сулитъ несчастному пловцу внезапну бурю:
Подобно такъ и сей разгнѣванный сипругъ
Умолкъ, дабы явить себя свирѣпымъ вдругъ:
Онъ только что уста отъ устъ ея отъемлетъ
Уже онъ ревности слова толь грозны внемлетъ:
Се какъ тебѣ вѣрна твоя супруга днесь!
Тогда Цефалъ возженъ пылаетъ гнѣвомъ весь.
Какъ страшный нѣкій громъ изъ устъ онъ испускаетъ
И образъ свой пріявъ супругу упрекаетъ;
Виновенъ бывши самъ виновною зоветъ:
Се вѣрность мнѣ твоя открылась, вопіетъ,

Сбылось со мной, сбылось Богини пророченье.
О злѣйшая напасть! о люпое мученье!
Увы! Прокрида мнѣ ужъ болѣ не вѣрна,
И кая скорьбь мою сокроетъ днесь страна?
Нещастная жена симъ громомъ пораженна
Стоитъ, какъ узами повсюду обложенна,
Покрыла нѣжный взоръ стыда густая мгла,
Прокрида отвѣчать ни слова не могла,
Спирался духъ въ груди, и сердце замерзало,
Отчаяніе въ ней всю мысль ея терзало;
Уже толико ей возлюбленный Цефалъ
Какъ самый лютый врагъ предъ нею пребывалъ,
На коего она свирѣпый взоръ пустила,
Которымъ самого бъ Ерота возмутила;
И ничего въ отвѣтъ Цефалу не рекла,
Какъ серна отъ ловца поспѣшно утекла.
Едва нещастная изъ глазъ его уходитъ,
Ужъ въ сердце грусть къ нему отверсту дверь находитъ;
Ужъ сталъ онъ грустію какъ тучами покрытъ.
Самимъ гласитъ, самимъ сей ровъ мной былъ изрытъ,
Въ который нѣжная моя супруга пала:
Она бы вѣрною поднесь мнѣ пребывала.
Ахъ, я ее себѣ невѣрной учинилъ,
Я самъ сладчайшу жизнь мнѣ въ горесть премѣнилъ.
Се любопытства плодъ чѣмъ взоръ я мнилъ насытить.
И кто, когда бъ не я, могъ взоръ ея похитить?
Въ тоскѣ сей зритъ онъ тѣнь тѣхъ сладостныхъ ночей,
Которы провождалъ съ супругой онъ своей;
Ужъ представляетъ мысль въ его смущенны взоры,
Какъ былъ невѣренъ самъ Прокридѣ у Авроры.

Хотя

Хотя въ Богинѣ я супруги образъ зрѣлъ,
Хотя съ Богиней бывъ супругой я горѣлъ,
Хотя мои уста и очи заблуждали,
Но не Прокриду тѣмъ, Аврору услаждали.
Почто къ разгнѣванью я былъ толико скоръ?
Супругу въ образѣ другомъ прельстилъ мой взоръ,
Не мой ли взоръ ея былъ лютымъ столь злодѣемъ,
Не самъ ли мнимымъ ей я былъ прелюбодѣемъ?
Не самъ ли въ сей ее проступокъ я вовлекъ?
Такъ въ мысляхъ самъ себѣ Цефалъ нещастный рекъ,
И легъ въ тоскѣ своей на одръ свой опочинуть.
Не могутъ и въ одрѣ ево напасти минуть;
Несносны кажутся въ одрѣ ему часы,
Воображаетъ онъ Прокридины красы,
Воображенїе сїе ево снѣдаетъ,
Съ началомъ дня онъ одръ свой хладный покидаетъ,
Уже съ началомъ дня возставъ съ одра течетъ
Куда одно ево стремленїе влечетъ;
Онъ рощи и луга, и горы пребѣгаетъ,
Гдѣ въ мысляхъ быть своей супругѣ полагаетъ;
По всѣмъ мѣстамъ свою Прокриду онъ зоветъ,
Но тщетно все сїе, нигдѣ Прокриды нѣтъ,
Ни гдѣ уже ее, ни гдѣ не обрѣтаетъ,
Лишъ грусть единую по всѣмъ мѣстамъ срѣтаетъ:
Не ясны кажутся прозрачны небеса,
Поблекли для него зелены древеса,
Завяли для него цвѣтовъ различны роды,
Въ излучистыхъ брегахъ мутятся чисты воды,
Не прохлаждаетъ грудь его и самъ Зефиръ;
Лишась Прокриды сталъ и бѣденъ онъ и сиръ.
Такъ въ горести Цефалъ, изъ мѣстъ въ мѣста
преходитъ
И наконецъ его стремленїе заводитъ

Во внутренность пустынь, въ лѣсныя густоты,
Гдѣ Нимфу онъ узрѣлъ оттмѣнной красоты:
Волнамъ подобные власы она имѣла,
Ланиты алыя, взоръ ясный, бѣлость тѣла,
Одѣжду собранну по верхъ ея колѣнъ,
Сія Цефалову взяла бы мысль во плѣнъ,
Когда бъ Прокридою онъ не былъ сокрушаемъ.
Но онъ печалію бывъ чувствія лишаемъ
Безстрастнымъ мнилъ ко всѣмъ красавицамъ умреть.
Но мнилъ съ собою онъ Богиню Ловли зрѣть;
Съ почтеніемъ ея колѣна обнимаетъ:
О ты владычица лѣсовъ и рощъ, взываетъ,
Не инакъ бо тебя, Дїянну быти мню,
Яви Богиня мнѣ, яви мнѣ ту страну,
Въ которой днесь моя скрывается супруга?
Не есмь Дїянна я, но Нимфъ ея подруга,
Или яснѣй сказать, служебница ея.
Но кто, вѣщай мнѣ, кто супруга есть твоя?
Прокрида имя ей, въ красѣ ей нѣтъ примѣра,
Красой своей она небесная Венера,
И цѣломудріе Минервы въ ней самой,
Жена, достойная хвалима быти мной,
О коея теперь утратѣ я стенаю.
О Нимфа! я тебя молю и заклинаю,
Что есть тебѣ всево на свѣтѣ семъ милей,
Открой жилище мнѣ возлюбленной моей.
Ахъ можетъ быть она, въ какой ни есть дубравѣ,
Вселяется межъ васъ въ Дїянниной державѣ?
Коль мѣсто, гдѣ она скрывается, явишъ,
Цефала, ищуща ее, ты оживишъ;
Я оживленный бывъ тобой, тебя прославлю,
Изъ мрамора твой ликъ въ дому моемъ поставлю,

Во

Во имнахъ воспою божествеину красу
И жертвы тучныя обильно принесу.
Изрекъ и хощетъ вновь обнять ея колѣна;
Но Нимфа будто бъ бывъ чужда любовна плѣна
Уходитъ отъ его дерзающей руки,
И тако притворясь глаголетъ вопреки:
Другой ты собрети, Цефалъ, сей образъ лести.
Мнѣ дѣвство не велитъ мое пріять сей чести,
Какую хощешъ мнѣ объятіемъ явить.
Но вѣрь, потщусь я твой покой возстановить;
Я радуясь тебѣ явлю мою услугу,
Гряди за мною въ слѣдъ, обрящеши супругу.
Хотя бы я должна ее была скрывать
И вдавшусь въ нашъ покровъ тебѣ не предавать;
Однако жъ тронута несноснымъ симъ мученьемъ,
Смущаюся твоимъ сама я огорченьемъ,
Печаль твоя, Цефалъ, самой мнѣ грудь разитъ,
Гряди, и рокъ твою напасть преобразитъ.
Такъ Нимфа ложная Цефалу говорила.
(Аврора бо его мечтою предварила,
Представя Нимфою ему, тотъ самый Часъ,
Которой бодрственность собой раждаетъ въ насъ;
Онъ есть предшественникъ всегда во свѣтъ Авроры,
И онъ сей Нимфою предсталъ къ нему предъ взоры.)
Уже въ Цефалѣ духъ надѣждою горитъ,
Уже онъ мысленно свою супругу зритъ,
Въ смущеніи, въ слезахъ отчаяину стоящу,
И жалобы предъ нимъ съ упреками творящу;
Ужъ въ утѣшеніе онъ ей сіе вѣщалъ:
Прокрида, естьли бы меня кто такъ прельщалъ?
Я самъ бы, можетъ быть, какъ ты же возмутился,
И красотой тебѣ подобной бы прельстился.

Се такъ онъ мысленно предъ ней упавъ лежалъ
И быть уже себя прощеннымъ воображалъ:
И насыщающїй симъ мысленные взоры,
Грядетъ за посланной мечтою отъ Авроры.
Сїя къ нему въ груди питая нѣжну страсть,
Прокридѣ новую готовила напасть.
Еще ему явить видѣнье хочетъ ложно.
(Богинѣ бо сїе влюбленной все возможно).
И такъ, когда Цефалъ столь нѣжно разсуждалъ,
Съ зловредным симъ часомъ къ пещерѣ той предсталъ,
Въ которой гнѣвная Прокрида обитала,
И ненависть ко всѣмъ мужамъ въ крови питала.
Рекла: се есть твоей красавицы покой,
Не чувствуй болѣе печали никакой.
Гряди со тихостью, вновь Нимфа подтверждаетъ,
Она во сладкомъ снѣ сей часъ препровождаетъ.
И можетъ быть . . . но ты пещеру разтвори,
Гряди Цефалъ, гряди, отважся и воззри.
Но что Цефалъ теперь содѣлалось съ тобою?
Какою пораженъ ты гнѣвною судьбою?
Какими тяжкими ты узы одержимъ?
Стоишъ ты при одрѣ Прокриды недвижимъ.
Какое зрѣлище твои смутило очи?
Твой зракъ, пріятный зракъ, подобенъ темной ночи;
Ты весь смущаешся, твой духъ въ тебѣ дрожитъ . . .
На ложѣ юноша съ Прокридою лежитъ!
Вздымаются власы, кровь въ жилахъ замерзаетъ,
Онъ хощетъ возопить, гласъ въ персяхъ изчезаетъ,
Онъ къ пущей горести въ семъ юношѣ узрѣлъ,
Что онъ подобїе его въ себѣ имѣлъ,
Въ какомъ являлся онъ испытывать Прокриду.
Тогда возчувствовалъ онъ всю свою обиду,

Воз-

Возчувствовалъ, что симъ супружня страждетъ честь,
Подвигся видомъ симъ на ярость и на мѣсть;
Терзаемъ ревностью какъ Фуріею злою,
Пронзилъ Прокридѣ грудь онъ острою стрѣлою;
Но къ пущей горести и къ току вѣчныхъ слезъ
Лежащій юноша въ глазахъ его изчезъ.
(То былъ единъ призракъ Авророю явленный),
Тогда бы самъ хотѣлъ онъ быти уязвленный,
И естьли бъ рокъ его всѣй силы не лишилъ,
Сугубое бы онъ убивство совершилъ.
Межъ тѣмъ Прокрида взоръ въ послѣдни отворила
И такъ полмертвыми устами говорила:
Не ставлю я Цефалъ сего тебѣ въ вину,
Что ты сразилъ тебѣ пропивную жену;
Виню мою судьбу, виню жестокость рока,
И что ты не далъ жизнь мнѣ кончить безъ порока,
И естьли бъ ты не самъ смутилъ межъ нами бракъ...
При сихъ словахъ ея гласъ съ жизнію изякъ.
Цефалъ въ объятія беретъ супругу мертву,
Лиетъ потоки слезъ, отчаянія жертву.
Колико много разъ власы свои терзалъ,
Колико много разъ онъ рану лобызалъ.
Се испытанія, онъ вопитъ, мнѣ есть плата,
Невозвратима мнѣ спокойствія утрата!
Почто увы, почто я столько дерзокъ былъ?
Прокрида, я тебя на вѣки погубилъ!
Тутъ паки скорьбь его въ безчувствіе повергаетъ.
Но вѣрныхъ сонмъ рабовъ къ Цефалу прибѣгаетъ,
Они познавъ вину его лютѣйшихъ бѣдъ,
Спремились по лѣсамъ за спраждущимъ во слѣдъ.
И слыша вопль его, на вопль ево спѣшили,
Пришедъ, безчувственна оружія лишили.

Онъ только что успѣлъ глаза свои открыть,
Обезоруженный не знаетъ что творить:
Прокридинъ трупъ въ глазахъ, тоска не покидаетъ,
И яко лютый огнь въ немъ внутренно снѣдаетъ.
Хотѣлъ бы самъ себя онъ жизни тутъ лишить
Чтобъ кровїю своей сей пламень потушить,
Но безъ оружїя не льзя ее прешерти,
Онъ мнитъ въ водахъ себѣ искать желанной смерти.
Близь мѣстъ сихъ, гдѣ его постигъ свирѣпый рокъ
Лился чистѣйшїя воды съ горы потокъ
И составлялъ въ долу разлитїе широко,
То было езеро, и было столь глубоко,
Что Нимфы тѣхъ лѣсовъ купались часто въ немъ:
Цефалъ, въ отчаянномъ неистовствѣ своемъ
Имѣя смертїю Прокриды мысли полны,
Свергается съ боковъ въ его прозрачны волны.
Но сколь чудесны суть всѣ случаи судьбы!
Тамъ вѣрные его избавили рабы,
Здѣсь паки тажъ судьба избавить поспѣшала.
Аврора только путь свой утренній свершила,
И утомленная отъ солнечныхъ огней
Ко езеру сему склоня своихъ коней;
Одѣжду на кусты повѣсила зелены
И розовы водамъ свои вверяетъ члены.
Не мнилъ уже сего нещастный-ты Цефалъ,
Дабы Авроры свѣтъ тебя осїявалъ.
Скажи мнѣ муза, какъ сїе происходило:
Паденїе его Аврору устрашило,
Она на верхъ воды стремительно всплыла
И умирающа Цефала обрѣла;
Цефалъ послѣднее дыханье испускаетъ,
Богиня изъ воды Цефала извлекаетъ,

Кладетъ

Кладетъ въ пещеру, гдѣ былъ постланъ мягкій мохъ
И внемлетъ изоустъ его изшедшій вздохъ,
По вздоху живость въ немъ богиня познаваетъ,
И грудію своей грудь хладну согрѣваетъ,
Въ лишеніомъ чувствія и всѣхъ тѣлесныхъ силъ
Біенье нѣкое ослабшихъ слышитъ жилъ:
Ужъ трепетъ наконецъ въ немъ серца ощущаетъ
И жизнь лобзаніемъ Цефалу возвращаетъ.
О вы! прославльшіясь искуствомъ таковымъ,
Что кистью вѣщества подобите живымъ,
Искуство здѣсь свое вы нынѣ вновь прославьте,
Изображеніе изъ сихъ стиховъ составьте;
Какъ оживляемый Авророю Цефалъ
Въ объятіяхъ ея еще полмертвъ лежалъ,
Какъ цвѣтъ лица его по малу оживлялся,
И какъ отверзшій взоръ онъ чуду удивлялся,
Узря въ объятіяхъ Авроринихъ себя,
Облобызалъ ея, хотя и нелюбя;
Но благодарности въ немъ дѣйствовала сила,
Что мертваго его лобзаньемъ воскресила.
А вы, питающи взаимный жаръ въ крови,
Супруги вѣрныя, живущія въ любви,
Цефалову судьбу вы здѣсь уразумейте
И лишнихъ опытовъ чинить себѣ не смѣйте.

Конецъ вторыя лѣсни.

II.

Идиллія.

Лидора.

Калиста и Дориса,

Златые дни ведя Калиста на лугу,
Пасла своихъ овецъ водъ чистыхъ на брегу.

Еще

Еще любви стрѣла ей въ грудь не прилетала,
И яду сладкаго ей въ сердце не вли́яла;
Хотя она была прелестна и нѣжна,
Любовью для любви на свѣтѣ рождена;
Но видя пастушки ея привѣты строги,
Не смѣли прошептать любовной къ ней дороги;
И только издали ее боготворя,
И внутреннимъ огнемъ несчастные горя,
Ей въ честь и похвалу играли во свирѣли,
И прелести ея въ часы свободны пѣли,
Безъ пользы на нее бросаютъ страстный взглядъ,
Всѣ тоже и одно въ устахъ своихъ твердятъ:
Что роза де не съ тѣмъ прекрасна межъ цвѣтами,
Чтобъ только красоту ея смотрѣть глазами;
Но должно съ нѣжностью сей лестный цвѣтъ срывать,
И любоваться имъ, лобзать и обонять.
Калиста между тѣмъ спокойна, безъ заботы,
Лишъ смотритъ на одни природныя красоты;
Но вдругъ увидѣла Дорису предъ собой,
Тутъ вящшей взоръ ея покрылся красотой,
Привѣтствовавъ себя какъ искренни подружки
Поцеловалися тогда сіи пастушки;
И сѣли на траву подъ тѣнь густыхъ древесъ.
Запѣли пѣсенки; внималъ имъ кротко лѣсъ.
Я скрылся во кустахъ они не усмотрѣли
И все то выслушалъ, что ихъ уста ни пѣли.

Калиста.

Мѣста спокойны и пріятны
Явите новы красоты;
Излейте запахъ ароматны,
И вы весемнїе цвѣты,

Жилище

Жилище сладостной свободы,
Любезное очамъ природы,
Жилище радостей, утѣхъ,
Отъ градска шуму удаленно,
Одной невинностью священно,
Представь игры, забавы, смѣхъ.
Разсыпь свои ты дары Флора,
Въ сей день родилась въ свѣтъ Лидора.

Дориса.

Скачите на травѣ овечки,
Въ весельи подражайте намъ,
Спокойнѣе теките рѣчки,
Неся илъ тучный по лугамъ.
Струи кристальны извиваясь,
Въ долинахъ злачныхъ разливаясь
Играйте легкостїю водъ,
Лидорин видъ изображайте,
И точный образъ представляйте,
Ея пріятностей, красотъ.
Разсыпь свои ты дары Флора,
Въ сей день родилась въ свѣтъ Лидора.

Калиста.

Зефиръ! ты здѣсь пріятно вѣешъ,
Рѣзвясь по волѣ на цвѣтахъ,
Ты нѣжишъ ихъ, ты ихъ лелѣешъ,
Ты почиваешъ на кустахъ,
Но зракъ прелестный, зракъ Лидоры
Ея красы, усмѣшки, взоры,
Живѣе чувствуютъ они,

Ея

Вся душа и мирны свойства,
Имѣютъ болѣе спокойства,
Чѣмъ ты имѣешъ въ красны дни.
Разсыпь свои ты дары Флора
Въ сей день родилась въ свѣтъ Лидора.

Дориса.

И вы любезныя Дріяды,
Сосплавьте съ нами торжество,
О Нимфы свѣтлыхъ водъ, Наяды,
Лидоры пойти рождество!
Плещите во струяхъ руками,
И сребренны власы вѣнками
Украсьте вы Лидоры въ честь,
Она пусть будетъ вами чтима,
И пѣснми въ рощахъ возносима,
Гдѣ искренность живетъ, не лесть.
Разсыпь свои ты дары Флора,
Въ сей день родилась въ свѣтъ Лидора.

Калиста.

Въ луга, въ долины, въ рощи, горы
Ты Эхо пѣсни разнеси,
Ты имя хвальное Лидоры,
И ей любезнаго гласи!
Силенъ пріятною свирѣлью,
И соловей различной трѣлью,
Пусть ихъ спократъ изобразятъ,
Цвѣты, кустарники, дубравы,
Листы древесъ, и мягки травы,
Пусть на себѣ ихъ имя зрятъ.

Раз-

Разсыпь свои ты дари Флора,
Въ сей день родилась въ сѣтъ Лидора.

Дэриса.

Лидора! сихъ утѣхъ причина,
Цвѣти, какъ красный криномъ цвѣтетъ.
Тобой красна сія долина,
Здѣсь безъ тебя отрады нѣтъ,
Внемли свирѣли сельской Музы,
И тотъ, кто Гименеемъ узы
Свои съ тобой соединилъ,
Пусть кроткимъ внемлетъ пѣсни слухомъ,
И благосворнымъ приметъ духомъ,
Сей даръ по мѣрѣ нашихъ силъ.
Разсыпь свои ты дары Флора,
Въ сей день родилась въ свѣтъ Лидора.

III.

Пѣсенка переведена съ Французскаго.

Нѣжна гдѣ любовь живетъ?
Лида мнѣ рекла прелестна,
Я на то сказалъ въ отвѣтъ,
Что любови власть всемѣстна,
Отверзаетъ дню врата,
Купно возходя съ зарею.
Солнцевъ блескъ и красота,
Всходитъ и низходитъ съ нею.

*

Съ стадомъ скачетъ на лугахъ,
Всей любовница природы,

Птички

Птички съ ней поютъ въ лѣсахъ,
Съ ней журчатъ прозрачны воды,
Въ злачной рощѣ часто спитъ,
И дѣвицъ она прельщаетъ,
Бабочки въ прелестной видъ,
Коль себя преобращаетъ,

*

Въ вѣтвяхъ, и въ цвѣтахъ любовь,
Дышетъ сладостью и вѣетъ,
Розу рождшуюся вновь,
И румянитъ и лелѣетъ.
Естьлижъ хочешъ точно знать,
Сколь мы ей всегда подвластны,
Мило ей твой видъ являть,
И глаза твои прекрасны.

IV.

Буря.

Переводъ осмой Идилліи Г. Леонарда.

Низы утро созрѣвало
И на персяхъ у нее
Естество окончевало
Сотвореніе свое.
Заблуждались воздыханья,
На желающихъ устахъ;
Что Зефировы дыханья,
Въ юныхъ розовыхъ листахъ.
Ужъ шестнатцать разъ ей риза
Обновлялася дубравъ;
Въ тѣжъ года Инетъ, что Низа:

Возрастъ

Возрастъ щастья и забавъ.
Видя сладость ихъ совѣта,
Нѣтъ, никто не узнаетъ,
Въ сердце Низы иль Инета
Вящій огнь любовь лѣтъ.
Толькобъ Низа отлучилась!
Ненавидѣлъ онъ всего,
И сердечная мрачилась
Ясность Низы безъ него.
Снизходилъ, чтобъ ихъ озлобить
Между ими вечеръ тихъ,
И ни съ чемъ не уподобить
Радости свиданій ихъ.
Нѣжна пѣсенка имъ спѣта,
Ей казалась хороша;
Устъ поющаго Инета
Слушалась ея душа.
Щастье онъ свое вкушаетъ
Гласъ ея внимая, млѣть;
И стократно ей мѣшаетъ,
Лобызаніями, пѣть.
О судебъ предѣлы мрачны!...
День щастливой прилеталъ,
Что свѣщи зажегши брачны,
Именей бы ихъ срѣталъ.
За день, ихъ водимы рокомъ,
Въ лугъ изъ хижинъ шли своихъ,
Въ ощущеній глубокомъ,
Щастья, кое ждало ихъ.
Низу что то огорчаетъ
Проницаетъ въ жилы мразъ
И душа внимати чаетъ

Нѣкїй тайный страха гласъ.
„Трепещу, гласитъ; напрасно
„Вздохи тщусь отъ сердца гнать!...
„Жить намъ было такъ прекрасно!
„Должноль намъ разлуку знать?
Въ то мгновенье набѣгаютъ
Надъ главы ихъ облака:
Смерть и бури собрегаютъ
Опаленны ихъ бока.
Совершилось! .. Небо тьмится,
Въ воздухъ всѣялася мгла.
Туча тягостная дымится:
Молнья съ громомъ потекла.
Къ персямъ друга приникаетъ
Низа, въ ужасахъ своихъ.
Молнья съ трескомъ претекаетъ
Обьимающихся ихъ.
Души ихъ, въ одномъ слїяньѣ
Въ чистой воздухъ унеслись;
И послѣдне ихъ дѣянье,
Было то, что обнялись.

*

Приписанїе.

Ты, для коей Леонара
Занимая тихїй гласъ,
Возбуждалъ я искры дара,
Кой въ душѣ унылой гасъ:
Ты, что мнѣ природы узы
Сердца щастїемъ творишъ!
Ты мнѣ ясность, ты мнѣ Музы
звращенїе даришъ.

*

СпансЪ.

Стансъ.

Къ Нинѣ.

О милое мечтанье
Родись въ душѣ моей,
И тайно обитанье
Создай себѣ ты въ ней.

Изъ розы не опадшей,
Коль можешъ, живость вынь;
Изъ Грацій самой младшей,
Чертами видъ накинь.

Что въ свѣтѣ есть прекрасно
Похитить поспѣшай:
И чтобъ предспавить ясно,
Всѣ виды вдругъ смѣшай.

Насъ свѣтлость дня ласкаешъ
И зрѣнію мила.
Меня днесь привлекаетъ
Твоя пріятна мгла.

Случается скрываетъ
Нѣва свой пышный ходъ
И тонкимъ одѣваетъ
Туманомъ зыби водъ.

Я съ Тагомъ чту совмѣстной
Ее оцѣпенясь;
Пройду: ужъ зрю прелестной
Во сумракъ притаясь

Пускай вотще плѣняюсь
И осязаю тѣнь;
Я ею наполняюсь:
Душа моя ей сѣнь.

Не знаешЪ, что вздыхаю
Я, Нина, по тебѢ;
Но то я открываю
Едвали и себѢ.

Не внидетЪ нагла дерзость
ВЪ то сердце, въ коемЪ ты.
БѢжитЪ пороковЪ мерзость
СосѢдства красоты.

ГдѢ можетЪ начертаться
СлѢдЪ зраку твоего,
Не должно тамЪ остаться
Дурнаго ничего.

Клянусь: не покраснѢешЪ.
Тебяль мнѢ оскорбить?
Но въ томЪ ужЪ не успѢешЪ,
Тебя чтобЪ не любить.

Я жизнію доволенЪ,
Ходя твоей тропой;
Оставить приневоленЪ
Ты слѢдуешЪ за мной.

Самъ не зная входишЪ
Во храмину мою:
По сонму, кой ты водишЪ,
Тебя я познаю.

За тѢмЪ что при движеньѢ
Одной твоей стопы,
БѢгутЪ въ препровожденье
Пріятностей толпы.

ПотомЪ не предаются
Онѣ ужЪ никому
И вѣрны остаются
Отсутствву своему.

VI.

Анакреонова

Первая Ода.

Однажды воспрїялъ я Лиру въ руки,
Чтобъ Кадма пѣть, Апридовы дѣла;
Но Лира мнѣ преслушась, нѣжны звуки
Согласїямъ любовнымъ отдала.
Виновны струны я отмщенью предалъ,
И новыя на Лиру наложилъ;
Но только испытать я ихъ отвѣдалъ;
Любови богъ и ихъ обворожилъ.
Воители! я вамъ не обѣщаю
На жертвенникъ куренья приносить;
Но Лиру я лѣниву посвѣщаю
Любови стонъ и радости гласить.

VII.

Епиграммы.

1.

Приходомъ молнїи, бесѣдѣ враль предсталъ,
Что бы рѣчей своихъ ее подвергнуть игу;
Въ бесѣдѣ былъ слѣпой, которой почиталъ,
Что кто нибудь читалъ:
Лишь толь враль умолкъ, сказалъ, не медля мигу;
„Извольте бросить въ печь негодну ету книгу.

2.

Со сватомъ у Кузмы, въ прощены дни
Дошло до драки,
И рвутъ они
Другъ друга, какъ собаки.

Понятно всякому, молчалиль забіяки.

Мерзавецъ! ... Воръ! ... Уродъ! ...

Зажми-се ротъ ..

Брось ети враки.

Молчи рогатой скотъ! .. Молчи ворожея!

А! а! тотъ подхватилъ, такъ угадалъ же я!

3.

Въ деревнѣ нѣкогда, нись баба, нись мужикъ,
Прежирную свинью, связавъ ей ноги, стригъ.
Сказалъ чортъ, слыша какъ свинья тогда визжала,
Здѣсь крику множество, а шерсти очень мала.

* * *

IX.

Сравненіе.

Прекрасны обѣ вы, разумны добронравны,
Учтивы, искренны, честны и не тщеславны,
Ето сходство!
Но Тирза то ни чемъ не хочетъ показать;
А Филлисъ щщится тѣмъ предъ всѣми щеголять.
Вотъ не сходство!

*

Всякъ сладость чувствуетъ внявъ ваши разговоры;
Какъ стрелы поражать удобны ваши взоры.
Ето сходство!
Филлиса мещетъ ихъ и хочетъ поразить;
А Тирза важностью ихъ щщится притупить.
Вотъ не сходство!

Имѣя

Имѣя вы сердца для страсти сотворенны,
Владѣете собой, бывъ ею покоренны.
Вото сходство!
Одна въ любви быстра, рѣвнива и страстна,
Друга умѣренна, спокойна и нѣжна.
Вотъ не сходство!

Вамъ тысячи сердецъ приносятъ въ даръ почтенье,
Любовь, открытіе, восторгъ и удивленье.
Вото сходство!
Филлисъ ни одново не хочетъ потерять,
А Тирза лишъ однимъ вѣкъ хочетъ обладать.
Вотъ не сходство!

Любовникъ той и сей въ пріятнѣйшей неволѣ,
Живутъ въ веселіи и въ сладкой смертныхъ долѣ.
Вото сходство!
Но щастье разное имъ писано судьбой:
Въ спокойствіи одинъ, въ опасности другой.
Вотъ не сходство!

X.

Переводъ съ нѣмецкаго Анакреонтическихъ стиховъ.

I.

Вдохновеніе.

Аполлонъ! богъ стихотворства,
И священный Музъ соборъ!

На вершинахъ васъ Парнаса
Возхищаютъ каждый часъ,
Звукъ пріятный струнъ согласныхъ
И Сатировъ короводъ.
По намѣренью слагати
Помогите мнѣ стихи!
Вы водой меня напойте
Иппокрены чистыхъ струй,
И предайте мя дремотѣ
Въ освященныхъ тамъ лѣсахъ;
И по томъ я вдохновенный
Пѣсни воспою свои.
Я полѣтомъ днѣсь кичливыхъ
Твердь небѣсну пробѣгу;
Я обозрю всѣ свѣтилы,
Солнце, звѣзды и луну;
Пропѣку шаръ земноводный
И проникну въ нутрь его.
Я изслѣдую подробно
Царствы камнѣй и звѣрей;
Птицъ, металловъ, и растеній,
И живущихъ рыбъ въ водахъ:
Чтобъ явить ихъ безконечность
И чудесность описать.
Воспою хвалу я Богу,
Воспою хвалу Царямъ,
Воспою хвалу Героямъ,
Правыхъ воспою судѣй;
Восхвалю я чинъ священный,
Воспою честныхъ друзей.
Остроумныхъ стихотворцовъ,
Добродѣтельныхъ красотъ,

И гражданъ во градѣ мирныхъ
Вѣрной кистью опишу.
Я ругать пирановъ стану,
Накажу я злыхъ судѣй,
Осмѣю я пустосвята,
Скупость гнусною явлю.
Я обрадую веселыхъ
И упѣшу я пѣчалъ.
Буйну гордость я вельможи
И педанта гнусной вздоръ,
Разряженнова повѣсу,
Лицемѣрїе ханжи,
Болтуновъ и блюдолизовъ,
Низкость вреднова льстеца,
И съ толпою шунѣядцовъ,
Скаредной кокетокъ полкъ,
Опорочу, сколь возможно,
Сатирой, достойной ихъ.
Словомъ, славить добродѣтель,
И порокъ казнить хочу.
Аполлонъ! благїи учитель,
И любезны дѣвять сестръ!
Вы въ восторгъ мой духъ влеките
Дайте мысль ученику!
Но когда мнѣ не дадите
Вдохновенїя сего,
То въ наполненныхъ бутылкахъ
Я попщусь искать его.

2.

Убїйство.

Естьли жизнь, какъ увѣряютъ,
Твердымъ узломъ съединенна
Со любовью и съ душой:
Такъ меня ты умертвила,
О дражайшая! съ тѣхъ поръ,
Какъ въ первыя мнѣ съ восторгомъ
Сладкой поцелуй дала.
Заразился я любовью,
Заразилъ свою и душу;
А любовь превозмогая
Я и душу потерялъ.
Можетъ быть сыщу я душу
На устахъ твоихъ опять.
Ты жъ вины сей убѣгая,
Что убїйство учинила,
Сдѣлать мнѣ позволь исканье;
И лобзаньевъ тьму дай сладкихъ,
Что бы духъ въ меня вложить.

3.

Елисейскїя поля.

Обойми меня драгая,
Какъ и грозды виноградны
Свой обьемлютъ твердый стебель;
И какъ будто почивая
Приклонись ко мнѣ пріятно,
Чтобъ любовь въ меня вдохнути
Сладкимъ звукомъ поцелуевъ.

Я въ награду поклянуся,
Чтобъ ни мало не стараться
Изъ твоихъ сѣтей мнѣ вырвать
Уловленно сердце ими.
Но когда умремъ мы оба,
То скажу тогда Харону,
Чтобъ въ одной Харонъ насъ лодкѣ
Перевезъ въ поля пріятны,
Гдѣ въ кустахъ густыя миpты
Тѣни смертныхъ любятъ нѣжно.
Я и тамъ любить тя буду
Прямо райски лобызая.

4.

Продолженіе любви.

Любовь мой духъ питаетъ,
Любовь мой взоръ прельщаетъ.
Любви я буду вѣренъ,
Доколѣ птицы въ нѣбѣ
Лѣтать и пѣти будутъ;
Доколѣ рыбы въ морѣ,
Доколь въ дубравахъ звѣри,
Рыкать и плавать будутъ;
Доколь въ землѣ металлы
Отъ вѣка сотворенны
Останутся невредны;
Сколь долго по долинамъ
Источники тѣчь будутъ;
Доколѣ въ тверди неба
Свѣтильники блистаютъ;
Додолѣ плодоносну

Земля

Земля приноситъ жатву,
Доколѣ винограды
Сладчайшїи плодъ рождаютъ;
Сколь долго тихїй вечеръ
Смѣняти утро будетъ,
И послѣ зноя лѣтня
Морозы наступаютъ;
Доколѣ быстры рѣки
Назадъ не возвратятся;
Доколь пространно море
До капли не изсохнетъ,
Доколь огонь съ водою
Доколѣ агнецъ съ волкомъ,
Доколѣ чижикъ съ кошкой,
Въ союзѣ жить не будутъ;
До толь любить я буду,
Тебя, драгая, вѣрно.

5.

Пресѣленїе душъ.

Щастливей всѣхъ на свѣтѣ,
Въ глазахъ моихъ, три твари,
Которы всѣмъ не милы:
Блоха, комаръ и муха.
Они лишъ пожелаютъ,
Въ чертогахъ и шалашкѣ
Целуютъ нѣжны груди
Прелѣстнѣйшихъ красавицъ.
А я напасти многи
И разныя препятства

Снести съ терпѣньемъ долженъ,
Чтобъ щастія достигнуть,
И целовать любезну.
Но есть ли то не ложно,
Какъ философы мнили,
Что души пресѣляпся,
Оставя хладно тѣло,
Иль въ звѣря, или въ мушку,
Иль въ рыбу, или въ птицу:
То буде не ошиблись,
О Небо! въ мысли этой,
Всѣли мою ты душу,
Когда остынетъ тѣло,
Иль въ блоху, или въ мушку.
Тебя я прославляя,
Жить буду у красавицъ;
И остро жало мухи
Не коснется къ нимъ инакъ,
Какъ нѣжны поцелуи
Влюбленна человѣка.

6.

Къ дѣвкѣ.

Что ты смотришъ столько часто
Дѣвка глупая въ окошко?
И объ чомъ ты такъ смѣешся,
На меня взирая страстно,
Грудь показывая смуглу?
Не прельстишъ меня ты ею:
Я любовницу имѣю,

Кою

Кою общество красавицъ
Съ радостью въ свой счотъ пріемлетъ.
Ту дѣвицу, коей лѣты
Дни весны изображаютъ;
Ту дѣвицу, коей серце
Страстно, нѣжно, постоянно;
Ту дѣвицу, коей разумъ
Въ возхищеніе приводитъ;
Ту дѣвицу, коей очи
Въ грудь пущаютъострыя стрелы;
Ту дѣвицу, коей тѣло
И лилею превосходитъ;
Ту дѣвицу, коей руки
Литъ на то и сотворенны,
Чтобъ оковы налагати
На любовниковъ щастливыхъ;
Ту дѣвицу, коей голосъ
Гласъ Сирены превосходитъ;
Ту дѣвицу, коей чувствы
Нѣжной нравъ изображаютъ;
Ту дѣвицу, коя въ свѣтѣ
Лишъ однимъ мной обладаетъ.
Прочь поди ты глупа дѣвка,
Не прельщай ужъ столь прельщенна,
И не жди отъ него взора.

7.

Къ живописцу.

Живописецъ! ты срисуй мнѣ
Бѣлокурую дѣвицу,
Коей волосы прелѣстны
Бѣлы плѣчи покрываютъ

Раз-

Разпущенны пренебрежно;
Наливши такія очи,
Чтобъ съ невинностью блистала
Въ нихъ роскошная пріятность,
И самабъ любви богиня
Удивилась ихъ заразамъ;
Ты назначь ей полны щочки
И уста ее сладчайши
Цвѣту блѣдной въ лѣтѣ розы;
Обрисуй грудь возвышенну
Воздымаему отъ вздоховъ;
Начертай ее ты страстну,
И представь стыдливость робку
На лицѣ ея прекрасномъ;
Чтобъ въ устахъ ее прелестныхъ
Смѣхъ и игры обитали,
И чѣло бъ увѣнчавала
Повелительная важность.

XI.

Переводъ

Второй Идилліи Геснеровой.

Милонъ.

О ты, которая прекраснѣе орошеннаго утра; ты, которая своими прелестными очами всякую превосходишь красоту! Сколь мило русыя твои волосы, изъ подъ вѣнка изъ цвѣтковъ сплетеннаго, возвѣваются вѣтрами! Любезна ты, когда розовыя твои уста разтворяются нѣжнымъ смѣхомъ; но еще любе-

любезнѣе, когда отворяются они сладкимъ пѣніемъ --- О Клоя! Слышалъ я какъ ты нѣкотораго утра пѣла, сидя у глубокаго колодезя, коего двѣ липы пріосѣнялі. Жаль, что птицы тогда не умолкли: жаль, что журчалъ источникъ! --- Уже протекло девятнадцать жатвъ моея жизни: я хорошъ, черныя имѣю волосы, и съ пріятнымъ румянцемъ смѣшанную смуглость въ лицѣ. Часто я примѣчалъ, что пастухи пѣть переставали и слушали, когда голосъ моей свирели въ долинахъ раздавался; а твои пѣсни ни чьею свирелью лутче провождаемы быть не могутъ, какъ моею --- О прекрасная Клоя! люби меня! --- Подумай, сколь весело жить на вершинѣ горъ моихъ! подумай, сколь прелестныя тамо сѣни, сучковатыя сосны изъ зелени своей сплетаютъ; и какъ вершины горъ тѣнію своею покрываютъ терновники! Пещера моя спокойна, и стѣны ея мягкими обвѣшены кожами: предъ входомъ въ нее, посажены мною густыя черемухи, которыя возвышая верхи, служатъ ей не проницательною кровлею. Почувствуй, сколь тихо теченъ свѣтлой съ горъ источникъ, и извиваяся по травѣ и цвѣткамъ, чистою своею прохлаждаетъ ихъ водою! Въ долинѣ совокупляетъ онъ струи свои на подобіе маленькаго озерка, окружаемаго простникомъ и высокою травою, гдѣ Нимфы при тихомъ лунномъ сіяніи часто пляшутъ по моей свирелѣ, и прыгающія Фауны Кроталами своими ударяютъ

ряютъ мѣру! Представь, коль пріятно высокія кусты на горѣ моей показываютъ видъ зеленыхъ гротовъ; и какъ смородинникъ сладкимъ плодомъ своимъ ихъ наполняетъ. Вообрази, какія кусты барбариса, красныя ягоды произносящаго, здѣсь возрастаютъ; и какъ наклоненную златовидным плодомъ яблонь, гибкія виноградныя обвиваютъ вѣтви--- О Клоя! все это мое: и желаю ли я болѣе? --- Но, ахъ! есть ли ты меня любить не будешъ, тогда густой туманъ покроетъ всѣ мѣста сіи ... О Клоя! люби меня! Здѣсь на мягкой муравѣ будемъ мы сидѣть, когда, козы на крутизны горъ взойдутъ, и когда овцы и волы во кругъ насъ на пасствѣ разбредутся: тогда станемъ мы смотрѣть чрезъ пространную долину на спокойное море, гдѣ Тритоны ныряютъ, и гдѣ Фебъ низходитъ съ своей колесницы; и будемъ пѣть, чтобъ далеко во окружностяхъ горъ раздавался нашъ голосъ, и чтобъ Нимфы и козленогія Сатиры въ тихомъ молчаніи насъ внимали.

Такъ пѣлъ Милонъ, пастухъ нагорной, котораго Клоя въ густомъ кустарникѣ слушала. Съ пріятною улыбкою она является, и обнявъ его рукою, о Милонъ! говоритъ ему: я тебя люблю болѣе, нежели овцы муравy, болѣе нежели птицы пѣнія. Проводи меня въ свою пещеру: твой поцелуй мнѣ слаще меда, и столь пріятенъ не можетъ быть шумъ источника.

XII.

Переводъ 8 й Идилліи Геснеровой.

Дамонъ, Дафна.

Дамонъ. Уже утишилася, любезная Дафна, мрачная буря, и ужасающіи трескъ грома уже умолкъ. Не бойся! уже молнія не сверкаетъ сквозь темныя облака. Выйдемъ изъ пещеры. Овцы собравшіяся во ужасѣ въ шалашъ, стрясаютъ уже дождь съ мягкой своей шерсти и выходятъ опять на тучную пассиву. Выйдемъ и посмотримъ сколь прекрасно солнечныя лучи здѣшнія луга озаряютъ.

Держася рука объ руку, вышли они изъ охраняющаго ихъ грота — Сколь величественно, вскричала Дафна сжимая пастухову руку, сколь величественно земля озаренна! сколь ясно блистаетъ голубой цвѣтъ неба сквозь раздробленныя тучи! сколь быстро они летятъ, и тѣнь свою въ освѣщенной солнцемъ землѣ раздѣляютъ! Взгляни, Дамонъ, на сей холмъ, усѣянный шалашами и пасущимся скотомъ: онъ былъ въ тѣни, но вѣтрами пронесенная туча уступила на немъ мѣсто солнцу: смотри, какъ она чрезъ долину и цвѣтками усланныя пробѣгаетъ поля.

О коль прекрасно блистаетъ, говорилъ Дамонъ, коль прекрасно, любезная Дафна, блистаетъ дуга Ириды, отъ одного свѣтозарнаго холма къ другому примыкаясь! Разпростершееся позади ея тонкое облако возвѣщаетъ

вѣщаетъ странѣ сей, пріятную тишину, мило изображаясь на зеленеющейся долинѣ.

Дафна обнимая его нѣжною рукою, отвѣтствуетъ. Уже возвратились Зефиры, и нѣжнымъ дыханіемъ играютъ съ цвѣтками, которыя оживотворяся свѣтловидными каплями дождя гордятся. Уже и пестрыя бабочки и четверокрыльныя мотыльки, съ веселіемъ взлетаютъ опять въ сіяніе прекраснымъ солнцемъ изливаемое. А озерко сіе! --- Ахъ какъ прелестно омоченныя кусты и высокая трава, качаясь во кругъ его, блистаютъ! какъ пріятно изображается въ немъ видъ свѣтозарнаго неба и стоящихъ около его деревъ!

Дамонъ. Обойми меня, любезная Дафна, съ нѣжностію меня обойми! --- Ахъ какое веселіе меня восхищаетъ! Какое во кругъ насъ величество простерто, и какой неудобъ изобразимый источникъ восхищенія! Отъ оживляющаго солнца, до послѣдняго растѣнія; всѣ суть чудеса неизреченныя. О коль сладкое меня чувствіе обьемлетъ, когда я съ высокаго холма на разпростершуюся взгляну долину: когда разновидныя обозрю травы и цвѣты, и малѣйшихъ ихъ обитателей! Или когда я въ ночныя часы звѣздами усѣянное увижу небо, воображу премѣны годоваго времяни, и въ мысль мою представлю безчисленныя произрастѣнія! --- Когда я сіи чудеса вижу, тогда воздымается грудь моя, и тогда возмущенныя мои мысли обьемлются удивле-

вленїемъ; но не будучи въ силахъ рѣшить ихъ плачу, и упавъ на колени, трепещущимъ гласомъ приношу удивленїе мое Сотворшему землю. О Дафна! ни какое восхищенїе сему сравниться не можетъ, хотя бы то было и восхищенїе быть тобой любиму.

Дафна. Ахъ Дамонъ! и меня восхищаютъ оныя чудеса! — Пойдемъ и въ нѣжныхъ обьятїяхъ будемъ мы ожидать дивнаго рожденїя утра, свѣта вечернїя зари и бледного сїянїя луны; и къ трепещущей груди другъ друга прижимая, произносить наши возторги. — О какоебъ неизреченное было веселїе, когда бы сїе восхищенїе соединилося съ восхищенїемъ нѣжныя любови!

* * *

XIII.

Переводъ 10*ой Идилліи Геснеровой.*

Дамонъ, Филлида.

Дамонъ. Уже вижу я шестьюнадесять вѣсну, но ни одна, дражайшая Филлида, не была такова, какъ сія --- Вѣдаетъ ли по чему? --- Что я пасу нынѣ стадо свое съ тобою.

Филлида. А я, я вижу нынѣ тринатцатую вѣсну; но ахъ! любезный Дамонъ, ни которая --- да, ни которая не была для меня столь прекрасна, какъ сія. Знаешь ли для чего? --- Тутъ воздыхая прижимала она его къ нѣжной своей груди.

Дамонъ,

Дамонъ. Видишь ли, Филлида, этотъ густой кустарникъ, растущей на берегу источника, которой смыкая верхи свои, тѣнью ручей покрываетъ; и слышишь ли какъ быстрыя его журчатъ струи? --- Тамъ ляжемъ мы въ траву, и ---

Филлида. Ахъ! любезный мой Дамонъ! вить я съ тобою только и весела бываю. Смотри какъ отъ радости трепещетъ грудь моя, --- Подумай, голубчикъ, вить я часовъ съ пять тебя не видала.

Дамонъ. Здѣсь, дорагая Филлида, сядемъ мы на муравy. О естьлибъ могъ я всегда тебя видѣть веселу, и прекрасныя глаза твои ... Но не смотри такъ на меня, (говорилъ онъ и нѣжно цѣловалъ глаза пастушкины): повѣрь, любезная, когда взоръ твой столь пріятно блещетъ въ очахъ моихъ, то незнаю, что то такое здѣлается тогда со мною, отъ чево я трепещу, воздыхаю, и слова въ груди моей останавляются.

Филлида. Сними, Дамонъ, руку съ глазъ моихъ. Когда ты дотрогиваешся до меня рукою, тогда произходитъ со мною тоже самое --- Какое тогда сладкое, неизвѣстное мнѣ, восхищенїе меня обьемлетъ! — Какъ мое сердце бьется!

Дамонъ. Взгляни, взгляни, Филлида: что то такое на деревѣ --- Два голубя! --- Ахъ какъ они ласково крыльями обнимаются! --- Слышишъ ли, какъ они воркуютъ? --- А теперь, --- Теперь они клюютъ пест-

 ринкїя

ринкія свои шѣйки, головки и глазки. Будемъ, любезная Филлида, и мы руками такъ же обниматься, какъ они крылышками. Протяни ко мнѣ свою шѣйку, я твои глазки такъ же поклюю. - - -

Филлида. Прижми губки свои къ губамъ моимъ, Дамонъ; и будемъ мы клеваться.

Дамонъ. Ахъ Филлида! ахъ какъ сладка ета игра! Спасиба вамъ нѣжныя голубочки! Чтобъ никогда васъ ястребъ не разтерзалъ; чтобъ..

Филлида. Спасибо голубчики, спасибо вамъ! Слѣтите ко мнѣ и живите со мною. Въ полѣ и въ рощахъ буду я сбирать вамъ лутчую пищу; мѣжду тѣмъ какъ Дамонъ меня поклевываетъ, можете и вы на плѣчахъ моихъ клеваться - - - Но они не слѣтаютъ. — Ахъ! они ужъ улѣтели.

Дамонъ. Послушай, Филлида, мнѣ нѣчто впало въ мысль, когда я съ тобою цеповался. Аминтъ не давно о поцѣлуяхъ такъ воспѣлъ:

„Прохладное питье утомленному жне-
„щу не можетъ быть столь пріятно, какъ
„влюбленному поцелуй. Звукъ его любезнѣе,
„нѣжели журчаніе, въ жаркій полдень чрезъ
„мрачныя тѣни протѣкающаго, источника. „

Филлида. Конечно. И я объ закладъ ударилась бы, что таковы могутъ быть только поцелуй. — Пойдемъ и спросимъ Клою. — По правъ прежде мой вѣнокъ: - - - Ты волосы мои измялъ, Дамонъ!

XIV.

Переводъ 13й Идиллiи Геснеровой.

Палемонъ.

Околь прекрасно сiяетъ утренняя заря, сквозь кустарники и дикiя розы, на стеклахъ моей хижины! Сколь громко поетъ перепелъ на коникѣ кровельномъ, и молодой жаворонокъ въ высотѣ воздуха! Все живо, и всякое растенiе возобновляется росою; да и я самъ кажусь моложе! О да вспомоществуетъ жезлъ старости моей выйти за порогъ моея хижины! Тамо сяду я на противъ восходящаго солнца и буду смотрѣть на зеленыя луга --- Ахъ сколь прелестно все вокругъ меня! Все, что я слышу, суть гласы радости и благодаренiя. Птицы въ воздухѣ и пастырь на полѣ, поютъ свое восхищенiе: и стада рыканiемъ изъявляютъ радость свою, видя изобилующiя травою холмы и долины водою напоенныя. Сколь долго, сколь долго, о боги! долженствую я вашея щедроты быть свидѣтелемъ? Уже девяностый разъ вижу я премѣны годоваго времяни, и когда вспомяну о прошедшемъ, отъ нынѣ до часа моего рожденiя, --- О неизмѣримый и любезный видъ, который не примѣтно въ чистомъ изчезъ предомною воздухѣ! --- то колико восхитится тогда душа моя! Но восхищенiе, котораго языкъ мой изрещи не можетъ, суть слезы радости; а они, о боги! не суть ли слабое мое благодареніе? Ахъ! тѣките слезы, тѣките по

ланитамъ моимъ! Есть ли воспомяну прошедшее, то увижу, что я только долговремянную жилъ вѣсну, и часы скорби моея были точмо краткія непогоды: ни когда падъ-нѣе не вредило древесъ нашихъ, и въ сей хижинѣ ни когда долговремянное нещастіе не пребывало. Въ восхищеніи взиралъ я на будущее, когда дѣти мои смѣяся на рукахъ моихъ играли, или когда дѣсница моя глумливыхъ младенцевъ шатающемся спопамъ вспомоществовала. Съ радостными слезами взиралъ я на будущее, когда сихъ юныхъ отраслей зрелъ раждающихся. Я сохраню ихъ отъ бѣдствія, я возраста ихъ дождуся, говорилъ я: боги благословятъ мое желаніе: они возрастутъ и благія принесутъ плоды: они будутъ древа, которыя слабую мою старость въ свою прохладную воспріимутъ тѣнь. Сіе говоря, прижималъ я ихъ ко груди моей. Днесь они благословіемъ боговъ уже возрасли, и пріемлютъ сѣдиною покрытую старость мою въ прохлаждающую тѣнь свою. Таково зрасли яблони и грушевыя деревa и высокія орѣшники, посажденныя мною какъ гибкіи тросникъ вокругъ моея хижины. Они широко разпростерли старыя свои вѣтви, и пріемлютъ малую обитель мою въ прохлаждающую тѣнь свою. А ты, причина моея пѣчали, о мирѳа! ты которая въ трепещущихъ моихъ рукахъ бытія своего лишилась! Двванадесятый разъ уже вѣсна гробницу твою украшала цветками; но день ближит-

ближится, день радостный, когда кости мои къ твоему праху присовокуплены будутъ. Можетъ быть грядущая ночь ведетъ его за собою. Ахъ! я зрю на сіе съ веселіемъ. Се брада моя, снегу подобная белизною, на груди моей разширяется. Играй нежный Зефиръ меня обвевающій, играй седыми власами на груди моей простертыми: они столь же того достойны, какъ и черныя власы нежнаго юноши и русыя кудри на белой шее процветающей девицы. День сей будетъ днемъ моея радости! я соберу вокругъ себя детей моихъ до малейшаго ползающаго внука, и принесу жертву богамъ. Здесь предъ хижиною моею будетъ воздвигнутъ жертвенникъ. Я безвласую главу мою увенчаю цветками, и слабая моя десница приметъ гусли: тогда будемъ, я и дети мои, вокругъ олтаря воспевать песни хваленія: тогда разсыплю я цветки по столу моему и между веселыми разглагольствіями будемъ вкушать жертвенную снедь.

Тако рекъ Палемонъ: и трепеща приподнялся на жезлъ свой, собралъ детей своихъ и устроилъ богамъ пріятное торжество.

XV.

Переводъ 15й Идиллїи Геснеровой.

Клоя.

О вы благосклонныя Нимфы! вы, которыя обитая въ сихъ каменистыхъ горахъ, возрастили густыя кустарники предъ охлаждающими вертепами, чтобъ спокойная тишина и пріятныя тѣни ихъ услаждали! вы, которыя сей чистый источникъ изъ урнъ вашихъ изливаете! есть ли вы днесь въ темной рощѣ и на ближнихъ холмахъ не забавляетесь съ лѣсными богами; но на урнахъ своихъ въ сладкомъ почиваете снѣ. то гласъ мой да нарушитъ ваше успокоеніе! Услышите моленїи мои, о Нимфы! есть ли вы сномъ не отягощенны! Я люблю --- Увы! --- я люблю Ликаста, юнаго пастуха свѣтлыми украшеннаго кудрями. Видѣли ли вы его, когда онъ прогоняя сдѣсь коровъ и прыгающихъ тѣлятъ своихъ, шелъ за ними и игралъ на своей свирелѣ, производя пріятное эхо? Видѣли ли вы голубыя его глаза и нѣжную усмѣшку? Слышали ли вы пѣсни его, на пріятную вѣсну, на плодородную жатву, на зрѣлую осень, и на попѣченіе о стадѣ? Ахъ! я люблю сего прекраснаго пастуха; а онъ еще не знаетъ о моей къ нему любви. О сколь долговремянно ты жестокая зима продолжалась! ты, которая со ужасомъ съ полей насъ прогнала! Сколь то давно, какъ я ево осенью въ послѣднїе видѣла! Въ густомъ

стомъ кустарникѣ онъ спалъ: и сколь прелестенъ казался онъ во снѣ! Сколь нѣжно играли вѣтры прекрасными его волосами, и сколь мило лучезарный свѣтъ солнца разсѣязалъ на немъ малыя птѣни трепещущихся листьевъ! — Я и теперь еще помню, какъ тѣни листьетъ на прекрасномъ лицѣ его перескакивая изображались, и какъ онъ улыбался въ пріятномъ сновидѣніи. Мгновенно нарвала я цвѣтковъ, нѣжной вплѣла въ волосы спящаго вѣнокъ, увила цвѣтками его свирѣль, и удалилась. Я пожду, говорила я, пока онъ проснется. Какъ онъ будетъ радоваться, какъ будетъ удивляться, когда увидитъ себя увенчанна и свирель украшенну цвѣтками! Здѣсь я пожду; онъ конечно меня увидитъ, есть ли я тутъ стоять буду; а буде не усмотритъ --- то я громко засмѣюся. Такъ говорила я, и стояла въ ближнемъ кустарникѣ, какъ подружки меня къ себѣ кликнули. О какъ я сердилась, что ушедши не могла быть свидѣтельницею радости и удивленія его, когда бы увидѣлъ онъ себя и свирель увязану цвѣтками! Нынѣ настаетъ вѣсна. -- Какое восхищеніе! я опять ево на поляхъ увижу! — О Нимфы! я вѣтви осѣняющія пѣщеры ваши обвѣшу вѣнцами. — Уже произрасли первыя цветки, раннія віоли, и майскія цвѣтки, и желтыя буквицы и милыя незабудки. Будьте любви моей благосклонны; и когда сей пастухъ заснетъ у сего источника, явите ему во снѣ, что то Клоя, которая его любитъ. Такъ

Такъ говорила Клоя, и обвѣшала безлиственныя кусты первыми цвѣтками; и вдругъ тихій шумъ произшелъ изъ пещеры, подобно эху повторяющему ближайшее играніе свирели.

* * *

XVI.

Продолженіе Повѣсти,

найденной между бумагами, нѣкоторой младой Иностранки въ Амїенсѣ.

„Будучи убѣжденъ сею мыслію я къ ней „еще единъ разъ писалъ, для сообщенія ей „моихъ сумнѣній, не о ея увѣдомленіяхъ, но „о ошибкѣ ея толкованій, изъясняющихъ ваше поведеніе. Я ей говорилъ, что обвиненія дальновидныя, подозрѣнія и не точныя „сказанія, не суть довольныя свидѣтельства „въ такомъ случаѣ, когда дѣло идетъ о „столь драгоцѣнномъ сокровищѣ какова честь; „и для того просилъ я ее чтобъ она сообщила мнѣ доводы вѣрнѣе и доказательнѣе „первыхъ для утвержденія ея заборчій.

„Она мнѣ отвѣчала: что зная то, что „всякое сообщеніе между вами и мною перервалося, то она и можетъ смѣло со мною „объ васъ говорить; послѣ чего увѣряла она „меня, что вы явно живете съ г. В... а „сверхъ того имѣете постороннѣе сообщеніе съ господиномъ Ямесомъ Д... и что оба „они снабжали васъ всѣмъ что нужно было „для безмѣрнаго вашего щегольства, для вашихъ забавъ и придурей; что вы держали „ихъ

„ихъ обоихъ въ сѣтяхъ соперничества, ко-
„торое вы искусно между ими хранили, и
„притомъ въ нихъ обѣихъ старались посѣ-
„лить ревность къ третьему, устрашая ихъ
„мною. „

„Къ писму, которое она съ вашимъ ко
„мнѣ изъ *Бристоля* прислала, приложила она
„другое, въ коемъ мнѣ точно объявляла, что
„вы наконецъ довѣли г. В... рѣшиться взять
„васъ за себя, для того что вы обрюхате-
„ли, и что намѣреніе съ которымъ вы ко
„мнѣ писали было то, чтобъ сдѣлать меня
„дуракомъ, если я соглашуся принять ваше
„предложеніе.

„Я не могу вамъ изъяснить, какое муче-
„ніе почувствовалъ я въ семъ случаѣ. Я
„хотѣлъ было отвѣчать на ваше предложе-
„ніе обиднейшими словами, если бы любовь
„и нѣжность оставшіяся во мнѣ послѣ по-
„терянnаго къ вамъ почтенія, не удержали
„моей руки, которая начертала тѣ извѣ-
„стныя вамъ, холодныя строки, причинившія
„вамъ поликое мученіе. „

Ея жалѣнія смѣшанныя съ моими прину-
дили насъ къ печальному молчанію. Послѣ
чего разсказалъ онъ мнѣ, что возвратяся въ
Англію для свиданія съ отцомъ своимъ, ко-
торой опасно занемогъ, онъ былъ весьма по-
буждаемъ искать случая укорить меня въ
моей невѣрности. Онъ хотѣлъ меня сразить,
представя мнѣ все отвращеніе и презрѣніе,
которое можетъ имѣть военной человѣкъ

къ

къ женщинѣ любимой, отрекшейся явно отъ чести и добродѣтели.

Овъ о томъ писалъ къ *Матилдѣ*, которая всѣю силою противилася сему предпрїятію.„ Сїе, отвѣчала она, не доброй знакъ, „чтобъ онъ изцѣлился отъ своей глупой „страсти; и кажется что все его отмщенїе „не что иное, какъ огорченная любовь. Что „то будетъ нѣкоторой родъ торжества, „которое онъ мнѣ подастъ надъ собою, для „того что я могу еще ево моимъ рабомъ „почитать. И что можетъ быть я до тово „доведу, что онъ долженъ будетъ выйти „напоединокъ съ г. В... который весьма рев„нивъ, и къ тому имѣетъ великїя причины. „А въ протчемъ вѣроятно, что я хотѣла „бы брачную одѣжду перемѣнить во вдовью.

Не смотря на сей совѣтъ вознамѣрился онъ ѣхать въ *Батъ*, о чемъ онъ отписалъ *Матилдѣ*, назнача ей тотъ день, въ который онъ туда будетъ; и послѣ онъ догадаться могъ, что она о томъ увѣдомила г. В.. для того что и онъ почитай въ тотъ же самый день пріѣхалъ, и засталъ его въ бѣседѣ въ ту ужасную ночь, източникъ толикихъ слезъ и горестей.

Я не имѣю нужды тебѣ, любезный братъ, повторять тово, какїя были слѣдствїя злобы сей адской женщины. До нынѣ видѣлъ ты меня невинною жертвою ея свирѣпости; блаженна бы я была, когдабъ могла сохранить сїе названїе.

Мой

Мой омракъ во время бала, причиненный видѣнїемъ Капитана, воспалилъ въ немъ ко мнѣ искру прежняго пламяни. А притомъ, безчеловѣчїе, которое оказывалъ надо мною г. *В*... и причина коего отъ лѣкаря скоро извѣстна стала, привела его въ жалость къ нещастной, которую несправедливо наказывали за приключенїе, въ коемъ она со всѣмъ была безвинна.

Онъ на другой день хотѣлъ самъ итти къ г. В... что бы оправдать меня, тѣмъ болѣе что онъ и самъ въ семъ приключенїи былъ замѣшанъ; но *Матилда* ево отъ того отвратила. Она ему казала, что такой поступокъ, лишь болѣе ожесточитъ его; что мѣшаться въ ссору мѣжду мужемъ и женою, дѣло весьма опасное для всѣхъ, а особливо для нево въ такихъ колкихъ обстоятельствахъ; потому, что для примиренїя ихъ, онъ какъ любовникъ жены и слѣдовательно причина ихъ распри, будетъ дурной посредникъ.

И такъ совѣтовала она ему съ терпѣнїемъ ожидать, чтобъ гнѣвъ мужа подозрѣвающаго и жены подозрѣваемой укротился, а между тѣмъ обѣщала она сама вступиться когда будутъ въ состоянїи слышать голосъ разсудка.

Во все время пребыванїя моего въ *Батѣ*, не отлучался онъ отъ туда. Ево безпокойствїе обо мнѣ часъ отъ часу болѣе возрастало отъ тово, что онъ слышелъ въ бѣсѣдахъ, а особливо отъ вѣрныхъ свидѣтелстьъ

телствъ тамошнихъ жителей, которыя явно разговаривали о моемъ приключеніи. Онъ видѣлъ что всѣ брали мою сторону, и всѣ утверждали мою невинность, потому что знали обо мнѣ по хорошему мнѣнію, которое о моемъ поведеніи и нравѣ имѣли, съ самаго начала моего въ семъ городѣ пребыванія.

Наконецъ всѣ его увѣряли, что ревность г. В... основывалася на подозрѣніи, семъ обыкновенномъ слѣдствіи великаго не равенства лѣтъ, которое особливо возраждается въ сердцѣ человѣка мало обращавшагося съ честными женщинами.

Такія единогласныя свидѣтельства, клонящіяся къ оправданію моему, опкрывъ ему глаза изобличили предъ нимъ измѣну лютой *Матилды*, которой онъ однажды весьма жестоко выговорилъ; она же ему съ великимъ хладнокровіемъ слѣдующее отвѣчала.

„Государь мой, въ сей жизни, нѣтъ заслугой мудрости. Что бы такое Филозофы „и школьные учители ни говорили, но всегда человѣкъ научается знать людей своимъ „а не другихъ вредомъ. Впередъ воспользуйтеся симъ наставленіемъ, и знайте что „изъ соперницы сдѣлать наперстницу, ето „стало приставить волка къ стаду овецъ. „Я не знаю написано ли ето въ Овидіевой „наукѣ о любви; но если онъ ето позабылъ „то ево правила не совершенны. „

Онъ меня увѣрялъ, что духъ его, какъ громомъ былъ пораженъ, глаза его померкли отъ неистовства сей преужасной фуріи, и

что

что онъ пришелъ въ бѣшенство. „ Сколко „бы дорого заплатилъ я за то, если бы вмѣ- „сто сей одной злодѣйки, предсталъ мнѣ „сильный мужчина, съ которымъ бы я могъ „безъ униженія себя драться! Но я тѣмъ „яростнѣе былъ, чемъ менѣе слабость сей „женщины дозволила мнѣ прибѣгнуть къ отм- „щенію. „

Онъ всѣ старанія приложилъ чтобъ узнать мѣсто моего изгнанія. Если бы онъ зналъ, что меня куда повезутъ, то поручилъ бы онъ кому слѣдовать до того мѣста за мною изъ далека. Въ городѣ, иные говорили что меня перевезли во Францію, чтобъ силою заключить въ какой нибудь монастырь; другіе сказывали, что я была въ Лондонѣ заперта въ домѣ г. В...; а иные утверждали что меня на вѣки посадили въ домъ съ умасшедшихъ.

По среди неизвѣстности сихъ слуховъ, Капитанъ услышалъ, что отецъ ево при смерти. Онъ тотчасъ къ нему отправился. Должность сыновняя сего попѣченія требовала отъ него. Сіе остановило на нѣсколько ево нетерпѣливость и безпокойствіе о моей участи. Сіе удержало ево нѣсколько мѣсяцовъ, для того что болѣзнь ево отца до смерти долго продолжалася.

По смерти отца своего ставъ г. Томасъ Л... со знатнымъ имѣніемъ и властителемъ надъ самимъ собою, обратилъ онъ опять мысли свои на нещастное мое состо-

яніе. Онъ почиталъ себя, не какъ скитающійся древній романическої Рыцарь, но какъ честной человѣкъ, освободить меня отъ несноснаго притѣсненія, котораго онъ былъ невинною причиною. Ибо истинная сего причина было злодѣйство *Матилды* и его скоропостижная безразсудность, которая принудила его рѣшиться на мою погибель съ такою неизвинительною скоропостижною строгостію. Онъ возвратяся въ *Батъ*, что бы удобнѣе извѣститься о моей участи, и узнавъ, что мать моя удалилася въ деревню Графства *Флинтскаго*, вознамѣрился повидаться съ нѣю.

Какъ скоро онъ къ ней пріѣхалъ, то стала она укорять ево, въ его противъ меня недостойномъ поступкѣ, что было весьма естественно, въ разсужденіи предубѣжденія, которое она противъ нѣво имѣла; но какъ скоро открылъ онъ ей всю тайну беззаконія неистовой *Матилды*, которою онъ самъ былъ обманутъ, то она ощутила то къ нему, что должно чувствовать къ участнику нашихъ злоключеній.

Онъ искусно вывѣдалъ отъ нее сокровенное отъ всѣхъ мѣсто моего жилища, не давъ ничево знать о томъ, что онъ намѣренъ со мною увидѣться. Получа сіе извѣстіе взялъ онъ ея руку, сталъ не колѣни передъ нею, и клялся меня вѣчно любить, а къ ней хранить почтеніе и повиновеніе зятя, во ожиданіи, доколѣ смерть, или мщеніе его не испре-

истребитъ въ особѣ Г. В. . . препятствїе къ щастїю его. При чемъ предложилъ онъ ей давать помощь соразмѣрную ея состоянїю, и сходственную съ тѣмъ названіемъ, которое онъ на себя принялъ.

Мать моя благодарила ево за ево милости и великодушїе. Но возвышенїе и нѣжность ея чувствованїй не позволили ей тѣмъ воспользоваться. Она не утаила предъ нимъ и тово, что его посѣщенїе причиняетъ ей безпокойство, и просила ево удалиться, такъ что бы тово никто не зналъ, что онъ былъ у нее; для тово, что въ такихъ обстоятельствахъ оное могло бы людямъ подать подозрѣнїе на насъ. Она сожалѣла больше обо мнѣ нежели о себѣ, въ нашемъ общемъ горестномъ состоянїи. Послѣ сего простяся уѣхалъ онъ отъ нее.

Батъ былъ на дорогѣ къ графству *Девонскому*. Г. *Томасъ Л* . . . тамъ нашелъ Капитана ρ . . . ., который въ Америкѣ служилъ съ нимъ въ одномъ полку. Съ самаго начала знакомства ихъ, они соединилися тѣснымъ узломъ дружества. Г. *Томасъ* наполненный довѣренностїю, обыкновенно дружествомъ внушаемою, открылъ ему все таинство нашей любви и ея ужасныхъ слѣдствїй.

Онъ ему объявилъ, что намѣренъ гдѣ нибудь скрыться въ близости отъ моего жилища, доколѣ не найдетъ удобнова случая увидѣться со мною, хотя на одну минуту, не подвергая опасности моей чести, дабы

лишить меня предубѣжденїя, которое я необходимо принуждена была имѣть о его вѣроломствѣ и бездѣльствѣ. Къ сему примолвилъ онъ еще, что онъ почитаетъ священнѣйшею для себя должностїю избавить меня, и защитить не щадя ни щастїя, ни жизни, отъ предпрїятїй несправедливыхъ и насильственныхъ, которыя могутъ противъ меня употребить.

Капитанъ Р . . . . похвалилъ его намѣреніе, и сказалъ, что какъ такое дѣло не безопасности, то онъ какъ товарищъ и другъ имѣетъ право требовать, раздѣлить съ нимъ его бѣдствїе. Г. *Томасъ* не отрекся принять ево своимъ помощникомъ; и по утру на другой день отправилися они въ *Гартландъ*, отстоящїй на одну только милю отъ того замка гдѣ я жила. Они взяли съ собою только двухъ слугъ и двухъ борзыхъ собакъ, какъ такїе люди, которымъ нѣчево инова было дѣлать, какъ только ѣздить на охоту.

Г. *Томасъ* не объявилъ своему другу, ни о имени, ни о жилищѣ моемъ. Каждое утро и каждый вечеръ прогуливался онъ около моего жилища, надѣяся, что я выду, и что онъ можетъ увидѣться со мною, не бывъ ни кѣмъ примѣченъ. Онъ имѣлъ терпѣнїе дожидаться того двѣ недѣли сряду, послѣ котораго времяни онъ имѣлъ удовольствїе встрѣтиться со мною.

Мы

Мы проводили въ семъ сладчайшемъ, но опасномъ разговорѣ все время нашего свиданїя, которое намъ одною минутою показалося. Суди меня, любезный *Едуардъ*, съ обыкновенною твоею справедливостію, и не порочь нещастнаго моего сердца, за то что всѣ нѣжныя и спрастныя чуьствованїя, которыя прежде я ощущала, вошли въ него съ усугубленною силою и стремленіемъ. Не забывай того, что ето былъ единый только на свѣтѣ человѣкъ, котораго я страстно могла любить: и если я ево любила, почитая невѣрнымъ, вообрази себѣ сколь велико было мое восхищенїе увидя ево вѣрнымъ.

Когда я ему разсказала гнусныя коварства, употребленныя на то что бы меня обманутъ, и насъ другъ противъ друга раздражитъ, то гнѣвъ его усугубился. Онъ спократно называлъ меня своею супругою, и говорилъ, что небо соединило наши сердца, и что на свѣтѣ нѣтъ такой силы, которая могла бы насъ разлучитъ.

Я внимала его возторгу съ безмѣрнымъ удовольствїемъ, и допустила его прелѣстному голосу усыпитъ мое благоразумїе и разсудокъ. Я воображала себѣ, что въ природѣ мы только единые въ таковомъ полсженїи: мнѣ казалося, что всякое другова роду обязательство не что иное, какъ только метафизическое умствованїе. Сильное чувствованїе нашихъ общихъ нещастїй, такъ сильно затворило входъ всѣмъ другимъ размышленїямъ, что непримѣтно насъ ночь застигла.

спигла. Источники слѣзъ моихъ помрачили мое зрѣнїе, и ноги мои слабы и трепещущи пребовали помощи. Я не могла отречися, чтобъ онъ меня не проводилъ до жилища горести и бѣдствїя.

Когда мы были на возвратномъ пути, то не запно возстала ужасная буря. Гремящее небо повскюда разтворялося для изверженїя пламени, которое казалося преобратитъ всю землю въ прахъ; и воздухъ, который вѣтры наполняли страшнымъ свистомъ, беспрестанно колебался отъ ужасныхъ громовыхъ ударовъ. Между тѣмъ достигли мы уже почитай до дверей изъ которыхъ я тайно ушла какъ вдругъ сильный дождь полился, который принудилъ меня удвоить шаги. Я просила ево меня оспавить, но онъ со мною въ домъ вошелъ. - - -

Но тогда спокойство далѣко утѣкло отъ моего содрагающегося сердца. Сладостное воображенїе о первенствѣ права, которое мой любовникъ надъ моимъ сердцемъ и моей душею имѣлъ; сїе умствованїе о разторженномъ брачномъ союзѣ, и о томъ что я была уже свободна въ моей склонности, все сїе казалося мнѣ заблужденїями моего разума, и ложными мудрованїями, которые изчезали какъ привидѣнїе. На мѣсто ихъ я болѣе ничево невображала, кромѣ священника, олтаря, и всѣго священнаго и ужаснаго обряда въ которомъ я себя обязала не разрушимымъ обѣтомъ быть женою другова; и въ моемъ отчаянїи винила моего любовника обременя его ужаснѣйшими укорами. Я поступала съ нимъ такъ, какъ будтобъ онъ былъ одинъ виною всѣхъ бѣдъ моихъ, и я вѣлела ему на вѣки удалиться отъ глазъ моихъ.

Г. Томасъ употребилъ все что честь и любовь могли внушить для утоленїя восторговъ гнѣва моего и горести. Онъ бросился къ ногамъ моимъ, просилъ прощенїя, называлъ меня своею супругою, сочетанною съ нимъ предъ лицемъ неба, клялся вѣчною вѣрностїю, и говорилъ, что готовъ со мною уйти и скрыться въ то мѣсто, которое я изберу. На конецъ видя, что ни что не можетъ успокоить меня, всталъ онъ и взявшися рукою за шпагу сказалъ что намѣренъ окончить жизнь, которую ему мой гнѣвъ несносною дѣлаетъ.

Страхъ, который онъ въ меня симъ изступленіемъ внушилъ, удалилъ отъ меня на время всѣ протчія чувствованія. Я схватила его за руку; и ставъ сама его просительницею, умоляла ево не усугублять безчестія мнѣ имъ нанесеннаго. Я обѣщала ему успокоить духъ раскаяніемъ и молитвою, какъ скоро остануся одна; но я ему сказала, чтобъ онъ ни мало не покушался опять увидѣться со мною, доколѣ мы не будемъ въ состояніи соединиться безъ порока и вѣчно. И такъ разсталися мы наинещастнѣйшими изъ всѣхъ твореній.

Надобно быть виноватту, чтобъ вообразить весь ужасъ, который объялъ меня въ то время, когда онъ пошелъ. Я лишилася сей твердости души, которая меня прежде въ моихъ злополучіяхъ подкрѣпляла. Невинность, единое прибѣжище въ пѣчали на вѣки меня оставила. Я чувствовала все бремя моего бѣдствія; и что прежде я почитала притѣсненіемъ моей невинности, то мнѣ уже казалося справедливымъ наказаніемъ за мое преступленіе. Я вспоминала о тебѣ, любезный братъ, вспоминала и о моей нѣжной матери. Сіи оба имяна изторгали ручьи слезъ изъ моихъ очей. Бывъ не достойна произносить оныхъ, я и съ тѣмъ утѣшеніемъ разсталася; и чувствовала такую же тоску, какъ будто бы я васъ обѣихъ лишилась.

Во всей вселенной, я болѣе никово уже не видѣла, кто бы ко мнѣ привязанъ былъ; и не льстила себя надѣждою, опять возвра-

щиться

питься въ свѣтъ съ честїю. Сіе утѣшенїе преобратилося въ горесть. Что бы мнѣ дѣлать въ обществѣ? Увы я тамъ лишилася всѣго покровительства. Мой сонъ, или лутче сказать, видѣнїе явившееся въ прошедшую ночь, воображалося мнѣ со всѣю силою и наполняло душу смятенїемъ и ужасомъ; и я поздно вспомнила сїе правило, моего родителя: „ Что намъ должно тѣхъ „коихъ мы почитаемъ, считать присут„ствующими хотя бы они были и въ от„сутствїи, и живыми хотя бы они были мер„твы. „ Я бросилася на колени, что бы моленїемъ умилостивить создателя, но тщетно. Я чувствовала себя въ положенїи весьма близкомъ отъ отчаянїя. Я была безъ помощи, безъ покрова и безъ всякихъ средствъ. Во всякомъ нещастїи въ сей жизни, небо не допускаетъ, чтобъ мы были опѣчалены превыше силъ нашихъ; но кажется, что преступленїе, присоединенное къ нещастїю, выходитъ изъ предѣловъ Провидѣнїя.

Я съ нуждою могла подняться; но отъ слабости немогши удержать себя на ногахъ, я опять на полъ упала, и лѣжала до тѣхъ поръ, въ нѣкоторомъ родѣ усыпленїя, доколѣ неуслышала, что служанка отпворила дверь въ передней; я старалась сколько можно скрыть тотъ безпорядокъ, въ которомъ я была. Что бы то удобнѣе было, отворотила я лице отъ нее, и въ первый разъ почувствовала, сколько жестоко укрывать себя.

Буря съ великою силою во всю ночь продолжалася. Но громъ и молнїи уже не такъ меня спрашили. Я въ сердцѣ слышала голосъ, который сильнѣе громовъ грѣмелъ; и если бы молнїя поразила меня, я бы ее приняла съ восторгомъ.

Я не могу сказать какъ долго Г. Томасъ пробылъ въ семъ мѣстѣ; для того что я уже послѣ не смѣла выходить и въ садъ для прогулки. Сколько я могла узнать, то повиновался онъ мнѣ во всемъ съ точностїю. Онъ не только не искалъ случая увидѣться со мною, но и не писалъ ко мнѣ, бояся, что бы письма не были перехвачены; что бы и могло конечно случиться. Будучи спокойна съ сей стороны, я начала привыкать къ своему состоянїю, взирая на оное не тѣми глазами, которыми я смотрѣла прежде. Я съ духомъ раскаянїя терпѣливо сносила мое уединенїе и ссылку, что я прежде почитала наказанїемъ колико несправедливымъ толико и жестокимъ. Мнѣ казалося, что заключена въ стѣнахъ монастыря, въ который бы я и сама себя сокрыла если бы имѣла волю надъ собою.

Слѣдуя сей мысли, посвятила я себя со всѣмъ монашеской жизни. проводя дни мои въ разкаянїи, постѣ и молитвѣ, и надѣялся что смерть вскорѣ окончаетъ мои мученїя. Но увы! Я скоро увидѣла, что рокъ еще не всѣ свои удары истощилъ надо мною. Мнѣ предстояло бѣдствїе произвести на свѣтъ невинную тварь, которая должна будетъ со

мною

мною испытывать и раздѣлять мое безчестїе.

Я не могу изобразить моего страха, который я чувствовала, увѣряся о томъ, что я брюхата. Надлѣжало продолжать жить. Въ такомъ обстоятельствѣ, умереть было бы сугубое преступленїе; и такъ я приняла намѣренїе сдѣлаться злополучнѣе, что бы не быть порочнѣе.

Какїя мѣры взять въ такомъ злополучномъ состоянїи? Я находила только одинъ способъ, и извинительно что онымъ воспользовалася, для того что другихъ не было. Я отреклася уйти съ Г. *Томасомъ*, когда онъ стоя на колѣняхъ о томъ меня просилъ. Я не хотѣла подвергнуться пороку съ разсужденїемъ, и приобресть на то свободу, чтобъ вести жизнь, только по виду разпутную. Но нынѣ надлѣжало, такъ сказать согласить ея съ порокомъ; надлежало, чего бы то ни стоило, избавиться отъ смятенїя, стыда и опасности, и я хотѣла безъ посредственно удалиться въ монастырь, что бы тамъ постричься, и посвятя себя наистрожайшему покаянїю умереть для свѣта, который для меня умеръ.

Въ смущенїи и въ разсѣянїи мыслей я не могла принять никакова намѣренїя для моего избавленїя. Сверхъ того безъ помощи другова, къ сему не льзя было приступить. И такъ писала я о томъ къ Г. *Томасу*, прося его поспѣшить пріѣхать ко мнѣ, для нѣкоторага

тораго дѣла, которое касается до обѣихъ насъ, и отъ котораго зависитъ нѣчто болѣе межели жизнь моя.

Я не знала тогда, гдѣ онъ былъ. И такъ отправила я мое писмо въ *Батъ* къ знакомому, чтобъ онъ его переслалъ въ *Лондонъ* къ брату его.

Когда я писмо запечатала, то представилося мнѣ новое препятствїе, съ кѣмъ его переслать. Съ тѣхъ поръ какъ меня заперли, ни съ кѣмъ не могла я имѣть сообщенїя. Съ начала приставница моя отказалася переслать отъ меня писмо и къ матери моей, и мнѣ сказала, что тѣ писма, которыя будутъ ко мнѣ приходить станетъ она отправлять прямо къ г. В...

(Продолженїе впредь.)

* * *

XVII.

Кружка.

Басня де ла Фонтенова.

Послала госпожа служанку за водой.
Хотьтой и не мило: ручей не близко подъ горой;
Но ужъ когда что должно,
То перемѣнить не можно;
Быть такъ.
Какъ ни вѣрти, хоть такъ, хоть сякъ;
Противъ господскаго вѣленья,
Нѣтъ разсужденья;
Пришло брести.

Пошла,

Пошла, взявъ кружку.
Вишь барынѣ не льзя въ ковшѣ нѣстии.
Идя, стушила на лягушку,
Копора подъ ногой, кракъ, кракъ,
И крѣпко такъ
Та галина вскричала,
Что дѣвка съ ужаса упала;
Какъ въ лихорадкѣ запряслась,
И покатилась.
Но послѣ дѣвочка съ умомъ какъ собралась,
Увидя черепки забыла,
И страхъ уже забыла.
Кричитъ: охъ мерзской гадъ!
Меня ты гонишь въ адъ.
Куды поспѣла я? Куды? На вѣкъ погибла,
Что барынину, ахъ! я кружечку разшибла!
Медведемъ бѣдненька реветъ,
Волосье рветъ.
Услыша крикъ, сосѣдъ
Пришелъ, увидѣлъ, что бѣдняшка
Такъ поблѣднела какъ рубашка
Отъ страха, крика и отъ слезъ.
Спросилъ ея онъ о причинѣ.
Бѣдняжка безъ ума кричитъ, сокроюсь въ лѣсъ!
Но нѣтъ найдутъ и тамъ, найдутъ хотя въ пустынѣ.
Куды дѣваться? Утоплюсь.
Дѣтина
Былъ видно не скопина,
Съ ней началъ разговоръ:
Вздоръ, миленькая, вздоръ,
За черепки чтобъ удавиться;
Иль утопиться!
Не ври!

Дѣвка не внемлетъ:
Страхъ объемлетъ.
Ахъ доброй человѣкъ! Ты дѣло разбѣри:
Помѣщица лиха какъ львица,
Спасенья больше нѣтъ,
Какъ лишъ оставить свѣтъ.
Сосѣдъ ей говоритъ: голубушка, сестрица!
Мнѣ жаль тебя,
Равно какъ и себя;
Послушайся меня, какъ я тебя наставлю;
Убѣйцей быть себѣ грешно;
При томъ за черепки смѣшно;
Пусть я тебя убью, такъ тѣмъ грѣха избавлю.
Нещастна говоритъ: ужъ нѣтъ, не до грѣха:
Помѣщица лиха!
Будь милостивъ, убѣй меня, избавь мученья!
Сосѣдъ для слезъ, и для прошенья
Нещастной, выдернувъ изъ подъ полы кинжалъ,
Печальну онымъ поражалъ.
Послыша дѣвка рану,
Послышала и въ жилахъ жаръ,
Убѣйца произвелъ, что чрезъ ударъ;
И говоритъ: всегда я кружки бити стану.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

I. Пѣснь, любовь Авроры къ Цефалу. 3.
II. Идиллія Лидора. - 27.
III. Пѣсенка. - - 31.
IV. Буря. - - 32.
V. СпансЪ. КЪ НинѢ. - - 35.
VI. Анакреонова 1я Ода. - 37.
VII. Епиграммы. - - —
VIII. Епиграмма 3я. - 38.
IX. Сравненіе. - - —
X. Анакреонтическія стихи. - 39
XI. Идиллія МилонЪ. - 47.
XII. — ДамонЪ и Дафна. - 50.
XIII. — ДамонЪ и Филлида. - 52.
XIV. — ПалемонЪ. - 55.
XV. — Клоя. - - 58.
XVI. Продолженіе повѣсти младой иностранки. - - 60.
XVII. Кружка, басня дѣла Фонтенова. 76.

МОДНОЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

Мѣсяцъ Май.

МОДНОЕ ИЗДАНІЕ
ДЛЯ
ДАМСКАГО ТУАЛЕТА.

XVIII.

ИРОИДА.

Меландръ къ Лицедѣ.

Лицеда! кто изъ насъ виновенъ, ты, или я?
Сама любовь теперь нашъ будетъ судія:
Ты нѣжности мои притворствомъ почитаешь,
Преступникомъ меня любови называешь,
То сердце ты увы! дерзаешь оскорбить,
Которое тебя не можетъ не любить.
Я къ клятвамъ во любви теперь не прибѣгаю,
Но вѣрности законъ я строго соблюдаю,
Увы! я не могу подобенъ быть тебѣ,
Мнѣ легче вобразить возможно бы себѣ,
Что цѣлый свѣтъ на насъ за вѣрность ополчился,
И каждый завистью къ той мысли устремился,
Чтобъ нѣжность нашу всю къ суровости склонить.
Чѣмъ вѣрить, что ты мнѣ возможешь измѣнить.

Почто же ты не такъ Лицеда рассуждаешь?
Непостоянство ты порокомъ называешь;
А мыслишь, что моя воспаленна онымъ кровь,
Ты больше нежель я прогнѣвала любовь!
О вы! которыя должны торжествовати,
И смертнымъ щастіе прямое открывати,
Любовь! и честь! увы! достойныль вы того,
Чтобъ вами ищущій блаженства своего
Въ непра́вильной винѣ обманомъ упрекался,
И вашъ законъ храня, злодѣемъ нарекался;
А я теперь сіе страданіе терплю,
И отъ когожъ? Отъ той, которую люблю.
Лицеда! ты въ меня сей острый мечь вонзила,
Имъ сердце ты мое и душу поразила.
Не мысли, чтобъ любовь одна владѣла мной,
Чтобъ страсти только я покорствовалъ одной,
Нѣтъ! съ нею честь моя взаимно сопряженна,
Не меньше чѣмъ любовь, Меландромъ та почтенна.
Кто пра́вилъ честности съ любовью не спряжетъ,
Въ томъ твердыя любви конечно въ сердцѣ нѣтъ.
Невѣрностью моей страдалабъ добродѣтель,
Какихъ безпокойствъ ты братъ мой сталъ содѣтель!
Родства и дружества уставы позабылъ,
Мнѣ бѣдства новыя во сердце вкоренилъ.
Нѣжнѣйшая любовь тобою раздраженна,
Злорѣчіемъ твоимъ Лицеда окорбленна?

Ты ложно уповалъ успѣхи получить,
Коварствомъ чаялъ ты къ любови путь найтить.
Обманываешься! ея законы строги,
Пороки, злоба, вредъ, не есть къ любви дороги,
Она къ себѣ стези другія избрала,
И добродѣтели права всѣ отдала.
Невинность истинна во храмъ ея вступаютъ,
И чистыя сердца ей жертвы возсылаютъ.
Познай Лицеда мысль ты брата моего,
Познай зловредныя намѣренья его.
Онъ былъ причиною моей съ тобой разлуки,
И далъ намъ чувствовать всѣ дѣйства люпой муки.
Ты вѣдаешь сама, что жертвуя ему,
Свой путь направилъ съ нимъ ко граду я сему.
Къ Сорманѣ страстною любовью онъ пылая,
И сердце съединить на вѣки съ ней желая.
Закономъ дружества меня къ тому склонилъ,
Чтобъ щастія его свидетѣлемъ я былъ.
Въ предѣлы здѣшнія свой путь мы совершили,
Узрѣть Сорману мы съ нимъ купно поспѣшили.
Потребовалъ еще сей новой жертвы онъ,
Къ Сорманѣ, чтобъ хранилъ я дружества законъ.
Священной должности несся на сердцѣ узы,
Стремился я вступить съ ней въ дружески союзы.
Достоинства я въ ней различны примѣчалъ,
И брату моему всегда о нихъ вѣщалъ.

Могли и впредь лишь ей довольны быти можетъ,
Всѣ свѣта суеты съ тобою уничтожитъ,
Безвредно таково спокойство намъ вкушать,
Престанемъ скоро мы разлукою страдать.
Съ Сортаною мой братъ вступаетъ въ брачны узы,
Съ ней клятвой утвердитъ супружески союзы,
Лишь брачной въ олтаряхъ покроетъ ихъ вѣнецъ,
Настанетъ нашего мученія конецъ.
Я правы мщенія изъ сéрдца изторгаю,
Для брака ихъ къ тебѣ отъѣздъ мой отлагаю.
За жертву ты сію меня не обвинишь,
Ты прáвила въ душѣ незлобивы хранишь.
Я брату злобой мстить за злобу не умѣю,
И въ сердцѣ не вражду, любовь къ нему имѣю.
Признаніемъ своимъ онъ всѣ вины затмилъ,
И дружество въ моей душѣ возобновилъ.
Прошедшія его злодѣйства забываю,
Лишь настоящее раскаянье внимаю,
И будущихъ успѣхъ любови нашей жду,
Лицеда! я въ твои объятія паду.
Надежда въ сердцѣ мнѣ отраду поселяетъ,
Успѣхи намъ сама любовь приготовляетъ.
Хранящимъ власть ея она сплететъ вѣнецъ,
И бѣдствамъ всѣмъ она содѣлаетъ конецъ.
О дни! пріятны дни! вы близко предстоите,
Быстрѣе къ намъ свое теченье обратите!

Источникъ радости за вами въ слѣдъ течетъ,
И къ нимъ спокойство онъ сердечное влечетъ.
Промчатся грусти всѣ, промчится тяжко бремя,
Ужъ близко предстоитъ сіе пріятно время.
Лицеда! ты его воображай себѣ!
Я сердце нѣжное несу отселѣ къ тебѣ,
Которое тебѣ нигдѣ не измѣняло,
Всемѣстно, и всегда съ тобою пребывало.
Мы нѣжныя любви законы сохранимъ,
Измѣной въ жизни мы ея не прогнѣвимъ.
Блаженна участь намъ готовится судьбою,
Тобою щастливъ я, будь щастлива ты мною.

XIX.

СТИХИ.

Изсыхаютъ чисты рѣчки,
Увядаютъ здѣсь цвѣты,
Со полей бѣгутъ овечки,
Вянутъ на древахъ листы.

*

Солнце бѣгъ свой направляетъ,
Въ отдаленную страну,
Осень лѣто прогоняетъ,
Снося скуку лишь одну.

*

Но сугубо обновятся
Прелести природы всей,
Послѣ зимнихъ дней явятся
Красоты весеннихъ дней.

Разцвѣтутъ опять цвѣточки,
Рѣчки быстры потекутъ,
И распустятся листочки,
На луга стада придутъ.

*

Я завидую природѣ,
Что красы въ ней оживутъ,
И во прежней ставъ свободѣ,
Виды прежніе возьмутъ.

*

Дней моихъ весна цвѣтуща
Безвозвратно протекла,
Осень, скуку знать дающа,
Вѣчну грусть мнѣ навлекла.

*

Скучны стали мѣ утѣхи,
Кои прежде знала я,
Скучны игры мнѣ и смѣхи,
Унываетъ мысль моя.

*

Щастія тщету позная,
Не могу имъ духъ прельстить,
Хладъ во сердцѣ ощущая,
Не умѣю я любить.

*

Не умѣю наслаждаться
Я мирскою суетой,
Горько было разставаться
Мнѣ весна моя съ тобой!

Ты мнѣ очи ослѣпляла,
Духъ склоня къ веселью мой;
Ложну радость я вкушала,
Но обманъ былъ веселъ твой!

*

Новымъ бѣдствомъ угрожаютъ,
Предъидуща время дни,
Пущу горесть обѣщаютъ
Мнѣ во старости они.

*

Съ мразами зима лепится,
И коснется до меня;
Ледъ во сердце мнѣ вселится,
Чувства прежнія гоня.

*

Тяжкимъ бремемъ удручена,
Стану жизнію скучать,
Духа твердости лишенна,
Стану смерти я желать.

*

О несносно воображенье,
Духа больше не мути!
Дай мнѣ, дай успокоенье,
И отъ мыслей прочь лети!

XX.

Идиллія.

Ужъ лѣто протекло и осень наступаетъ,
Элиза зрѣть тебя, Аркасъ! желаньемъ таетъ
Но нѣтъ Аркаса здѣсь;
Я жду тебя поднесь.
Но тщетно можетъ быть тебя я ожидаю,
Не знаешь ты, что я томлюся и страдаю;
Не знаешь и того, что я тебя люблю,
И то, что безъ тебя я жизнь мою гублю.
Когда весною ты, Аркасъ со мной прощался;
Ты въ лѣто обѣщался
Овецъ своихъ пригнать на здѣшнія луга.
Зеленыя брега
И рощи и цвѣты вседневно увядаютъ,
Они равно, какъ я, Аркаса ожидаютъ;
Но нѣтъ, Аркасъ нейдетъ,
И тщетно всякой день тебя Элиза ждетъ.
А ждавъ тебя въ поляхъ, цвѣточковъ не срывала,
И въ рощахъ птицъ ловить силками не давала;
Хотѣла для тебя я ихъ Аркасъ сберечь,
Хотѣла къ сей странѣ хоть тѣмъ тебя привлечь;
Но птички улетаютъ
Цвѣточки увядаютъ.
Аркасъ нейдетъ ко мнѣ,
Противно безъ тебя все въ здѣшней сторонѣ,
Она пріятна мнѣ лишь для того казалась
Что я Аркасъ тебя всечасно дожидалась,

Мнѣ скучны всѣ мѣста,
И зрится безъ тебя страна сія пуста.
Въ сей рощѣ для тебя шалашъ я украшала,
Сама къ нему сама тропинки расчищала,
И сыпала на нихъ душистые цвѣты,
Я думала ходить по тропкамъ будешь ты:
Но суетно меня мечтанія прельщ ютъ,
Дорожки всѣ опять травою заростаютъ.
А ты ко мнѣ нейдешь.
Элиза тщетно ты къ себѣ Аркаса ждешь.
Аркасъ къ тебѣ не будетъ,
И можетъ быть совсѣмъ Элизу позабудетъ.

XXI.

Идиллія.

Нинида по лугамъ цвѣточки собирала,
И каждой день изъ нихъ вѣнки себѣ сплетала,
Въ поляхъ, въ кустарникахъ красавица сія,
Являлась каждой день потоки слезъ лія,
Отъ пѣсенъ и подругъ Нинида удалялась,
Скучала тѣмъ она, чѣмъ прежде утѣшалась,
И только изрекла: Тирсиса кто найдетъ,
Тому она вѣнокъ изъ розовъ сплететъ,
Любовь слова ее чрезъ эхо повторила,
И взявъ отъ ней вѣнокъ Тирсиса имъ покрыла;
Нашла она его, лежащаго въ кустахъ.
Тирсисъ проснувшися узрѣлъ главу въ цвѣтахъ,
И вспомнивъ о своей невѣрности къ Нинидѣ,
Почувствовалъ тотчасъ презрѣніе къ Зенидѣ;

Тогда

Тогда съ главы вѣнокъ къ его ногамъ упалъ;
Распался онъ и слѣдъ къ Зенидѣ показалъ.
Тирсисъ тогда идетъ, куда легли цвѣточки,
Зефиръ несетъ предъ нимъ разсѣянны цвѣточки.
Къ Нинидѣ самой рокъ Тирсису путь открылъ,
Любовны узы онъ на сердце наложилъ.
Тирсисъ узрѣлъ въ лугахъ гуляющу Нициду;
Упалъ къ ея ногамъ, клялся забыть Зениду;
Клялся и клятвы сей по смерть не нарушалъ,
Потомъ со нѣжностью Нициду вопрошалъ.
Когда невѣрность онъ и ту досаду вспомнилъ,
Которой сердце въ ней печалію наполнилъ;
Ахъ! можетъ ли меня Нинида такъ любить,
Чтобы мою на вѣкъ невѣрность позабыть:
Хотя онъ ждалъ себѣ за вѣтренность отмщенья,
Но въ томъ обманутъ былъ и дождался прощенья.
Зениду и тебя мнѣ должно наказать,
Нинида молвила! но я хочу узнать,
Какимъ ты случаемъ съ Зенидою спознался,
И какъ забыти могъ, чѣмъ ты Нинидѣ клялся?
Скажи мнѣ истинну, о томъ тебя прошу,
Потомъ судьбу мою съ твоею соглашу.
Обманомъ, Тирсисъ рекъ, Зенида уловила,
Ту душу, коя такъ тебя, какъ бога чтила,
Ни ласки, ни любви ея не примѣчалъ,
Доколѣ рокъ меня съ тобой не разлучалъ.

Но болѣе всего вложа мнѣ въ мысли ревность,
Сумнительной твою представила мнѣ вѣрность.
Зенида наконецъ принудила меня,
Холодностью твоей подозрѣвать тебя.
Ласкался я чрезъ то, отъ страсти излечиться,
Когда отъ глазъ твоихъ могу далеко скрыться,
Исполнилъ то! я зрѣть Ниниду не желалъ,
Доколѣ мнѣ, Эротъ! вѣнка не даровалъ.
Открылся мнѣ обманъ, напомнилъ я Ниниду,
Сталъ мерзокъ я себѣ, и преврилъ въ вѣкъ Зениду.
Прости невѣрнаго, въ послѣдній разъ прости,
И съ сердцемъ мнѣ твоимъ и вѣрность возврати!
Нинида на любовь со нѣжностью взирала,
И Тирсису себя по смерть она ввѣряла.
Забылам горести любовники на вѣкъ.
Любовь! тобой щастливъ на свѣтѣ человѣкъ.

XXII.

Идиллія.

Ужъ лѣто миновало,
Неслышенъ птичекъ гласъ,
Цвѣтовъ въ поляхъ не стало,
Лучь солнечный погасъ,
Падутъ съ деревъ листочки,
Желтѣетъ мурава,
Гдѣ зрилися цвѣточки,
Тамъ жоская трава.

Источникъ протекаетъ,
Съ свирѣпостью въ луга;
Онъ камни увлекаетъ,
И рветъ свои брега.
Зефиры улетѣли;
Въ лѣсахъ шумитъ борей;
Гдѣ прежде птички пѣли,
Сталъ слышенъ ревъ звѣрей.
Ужасная премѣна
Является въ поляхъ,
Взираючи Климена,
Рекла тогда въ слезахъ:
Давно ли восхищалась
Я мѣстъ сихъ красотой,
Давно ли укрывалась
Я въ рощѣ сей густой.
Деревья обнажились
И тѣни не даютъ,
Цвѣточки истребились,
И птички гнѣздъ не вьютъ.
Здѣсь буду я съ Милетомъ
Видаться въ скучны дни;
Мы здѣсь скрывались лѣтомъ,
Густыхъ деревъ въ тѣни:
Но осень прекращаетъ
Мои свиданья здѣсь,
Климена такъ вѣщаетъ;
А я скажу ей днесь;

Поблекłые листочки,
И рощи и луга,
Изсохшіе цвѣточки,
Источники, брега
Тебѣ напоминаютъ,
И осень дней твоихъ,
Коль чувства не внимаютъ
Твои премѣну ихъ.
Милетъ подобно видитъ,
Что премѣнилась ты,
Какъ ты, онъ ненавидитъ,
Увядшей красоты,
Не осень устрашаетъ
Притти въ сіи мѣста,
Ему притти мѣшаетъ
Истлѣвша красота.

XXIII.

Идиллія.

Милета въ младости Милона полюбила,
Но нѣжну отъ него любовь свою таила.
Съ Лизорой другомъ бывъ, она открыла ей,
Какъ мучится она любовію своей.
Милетину печаль подружка услаждаетъ,
И новой случай ей къ веселью представляетъ.
„Пойдемъ, ей говоритъ, къ Милоновымъ стадамъ,
„Ты нѣжную любовь ему откроешь тамъ.
Лизорины слова полезны для Милеты,
Она исполнила пріятные совѣты;

КЪ пасущимся стадамъ съ подружкою пошла,
Но тамо своего Милона не нашла.
КЪ зеленому лужку дорожка пролегала,
Лилета на лужокъ съ спосѣшностью бѣжала;
Она увидѣла шалашъ Милоновъ тамъ,
Которой основалъ Милонъ весною самъ.
Милета на лужку Милона дожидалась,
Лазоревыми тамъ цвѣтами украшалась;
Вязала розовой вѣночикъ на главу,
И сыпала по тѣмъ дорожкамъ мураву,
По коимъ думала Милонъ ступати станетъ,
Кого, увы, ково надежда не обманетъ!
Милонъ во шалашѣ въ свирѣль свою игралъ,
КЪ зеленому лужку онъ часто взоръ кидалъ;
Онъ всякой взглядъ и шагъ Лилетинъ примѣчаетъ,
Но самъ изъ шалаша ниппи не помышляетъ.
Лилета ходячи рѣками слезы льетъ,
И чаетъ, въ шалашѣ ея Милона нѣтъ.
Дабы Лилетѣ дань во горестяхъ утѣхи,
Лизора входитъ съ ней въ забавы, игры, смѣхи,
И новую игру рѣзвяся избрала;
Загадывать она съ подружкой начала.
Зеленыя съ служка листочки сорываетъ,
И ихъ по воздуху изъ рукъ своихъ пускаетъ:
„Въ которую страну листочикъ полетитъ,
„Въ той жить мнѣ суждено, Лизора говоритъ.
Лилета ту игру желаетъ продолжати,
И хочетъ о своемъ Милонѣ загадати:
Цвѣточикъ синенькой межъ травкой разцвѣталъ,
Онъ, листвія сплетя, вѣночикъ представлялъ,

Ли-

Лилета тотъ цвѣтокъ со корня сорываетъ,
Мудрёные его листочки примѣчаетъ,
И удивляется природы красотамъ,
Которая даетъ толь чудный видъ цвѣтамъ:
На синенькомъ цвѣткѣ Лилета загадала,
Гдѣ мой Милонъ теперь на листьяхъ пошептала,
И кинула цвѣтокъ . . . Зефиръ тогда леталъ,
Къ зелену шалашу цвѣточикъ онъ помчалъ.
Милонъ изъ шалаша поспѣшно выбѣгаетъ,
Цвѣтокъ у вѣтерка руками вырываетъ.
Кто бросилъ сей цвѣтокъ, онъ сердцемъ отгадалъ,
И болѣе сего цвѣтка не покидалъ.
Лилета тотъ цвѣтокъ потерянным щитала,
И нужитъ для чего на оном загадала.

Межъ тѣмъ ужъ солнышко скрывало дневной свѣтъ,
Вечерняя заря прохладу подаетъ.
У бре́га, гдѣ текутъ по камнямъ чисты во́ды,
Пастушки собрались играть во караводы,
Лилета въ каравод съ лужка спѣшитъ итти,
И чаетъ своего Милона тамъ найти;
Изъ разныхъ цепь себѣ Милонъ цвѣтковъ свиваетъ;
Онъ синенькой цвѣтокъ во цепь сію вплетаетъ,
Кадѣвши оную, идетъ ко брегу водъ;
Лилету видитъ онъ входящу въ караводъ;
Увидя пастушка Лилета, оробѣла,
Цвѣточикъ разсмотря вздохнула, покраснѣла;
Въ Лизорѣ вдругъ она потупя взоръ бѣжитъ,
Просить у пастушка, цвѣточковъ ей велитъ:

КЪ Милону подошедъ цвѣтковъ Лизора проситъ;
Онъ снявши цепь съ себя Лизорѣ ту подноситъ,
И такъ ей говоритъ „ты цепь сію принявъ,
„Мнѣ синенькой одинъ цвѣточикъ лишь оставь;
„Онъ мнѣ природы всей и жизни онъ миляе;
„Съ нимъ я щастливѣй сталъ, спокойнѣй веселяе.
Любовныя слова Лизора поняла,
И очи на свою подрушку возвела.
Милонъ приближаея сказалъ самой Лилетѣ,
Что сей цвѣтокъ ему всего дороже въ свѣтѣ;
Онъ робость въ ней тогда, стыдливость примѣчалъ,
Что думаетъ она, онъ скоро отгадалъ,
И видя, что любовь стыдливость ту раждаетъ,
Онъ ей свою любовь не медля открываетъ.
Лилета радости своей не можетъ скрыть,
Клянется пастуху во вѣкъ его любить.
Давно любовь они другъ отъ друга таили,
Чрезъ синенькой цвѣтокъ они ее открыли.
Цвѣточикъ тотъ они любили, берегли,
И радости своей его причиной чли.
Съ Лилетою Милонъ для щастія родились,
Для щастія они сердцами съединились;
По рощамъ, по лугамъ пасли своихъ овецъ,
Забава имъ везьдѣ сплетала свой вѣнецъ,
Лизорѣ дружество они всегда казали,
И въ жизни горести, ни бѣдствія не знали.
Взаимну кто любовь со твердостью хранитъ,
Того судьба всегда спокойствомъ наградитъ.

XXIV.

Идиллія.

ВЪ осенни мрачны дни, когда трава желтѣетъ,
Когда холодной вѣтръ въ поляхъ и рощахъ вѣетъ,
Когда природа вся теряетъ красоту,
Конечно вижу я пріятную мечту?
Мнѣ кажется теперь природа обновилась,
Весенняя красота на всѣхъ мѣстахъ явилась,
Конечно въ этотъ часъ
Порядокъ естества угасъ?
Иль само божество съ небесъ на землю сходитъ?
Ахъ нѣтъ! моя ко мнѣ любезная приходитъ.
Милену вижу здѣсь,
И ею красится сама природа днесь;
Когда къ лугамъ пришла луга позеленѣли,
И птички на кустахъ и на древахъ запѣли,
По рощѣ гдѣ идетъ,
На вѣтвіяхъ древесъ зефиръ Милену ждетъ,
Поблеклые цвѣты крѣпитъ и ими вѣетъ,
И роща кажется весенній видъ имѣетъ.
Резвяся вкругъ ея зефиръ предъ ней летитъ,
И травку и цвѣтокъ предъ ней въ поляхъ живитъ,
Къ садамъ пришла, цвѣты предъ нею разцвѣтаютъ,
Забавы, радости вокругъ ея летаютъ,
Къ ногамъ ея падутъ листочки и цвѣты,
Милена! всѣмъ вещамъ даешь пріятность ты,
Когда природу всю собою обновляешь,
Какіяжъ въ сердцѣ мнѣ ты чувствія вливаешь?

Взираю на тебя томлюся и горю,
Въ объятіяхъ твоихъ я рай отверсты зрю,
И зрю, что ты собой природу украшаешь,
Всѣ виды скучные въ пріятны обращаешь,
Когда вселенна вся тобой одной красна,
То дивноль? что теперь мнѣ кажется красна.

XXV.

Идиллія.

Быстряй текипте здѣсь по камнямъ быстры рѣчки,
Бѣгите на луга незлобивы овечки,
Зефиръ! лети въ поля на желтые цвѣты,
Сходи Аврора ты съ небесной высоты,
И въ здѣшнія мѣста поспѣшно воцарися,
А ты свѣтило дня! за нею въ слѣдъ катися,
И свѣта своего прекрасный лучь яви,
Ты травы и листки собою оживи!
Волненіе во всей природѣ примѣчаю,
И въ сердцѣ я моемъ волненье ощущаю!
Но чтожъ причиною движенія сего?
Я жду въ сей часъ ко мнѣ Аминта своего.
Знать здѣшнія мѣста мое веселье внемлютъ;
Они мнѣ кажется, видъ радости пріемлютъ.
Забудь Аминтъ, забудь всѣ свѣта красоты
Къ Мельнидѣ возвратись и будешь щастливъ ты;
Сама любовь тебя въ сихъ рощахъ ожидаетъ,
И радости тебѣ она приготовляетъ,
Весенни красоты мы будемъ здѣсь встрѣчать,
Забавы спанемъ мы и игры вымышлять,

Силь-

Сильняй познаемъ здѣсь величество природы,
Здѣсь воздухъ, небеса, земля и чисты во́ды
Откроютъ намъ ея во всемъ всесильну власть;
Она велѣла намъ узнать любезну часть,
Природа! ты везьдѣ во всемъ себя являешь,
Гы жизнь цвѣтамъ даешь, и все одушевляешь;
Конечно и любовь ты въ свѣтъ произвела,
Гы ею радости сердечны знать дала,
Аминтъ! что медлишь ты, ты страхъ во мнѣ раждаешь,
Іриди ко мнѣ скоряй тѣмъ грусть мою скончаешь,
Чисточкиль въ рощахъ сихъ зелены зашумятъ,
Иль птички по лѣсамъ съ куста на кустъ летятъ,
Зефиръ ли по цвѣтамъ вокругъ меня повѣетъ;
Взволнуется мой духъ и сердце оробѣетъ,
Движенье каждое мнѣ кажется гласитъ,
Мельнида! твой Аминтъ уже къ тебѣ бѣжитъ,
Скончай, Аминтъ, скончай мои любовны муки,
Избавь меня скорѣй отъ страха, грусти, скуки,
Въ какою радостью здѣсь встрѣчу я тебя,
Бѣги ко мнѣ, бѣги, дай видѣть мнѣ себя.

XXVI.

На заданныя риѳмы.

Въ ужасну ночь сію встревожился мой духъ,
И душу новыя сомнѣнья возмутили,
Лишь сномъ спокоила я свой унылой духъ;
Мечтанья мнѣ мой сонъ въ мученье превратили,

Мнѣ слышилось, что мой Лидоръ пускаетъ стонъ,
И что съ другою онъ дѣлитъ сердечну радость;
Повергнулъ въ горести меня сей страшный сонъ,
Бѣжали отъ меня спокойствіе и сладость,
Но ты нещастливымъ, любовь! ты лучшій врачь,
Хотя ты горести въ сердцахъ раждаешь прежде,
Однако слыша ты стенанія и плачь,
Велишь намъ наконецъ въ пріятной быть надеждѣ,
Мгновенно сонъ мои сомнѣнія умчалъ,
Наставшій день мои всѣ горести скончалъ,
И встрѣтили меня пріятныя минуты,
Прешли опасности и бѣдствія прелюты,
Лидора зрѣла я грядущаго въ сей градъ,
Онъ въ образѣ моемъ примѣтилъ огорченье,
Но только на меня онъ кинулъ страстной взглядъ,
Почувствовала я ко радости влеченье,
Я видѣла, что въ немъ не обитаетъ лесть,
И что свою мнѣ страсть являетъ онъ нещетно,
Онъ клялся предо мной любви вѣнокъ сплесть,
Сердечно дѣйствіе мнѣ было въ немъ примѣтно,
Веселый на нево уже взвела я взоръ,
Вѣщала нѣжности моими я устами,
Не хитрость то была, не лесть и не притворъ,
Казалось рѣчи тѣ внимали боги сами,
Отверстыя пути уже по щастью вижу,
Далеки отъ меня печали и напасть,
Я части скучной той на свѣтѣ ненавижу,
Которая претитъ узнать любовну страсть.

XXVII.

XXVII.

На заданныя риѳмы.

Находитъ всякой здѣсь пріятности въ природѣ,
Здѣсь правки и цвѣты и птички во свободѣ,
Здѣсь слышимо вездѣ журчанье тихихъ рѣкъ;
Но не плѣняюсь я прелестными мѣстами,
Повсюду горести глашу я здѣсь устами,
Здѣсь я въ мученье впалъ, здѣсь мой покой протекъ.

*

Сіяетъ для меня лучь солнечный напрасно,
Здѣсь сердцу моему мученье сопричастно,
Увы! любовью я почелъ въ Зенидѣ лесть!
Но что же я чиню Зенидѣ въ наказанье?
Питаю въ сердцѣ грусть во чувствіяхъ терзанье,
И вотъ едина ей за всѣ обманы месть.

*

Почто Зенида ты вездѣ питала звѣрство,
Почто являла ты обманъ и лицемѣрство?
Ты ложной ласкою мой духъ смутила весь,
Зря нѣжности въ тебѣ, я страстію смутился,
Я радостей моихъ и вольности лишился,
Въ свободѣ ты теперь, я стражду и поднесь.

*

Любовью суждено мнѣ вѣчно волноваться,
Зенидой суждено со щастьемъ разставаться.
Но ахъ! пріятенъ мнѣ поднесь еще тотъ часъ,
Въ которой вольна мысль сей страстію затмилась,
Въ которой грудь моя отъ нѣжности томилась,
Въ которой я внималъ самой любови гласъ.

Увы! стенанія мои пребудутъ тщетны,
Зенидѣ всѣ мои напасти неприметны,
Къ отрадѣ мнѣ моей нигдѣ надежды нѣтъ,
Зенида! я тобой терзаюся, страдаю,
Всечастно грудь помлю, смущаюся, рыдаю,
Противенъ безъ тебя мнѣ весь пространный свѣтъ.

XXVIII.

Сонъ.

Явилась нѣкогда мечта пріятна мнѣ,
Все щастіе мое я видѣла во снѣ,
Я зрѣла будтобы гуляю въ чистомъ полѣ,
Могу желать всего и все въ моей есть волѣ,
Но то была мечта, котора протекла,
И только мнѣ одни мученья навлекла,
Почто не кончилась моя судьбина люта,
Польстила радостьми, но то была минута,
Ково люблю, тому любима быть хочу,
Кому за грубости я нѣжностью плачу,
Тово во снѣ моемъ я видѣла подвластна,
Казалось страстенъ онъ, равно, какъ я имъ страстна,
Кленется вѣчно онъ одну меня любить,
И щастливъ безъ меня не хочетъ въ свѣтѣ быть,
Всѣ радости мои я стала ощущати,
Уже невѣрнаго готовилась прощати,
Простила бы его досады прочь гоня,
И повѣрила уже, что любитъ онъ меня,
Но въ часъ пріятной часъ мечта меня сокрылась,
Проснулась и съ мечтой любезнаго лишилась,

Ъ другою сердце онъ и радости дѣлитъ,
ъ мнѣ страдать злой рокъ и мучиться велитъ,
нъ будетъ навсегда съ любезной неразлученъ,
ещастна буду я, а онъ благополученъ,
юбезная мечта, явись еще хоть разъ,
а жизнь мою скончать могла бы въ оной часъ.

XXIX.

Стансы.

Естьли то тебѣ пріятно,
Чтобы я еще любилъ,
Утро мнѣ отдай обратно,
Мой ужъ вечеръ наступимъ.

*

Тѣмъ, которы лѣтъ, во цвѣтѣ,
Тѣмъ утѣхи отдадимъ,
Два мига живемъ во свѣтѣ;
Мигъ рассудку посвятимъ.

*

Гдѣ забава на престолѣ,
И любовь имѣютъ тронъ,
Взявъ рукой меня оттолѣ,
Время ужъ выводитъ вонъ.

*

Должно думать сколько можно,
Усладить сей горькій вѣкъ,
Кто не знаетъ жить какъ должно,
Тотъ нещастный человѣкъ.

*

Отъ меня далеки спали
Игры, нѣжности, красы,
Кои грудь мою питали,
Жизни въ первые часы.

*

Дважды всѣ мы умираемъ,
Вижу нынѣ ясно то,
Смерть, когда любовь теряемъ,
А другая смерть ничто.

*

Съ небеси теперь нисходитъ
Дружба къ помощи моей,
На любовь она походитъ,
Но огня не вижу въ ней.

*

Ею здѣсь я восхищаюсь,
Ей теперь иду во слѣдъ;
Но слезами обливаюсь,
Что другой дороги нѣтъ.

XXX.

Стансы.

Здѣсь царствуетъ покой, здѣсь вѣчное блаженство,
Отселѣ изгнаны обида, зависть, лесть;
Здѣсь вижу я во всей природѣ совершенство,
Не страшенъ для овецъ невинныхъ лютый левъ;
Здѣсь видимы для всѣхъ веселье и успѣхи,
Здѣсь нѣжность чувствую, и любятъ безъ помѣхи.

Узная сельску жизнь и всѣ ея забавы,
Мечтой покажется великолѣпный градъ,
Тамъ портятся сердца, а здѣсь невинны нравы,
Здѣсь въ радостяхъ живутъ, а тамо зрится адъ,
Здѣсь дружба царствуетъ изгнанная изъ града,
Въ ней ищутъ щастія, она для всѣхъ отрада.
Здѣсь прямо чувствуютъ любовь! твою пріятность,
Взаимный жаръ сердецъ вѣнчаетъ нѣжный бракъ,
Здѣсь роскошь презрѣнна, чины, богатство знатность,
Сердецъ невинныхъ сей не покрываетъ мракъ;
Всѣ свѣта прелести обманчивы и лживы,
И сельски жители едины суть щастливы.

XXXI.

Стансы.

Пріятна сельска жизнь, въ ней все меня прельщаетъ,
Спокойство, тишина, невинность здѣсь живетъ,
Здѣсь то единое лишь духъ мой сокрушаетъ;
Что въ райской жизни сей со мной Альцина нѣтъ.

*

Спокойству моему любовь, любовь мѣшаетъ,
Со мной Алцина нѣтъ, и пусть мнѣ зрится свѣтъ;
Разлука съ нимъ меня всечастно сокрушаетъ,
Но можетъ быть Альцинъ сюда ко мнѣ придетъ.

*

Едина мысль о томъ всю душу восхищаетъ,
Пріятнѣй соловей въ сей рощѣ воспоетъ,
Веселье, радости, пусть здѣсь Алцинъ вкушаетъ,
Приди ко мнѣ, тебя любовь и нѣжность ждетъ.

*

Сама

Сама природа здѣсь тѣ чувствія внушаетъ,
Она свободу всю любовникамъ даетъ,
Здѣсь травка и цвѣтокъ и все въ любови таетъ;
И все тебя, Алцинъ сюда къ любви зоветъ.

*

Элиза для тебя шалашъ свой украшаетъ,
Гдѣ нѣжность всю любви изъ сердца излiетъ;
Приди, Алцинъ, приди, она тебѣ вѣщаетъ,
А безъ тебя съ тоски Элиза пропадетъ.

XXXII.

Стансы на заданныя риѳмы:

Противенъ городъ мнѣ, пріятны мнѣ цвѣты;
Люблю тропинки я; не каменны дороги;
Бѣгу притворной я наружной красоты,
Бѣгу изъ града вонъ, его законы строги.

*

Долины, холмики, лужайки и лѣсокъ,
Поля пространныя и саженныя рощи,
Вода текущая чрезъ камень и песокъ,
Прохладна въ жаркій день, пріятна въ тихой нощи.

*

Въ дупло приноситъ медъ своихъ трудовъ пчела,
Невѣдомы для ней ни горести, ни слезы,
Не пышны зданія работать начала,
Гдѣ лѣнь покоиться, на трудъ взложивъ желѣзы.

*

Лавровой на главѣ нося герой вѣнокъ,
Побѣдой славится въ войнѣ нашедъ забавы,
Герой увянешь ты подобно какъ цвѣтокъ,
Опомнись и познай тщету единой славы.
Пусть въ гордыхъ зданіяхъ владычествуетъ страстъ,
Я ихъ оставила, спокойство мнѣ пріятно,
Невинность здѣсь нашла, не въ пышность и не власть,
Забавы естества полезнѣе стократно.

XXXIII.

Вопр. Отъ кого больше зла на свѣтѣ?

Отв. Зла много сдѣлали желѣзо, мѣдь, сребро,
Но ими сдѣлалось большое и добро:
Побольше видно зла отъ сильныхъ дураковъ:
Однако злѣй всего языкъ клеветниковъ.

XXXIV.

Вопр. Что въ свѣтѣ щастіе, слава и богатство?

Отв. Я щастіе свое лишь только въ томъ щитаю:
Чтобъ тѣмъ любимой быть, кѣмъ я взаимно таю:
Богатство, радости и слава вся моя,
Коль въ сердцѣ у него, во вѣкъ останусь я.

XXXV.

Вопр. Кто полезнѣе въ свѣтѣ, мущина или женщина?

Отв. Герой отечество избавить устремленъ,
А статской истинну въ судѣ распространять:
Отъ женщины герой и статской тотъ рожденъ:
Полезнѣй кто изъ нихъ, изволь ты самъ узнать.

XXXVI.

Вопр. Что пріятнѣе, мячикъ или любопнца?

Отв. Чрезъ мячикъ мы себя отъ скуки избавляемъ;
И тягости свои тѣлесны убавляемъ,
Мы женщиной себя отъ скуки избавляемъ,
Но тягости себѣ сердечны прибавляемъ;
Играя мячикомъ у насъ жидѣетъ кровь,
Отъ женщинъ чувствуемъ пріятную любовь;
И насъ обворожа прелестными очами,
Играютъ нами такъ, какъ лехкими мячами.

XXXVII.

Вопр. Что прежде родилось, дружба или любовь?

Отв. Мнѣ кажется любовь на свѣтѣ все раждаетъ,
И прежде дружества извѣстна стала всѣмъ,
Изъ смертныхъ страсть сію никто не побѣждаетъ;
Скажите, правъ ли я во мнѣніи моемъ?

XXXVIII.

Вопр. Что нужнѣе для свѣта, умъ или богатство?

Отв. Коль не былобъ ума, такъ не былобъ богатства;
Умъ деньги изобрѣлъ, но самъ себѣ на вредъ,
Отъ денегъ множество узнали мы пріятства,
Но больше родилось отъ нихъ на свѣтѣ бѣдъ,
Богатство умъ нашелъ, но имъ онъ истребился,
Ахъ! лучшебъ сей дитя на свѣтѣ не родился.

XXXIX.

Пѣсенка.

Сопѣтъ Красавицамъ.

Вы Красавицы отложте
Горды мысли о себѣ,
И мученья въ насъ не множте,
Нашей злой смѣясь судьбѣ.

*

Изсыхаетъ токъ прозрачный,
Упадаетъ цвѣтъ лилей;
Дни зимы наступятъ мрачны,
И увянетъ злакъ полей.

*

Солнцевъ красный лучь хладѣетъ,
Плодъ и листъ съ деревъ падетъ;
Зефиръ въ рощахъ онѣмѣетъ,
Лѣто и весна пройдетъ.

*

Вашихъ глазъ лучи прелестны
Равно живность прекратятъ;
Смѣхъ, улыбки, взоръ небесный
Васъ оставятъ, улетятъ.

*

Подражайте вы природѣ,
Рвите въ младости цвѣты,
И живя въ драгой свободѣ,
Плодъ вкушайте красоты.

*

Поздно будетъ веселиться,
Какъ простынетъ въ сердцѣ кровь,
Кто совѣтъ даетъ любиться,
Самъ тотъ чувствуетъ любовь.

XXXX.

Отвѣтъ

На вчерашній вопросъ.

Ты Элиза вопрошаешь,
Въ чемъ спокойствіе я зрю?
Грусти ты моей не знаешь,
Тайнымъ пламенемъ горю;

*

Умъ и очи непримѣтно
Заразились красотой;
Признаюся, чтилъ я тщетно
Нѣжны прелести мечтой:

*

Въ грудь Эротъ стрѣлу златую
За презрѣнье мнѣ вонзилъ.
Я предвижу участь злую,
Упадаетъ крѣпость силъ.

*

Торжествуетъ надо мною,
Ниса! блескъ твоихъ очей,
Гдѣ найду стези къ покою?
Въ сердцѣ нѣжности твоей:

*

Мнѣ тропинки тѣ пріятны,
Гдѣ ногой ступала ты;
Запахъ сыплютъ ароматный
Сорванны тобой цвѣты.

*

Красно время провождаю
Въ злачныхъ рощахъ и поляхъ;
Тамъ красы твои встрѣчаю,
Ихъ нося въ своихъ очахъ.

*

Въ рощахъ всѣ цвѣтки увянутъ,
Какъ приближится борей;
Цвѣсть однако не престанутъ
Розы прелести твоей.

XXXXI.

О вы прелестницы! ядъ влюбчивыхъ сердецъ,
Оставте лавры мнѣ, парнасскій я пѣвецъ,
Я красныхъ девять сестръ въ содружествѣ имѣю;
Я ими воспаленъ, такъ къ вамъ ли вспламенѣю?

XXXXII.

Танкредъ плачущій надъ тѣломъ Клоринды.

Посмотримъ, кто сей врагъ моей рукой сраженный?
Конечно то Аргантъ во бранях дерзновенный.
Онъ храбръ, безъ трепета, и словомъ, онъ герой,
Я мужество его извѣдалъ самъ собой.

Конечно онъ; или . . . . Но скройся мысль плачевна,
И естьли . . . то меня сразитъ толь участь гнѣвна,
Посмотримъ; о судьба! о злополучный рокъ!
Коль для несчастнаго Танкреда ты жестокъ!
Увы, то не Аргантъ! то не безстрашный воинъ,
Клоринда то! увы! я вѣчныхъ слезъ достоинъ.
О пагубна рука! кого сразила ты!
Се цвѣтъ тобой пожатъ прелестной красоты.
Разверзись подо мной скорѣй земли утроба!
Разверзись! я пойду сй въ слѣдъ во мрачность гроба.
Клоринда! для чего не я тобой сраженъ!
Чьей кровію мой мечь, о ужасъ! обагренъ;
То кровь дѣвическа, то кровь моей любезной!
Моей . . . О небеса! о злобный рокъ и слезной!
Внемли дражайшая, внемли мой томный гласъ,
Не внемлешь! твой уже пришелъ послѣдній часъ!
Пленяющихъ очей открой прелестны вѣжды,
Не открываешь! ахъ! лишенъ я всей надежды!
Открой! и зри моихъ печальныхъ слезъ струи,
Стремящихся рѣкой на прелести твои!
Но нѣтъ! твой малый взоръ покрылся мракомъ вѣчнымъ,
Я здѣлался на вѣкъ чрезъ то безчеловѣчнымъ;
Въ послѣдній разъ ему отверзи ты уста,
На коихъ розова блистала красота,
Отверзи и скажи, Танкреда я прощаю,
Любезною рукой сраженна умираю!
Но ахъ! уже ты мнѣ не въ силахъ отвѣчать,
Зрю на твоихъ устахъ я смертную печать;
Простри еще ко мнѣ дѣвическую руку,
Простри и уменьшь свирѣпу въ сердцѣ муку,

Простри! чтобъ я ее облобызать возмогъ,
И получить чрезъ то любви твоей залогъ!
Но нѣтъ! твои уже побѣдоносны длани,
Толь прежде тягостны мужамъ въ кровавой брани,
Пріяла грозна смерть въ заклепы мрачныхъ узъ,
И сей уже ни чѣмъ не разрѣшимъ союзъ.
О естьли бъ гнѣвна ночь въ котору мы сражались,
Другъ друга не познавъ, какъ львы ожесточались,
И звукъ оружія во всѣ мѣста несли,
Смущая спящу тварь, дубровы потряслі,
И видя наконецъ единый мракъ сгущенный,
Прервали страшный бой трудами утомленный!
О естьли бъ ночь сія простерла вѣчно тѣнь,
Чтобъ я не могъ востать и зрѣть плачевный день!
Востать! и вновь съ тобой, любезная! сражаться,
Не зная побѣдить, побѣдою терзаться.
О естьли бъ такъ я былъ судьбою усыпленъ!
Не зналъ бы скорби сей, которой днесь стѣсненъ.
А ты прекрасная предшественница Феба
Почто простерла блескъ отъ ризъ твоихъ средь неба?
На то ли, чтобъ узрѣть Клориндины красы,
Увядши твоего востанія въ часы!
Ея чело, лице и взоръ ея прелестный
Прекраснѣй зрѣлися, чѣмъ твой восходъ небесный!
Воззри! какъ грозный рокъ, не умолима смерть,
Не могутъ прелестей еще ея сотерть!
Ты животворными очей твоихъ слезами
Весенней розы блескъ Царицы надъ цвѣтами
Стараешься всегда не медля оживить,
И нощію красу увядшу обновить,

Такъ сжался нынѣ ты Клоринды надъ красою,
Какъ розу оживи ее своей росою!
Но нѣтъ! мнѣ возвратить ее не въ силахъ ты!
На вѣкъ Клориндины увяли красоты.
О Музы! вы намъ рокъ въ стихахъ своихъ вѣщайте,
Плачевной Лирою Клоринду воспѣвайте;
Да съ сожалѣніемъ потомки повѣсть чтутъ,
И горькихъ токи слезъ надъ нами изліютъ.
А ты! сраженная любовничей рукою,
Прости! прости! я въ вѣкъ виновенъ предъ тобою.

XXXXIII.

Еклога
Климена.

Климена въ жаркій день на холмикѣ сидѣла,
Въ прозрачный ручеёкъ, задумавшись, емотрѣла;
Овечки вкругъ ее скакали на цвѣтахъ,
И птичьки пѣсенки вспѣвали на древахъ;
По случаю пчела въ цвѣточкахъ тамъ летала,
И влагу сладкую съ лилей и розъ сосала.
Климена изъ себя красавица была,
Лилея съ розою въ ея щекахъ цвѣла;
Иль лучше всѣ цвѣты она превосходила,
И пчёлу черезъ то нещастная прельстила.
За подлинной цвѣтокъ пчела ее почла,
Ей сѣла на́ щеку, и кровь ея пила.
Пчелѣ былъ сладокъ сокъ, красавица стенала,
И воплемъ жалостнымъ всю рощу наполняла,

Эрастъ

Эрастъ по близости на голосъ прибѣжалъ,
Климену плачущу словами утѣшалъ;
И зная на поляхъ онъ травъ цѣлебныхъ силу,
Не медля исцѣлилъ ему пастушку милу;
За что съ ланитъ ея изъ устъ цвѣточки рвалъ
А по простu сказать Климену цѣловалъ.
Какаяжъ изъ того произошла премѣна?
Не чувствовала боль любезная Климена;
Но самъ уже Эрастъ, услужливый пастухъ,
Ядъ въ сердцѣ ощутилъ, и въ немъ смутился духъ,
Онъ очи томныя къ Клименѣ простираетъ,
И помощи ея въ мученіи желаетъ;
Тобою, говоритъ, тобой нещастенъ я,
Тебя пчела, меня язвитъ краса твоя;
Климена исцѣлить Эраста обѣщала,
И думаю, она Эрасту не солгала.

XXXXIV.

РЕНСИ

ЯПОНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Государство Японское, такъ какъ и большая часть Азіатскихъ областей есть толикой древности, колико пространство онаго неизмѣримо. Жители его какъ и всѣхъ тѣхъ странъ, страхомъ управляемыя исполняютъ долгъ свой не иначе, какъ опасаясь за противное тому наижесточайшаго наказанія; и поелику нѣтъ тамъ малыхъ наказаній, то всякое преступленіе считается важнымъ. Ужасъ всегда предшествуетъ Государю. Судья не есть покровитель народа, но мучитель онаго; и законы представляютъ подробность всего того, что разумъ по естеству своему кровожаждущій и злобный, можетъ изобрѣсти наижесточайшаго къ наказанію тѣхъ, кои оныя преступаютъ; можно сказать, что они написаны кровію нещастныхъ ими пролитою. Весьма легко представить себѣ можно, что страна, таковымъ образомъ управляемая, не должна имѣть въ себѣ добродѣтели; ибо самая сія добродѣтель не инымъ чѣмъ быть кажется, какъ опасеніемъ безславія и мученія. Со всѣмъ тѣмъ мнѣніе сіе обманчиво; гласъ природы, коего ничто истребить не можетъ, вѣщаетъ и тамъ съ обыкновенною ему силою; и нѣжная привязанность произвела и въ сей странѣ Героевъ.

Генэоо

Гензоо владѣлъ сею изобильною страною, которая осталась можетъ быть одна, куда Европейцы болѣе вводить не могли пороковъ своихъ вмѣстѣ съ златомъ, нижѐ соблазнять своею скупостію, уливлян происходящею отъ оной дерзостію. Въ одной провинціи сего государства жилъ Синму Мандаринъ добродѣтелію и безкорыстіемъ своимъ отъ прочихъ отличившійся. Нося на себѣ бремя правленія, услаждалъ онъ его дѣлая благополучныхъ, и обрѣталъ славу свою въ любви и благодарности тѣхъ, кои ему были подчинены. Не пользуясь самомъ своимъ къ размноженію своего богатства, находилъ онъ только средства лишаться и того, которое имѣлъ. Слава его далеко простиралась; онъ привлекъ къ себѣ похвалу всѣхъ тѣхъ, кои объ немъ слышали, и пріобрѣлъ уваженіе двора, довѣренность своего Государя, дружбу равныхъ себѣ, любовь и почтеніе подчиненныхъ.

Корея жена его раздѣляла съ нимъ славу его и добродѣтели. Три сына въ правилахъ воспитанные дѣлали благополучіе ихъ совершеннымъ; можноб сказать, что единая душа одушевляла всю сію семью, и что единое сердце всѣми ихъ чувствіями управляло. Они не иначе щастіе свое вкушали, какъ въ то время, когда всѣ они могли видѣть другъ друга совершенно благополучными: единая слеза не обмочила глазъ одного человѣка безъ того, чтобъ глаза всѣхъ не были ею омочены; и естьли пріятная усмѣшка приводила въ движеніе

женіе уста единаго, то всѣ сердца къ радости были уже отворенны. Словомъ сказать всѣ движенія ихъ были равнообразны; и можно было судить объ образѣ бытія всѣхъ членовъ, семью сію составлющихъ, когда образъ бытія токмо единаго былъ кому извѣстенъ.

Казалось, что добродѣтель сихъ почтенныхъ людей должна быть имъ оградою отъ всѣхъ злыхъ премѣнъ щастія. Они не должны ничего были опасаться внѣ своего состоянія: ибо благополучіе тѣхъ, кои ихъ окружали, зависѣло отъ собственнаго ихъ сохраненія: себя самихъ опасаться имъ было нѣчего; ибо они не иначе щастливы были, какъ взаимнымъ ихъ благополучіемъ; Санъ Синмовъ поставлялъ его главою обитаемой ими Провинціи; слава его дѣлала ихъ предметомъ всѣхъ желаній, и доходы состояніемъ его пріобрѣтенные заставляли ихъ вкушать прелести его благосостоянія. Такимъ образомъ жили они въ совершеннѣйшемъ удовольствіи, надѣясь долгое время оными выгодами пользоваться, какъ вдругъ Синма занемогъ опасно. Ни молитвы народныя, ни плачь дѣтей его, ниже стенанія нещастныхъ, не могли удержать смертной стрѣлы на него пущенной; онъ скончался къ общему всѣхъ соболѣзнованію; и каждой думалъ, что послѣднее его дыханіе, должно быть послѣднею минутою того благополучія, коего можно было надѣяться. Люди таковыхъ достоинствъ суть весьма рѣдки; но доброта сердечная въ человѣкѣ, столь важное мѣсто занимающемъ, есть вещь несказанно рѣдчайшая.

Не

Не возможно изъяснить печаль Кореи; нѣтъ столь черной краски, коею бы можно было изобразить соболѣзнованіе дѣтей ея. Пусть читатель представитъ себѣ всѣ движенія справедливѣйшаго и наижесточайшаго огорченія; пусть вмѣстишъ онъ ихъ въ одно сердце, и тогда едва ли онъ тоску ихъ, рвенія сердецъ ихъ и горчайшія ихъ слѣзы вообразить себѣ возможетъ. Сіе было первое чувствуемое ими огорченіе; но оно причинено было наиважнѣйшимъ для нихъ предметомъ. Корея лишилась супруга, коимъ она гордилась. Дѣти ея къ наставленію своему и къ выгоднѣйшей перемѣнѣ своего состоянія никакого ужѐ способа болѣе не имѣли: они лишились того, которой большей части любви ихъ былъ достоинъ, и которой одинъ на всѣ доли бытія ихъ истинное проливалъ удовольствіе.

Великія огорченія столь сильно прилѣсняютъ дýшу, что не допускаютъ иногда разсмотрѣть подробно то состояніе, въ которое они насъ повергаютъ. Корея не иначе, какъ ужѐ по прошествіи нѣкотораго времени, могла обозрѣть то жесточайшее состояніе, въ которое она ввержена стала. Мужъ ея содержалъ семью свою къ званію его принадлежащими доходами; и много времени прошло, какъ онъ свѣтъ сей ужѐ оставилъ. Но она между тѣмъ къ прекращенію совершеннѣйшей бѣдности никакихъ еще способовъ получить не могла. Сердце ее столь было возвышенно, что она за бытіе свое друзьямъ обязянной быть не хотѣла. Она столь много

важ-

важность сана своего чувствовала, что не могла унизить себя на какія либо поступки, не приличествующія состоянію ея; любя чрезмѣрно дѣтей своихъ, не хотѣла она навлечь и на нихъ упреканій въ разсужденіи малаго ихъ старанія о той, которою они жизнію обязаны. И такъ приняла она намѣреніе сходственное съ обычаемъ той страны, въ коей она обитала, и собравъ огорченныхъ дѣтей своихъ оное имъ сообщила. Вы знаете, любезныя дѣти! говорила она имъ, сколь любовь моя къ вамъ сильна; съ тѣхъ поръ, какъ вы родились, присутствуете вы непрестанно въ умѣ моемъ; и съ тѣхъ поръ составляете вы наидрагоцѣннѣйшее жизни моей удовольствіе: нынѣ окружена я со всѣхъ сторонъ огорченіемъ, которое моею къ вамъ привязанностію и вашими добродѣтелями часъ отъ часу пріумножается. Отецъ вашъ смертію своею похитилъ всѣ наши удовольствія - - - - блаженъ онъ, что не знаетъ - - - - онъ не чувствуетъ, что онъ приключаетъ смерть намъ - - - - Увы! обѣдъ, за которой мы теперь сядемъ, будетъ послѣдній, которымъ я васъ накормить могу --- не ужѣль родились вы на то только, чтобъ такъ скоро умереть! не ужѣль должна я имѣть огорченіе видѣть васъ отъ глада погибающихъ! - - - - Вы увидите послѣдней кусокъ хлѣба, которой я вамъ дать могу, не иначе его съѣдите, какъ смягченной моими слезами - - - Ахъ! любезныя дѣти! я умру отъ горести, естьли не предупрежду жестокой вашей смерти предавъ самую себя оной - - - - - - Ядъ, должен-

ствую-

ствующій скончать дни мои, ужѐ готовъ; и я нынѣшнюю ночь пріиму его: любите другъ друга, такъ какъ вы всегда то исполняли, и будьте благополучны.

Тоба, Эмбо, Кренси, сыновья ея утопали въ слезахъ вмѣстѣ съ нею. Старшій изъ нихъ Тоба. началъ наконецъ говорить ей слѣдующее: покинешь ли ты дѣтей своихъ въ отчаяніи; и можешь ли умереть безъ угрызенія совѣсти, когда оставишь ты сыновей своихъ горестію удрученныхъ? Или думаешь ты, что они могутъ пережить потерю матери ихъ, которую они обожаютъ? Не ужѐли надѣешься ты, что они могутъ пережить жестокость той печали, кою они должны будутъ возчувствовать? - - - - Ты будешь убійца тѣхъ, которымъ ты жизнь даровала, сдѣлавшись прежде самой себя убійцею - - - - жестокая родительница! - - - - Ахъ! что я сказалъ! - - - - могла ли ты выслушать сіе слово, не судя по немъ о моихъ чувствіяхъ, и не сообразя всю живость собственныхъ твоихъ? - - - - Прости моей горести; но страшись моего отчаянія - - - - Нѣтъ любезной сынъ! отвѣтствовала ему Корея, я не хотѣла увеличивать скорбь, тобою чувствуемую; намѣреніе мое состояло въ уменьшеніи оной отнятіемъ отъ очей твоихъ позорища устрашающей матери. Могъ ли бы ты на то взирать, нѣжное чадо! когда бы изсохшія отъ гладу уста мои, кромѣ слабыхъ и безполезныхъ жалобъ, ничего болѣе ужѐ не произносили? Очи твои могли ли бы имѣть столько силы, чтобъ взи-

рать

рать на мои въ то время, когда ввалившіяся впадины, лишившіяся живости своей, не возмогутъ уже болѣе дневнымъ свѣтомъ пользоваться, и представлять мнѣ образъ дѣтей моихъ. Имѣешь ли ты довольно бодрости, чтобъ взирать на обезображенное гладомъ тѣло и чинить страданіе души моей, когда уже оно въ ничто преобращаться начинаетъ? Можешь ли ты представить себѣ, что сіи руки, кои тебя въ младенчествѣ поддерживали, останутся безсильны, и недостаткомъ пищи окованы? Тогда сдѣлавшись жесточѣе меня, естьли можешь ты взирать на сіе позорище - - - - но нѣтъ - - - - сей обычай самыми законами нашими уполномоченъ. Тамъ прервалъ рѣчь ее Тоба. Но онъ изобрѣтенъ жестокостію и поддерживаемъ слабостію - - - я и братья мои будемъ искать средствъ къ избѣжанію онаго; и ты будешь жить благополучно для дѣтей твоихъ, коихъ щастіе ты составляешь. Какъ! я воспитала дѣтей, долженствовавшихъ отличить себя въ государствѣ, быть полезными ихъ Государю, и составлять сограждан ихъ благополучіе, чувствуя, что они могутъ исполнить мое намѣреніе; и я попущу, чтобъ они забывъ свое званіе, всю мою надежду въ ничто обратили? - - - - Но не ужель вы въ любви моей къ вамъ сомнѣваетесь? Самая даже любовь, которая вкоренила мнѣ сіе предпріятіе, побѣждаетъ къ вамъ мою любовь, требуя того, чтобъ вы со мною были разлученны - - - дары ваши будутъ для меня тысячу разъ тяжелѣе са-

мой

мой смерти, естьли когда нибудь могутъ они служить ко вреду нашему; я хочу, чтобъ всѣ знали сколь много Корея васъ любитъ; чрезъ сіе самое всѣ узнаютъ то, чего вы доспойны. И такъ ты хочешь добродѣтель нашу сдѣлать намъ ненавистью; ты хочешь, чтобъ мы въ любви нашей къ тебѣ раскаивались - - - - не ужèль прошенія дѣтей твоихъ до слуха твоего достигнуть не могутъ? Не ужèль слезы наши, столь часто сердце твое на жалость подвигающія, болѣе ужè тебя тронуть не могутъ? Ахъ любезная родительница! воззри на сына своего; взирай на него скорбію обремененнаго; дыханіе его рыданіемъ стѣсненное препятствуетъ ему представить тебѣ ужасъ, дýшу его пожирающій! - - - - воззри на Эмбо, средняго твоего сына, коего ты болѣе любишь! Видъ на лицѣ его, черты твоего супруга; онъ также какъ и мы погруженъ въ печали - - - воззри на юнаго Ренги, начинающаго вступать въ свѣтъ, въ которомъ лишась тебя, оспанется онъ безъ малѣйшаго наставленія! - - - воззри на всѣхъ троихъ, падшихъ передъ тобою на колѣна! Не ужè ли ихъ и мои слезы не способны будутъ возбудить прежнюю сéрдца твоего чувствительность? Не воспоминаютъ ли они тебѣ ту любовь, которую ты нѣкогда къ намъ имѣла? Не умножаютъ ли они въ тебѣ желанія, которое должна ты имѣть жить вмѣстѣ съ дѣтьми твоими, быть свидѣтельницею ихъ успѣховъ, или по малой мѣрѣ ихъ стараній къ подражанію твоему супругу и нашему родителю, и къ пріобрѣтенію славы

его

его и добраго имени, имъ отъ всѣхъ заслуженнаго - - - - Но именемъ родителя нашего, коего ты столь много любила, коему мы жизнію должны, и которой къ возстановленію благополучія потомства своего тебя избралъ, самымъ его именемъ умоляемъ тебя о сохраненіи дней твоихъ - - - - О Синму! ты бы никогда не могъ повѣрить, чтобъ твоя нѣжная Корея, плодъ твоей съ нею любви возненавидѣла! Я не прошу уже тебя для насъ - - - но для него. Онъ требуетъ, чтобъ ты нѣжнымъ своимъ годамъ не приключала смерти. О! возлюбленныя дѣти! - - - - возопила оскорбленная Корея, можете ли вы быть таковыми, когда вы въ любви моей къ вамъ сомнѣваетесь? - - - - Вспаньте - - - - силы мои меня оставляютъ. Быть такъ! пусть скорбь моя вмѣсто яду служитъ мнѣ будетъ.

Эмбо, коего нѣжный взоръ изображалъ истиниую скорьбь его, вставъ, взялъ руку своей матери, и приложа ее къ устамъ своимъ долго лобызалъ ее; наконецъ примѣтя, что лице Кореи стало слезами покрываться, съ смущеніемъ состояніе души его изъявляющимъ, началъ онъ говорить ей слѣдующее: и такъ теперь въ послѣдній ужè разъ будешь ты имѣть удовольствіе, видѣть нѣжнѣйшія и усерднѣйшія ласки сыновъ своихъ; и въ послѣдній ужè разъ, о нещастный сынъ! можемъ мы надѣяться видѣть нѣкоторые знаки твоей къ намъ нѣжности - - - - Почто ты жизнь намъ даровала? На столь, чтобъ сдѣлать намъ ее несносною? На что добродѣтельми и привязан-

занностію своею, принудила ты насъ любить и обожать себя? Почто природа сей долгъ на насъ наложила? Почто сама ты насъ къ тому обязала, показывая намъ всякой разъ удовольствіе, когда мы старались доказывать тебѣ наше усердіе? - - - - Родитель нашъ умирая велѣлъ намъ любить тебя, велѣлъ дни твои дѣлать пріятными; а ты для исполненія воли его хочешь оставить намъ одно только мертвое тѣло. - - - - - - Не препятствуй теченію слезъ нашихъ; они суть слезы истинныя; а сердце твое столь жестоко, что оно ими пронуться не можетъ; всякой посторонней сжалился бы. - - - - Не уже ль не премѣнишь ты ужаснаго своего предпріятія? О! любезныя дѣти! сколь пріятно видѣть мнѣ вашу чувствительность, и сколь худыя о моей имѣете вы мысли! Выслушайте - - - въ самую сію минуту, Ренси со всею сродною юности его живостію и со всею нетерпѣливостію, отъ скорбей его происходящею, вставъ, взглянулъ сухо на мать свою, и обратя потомъ взоръ свой на обѣихъ братьевъ, вынулъ изъ ноженъ кинжалъ, и устремя очи свои на мать свою, говорилъ ей сими словами: ты хочешь умереть? Умрешь; но смерти твоей будетъ сколь великая столь и справедливая причина. Дѣти твои умрутъ прежде тебя; по крайней мѣрѣ кровь ихъ смѣшается съ твоею; ты увидишь ихъ предъ очами твоими издыхающихъ; увидишь послѣднія окровавленныхъ тѣлъ ихъ движенія, послѣдніе взоры умирающихъ очей ихъ; ты пріимешь послѣднія прощанія любви

ихъ, которую бы они еще продолжать къ тебѣ хотѣли. Я ожидаю послѣдняго твоего рѣшенія, или точнѣйшаго обѣщанія оставить навсегда столь пагубное твое для насъ предпріятіе. Проговоря сіе, стоялъ онъ предъ матерью своею, поднявъ руку свою, готовую уже поразить себя; братья его вооружены будучи бодростію его духа, примѣру его послѣдовали. Корея не въ состояніи будучи снести сего позорища, вы меня побѣдили, вскричала она имъ; сокройте смертныя сіи орудія; упроба моя, въ коей вы жизнь вашу получили, трепещетъ, лишь только помышлю я о вашемъ разрушеніи. Я увѣряю васъ, что сохраненіе жизни моей сдѣлалось мнѣ драгоцѣннымъ, ибо собственное ваше отъ онаго зависитъ; но помните всегда, что вы родились отъ Синму и Кореи. Что повѣденіе ваше не должно быть недостойно вашего рожденія, и что оно не должно лишить васъ тѣхъ званій, которыя вы заслуживаете. Они бросились потомъ въ объятія своей матери, благодаря Ренси за способъ, выдуманной имъ къ преклоненію Кореи.

Въ скоромъ времени въ самомъ мѣстѣ ихъ пребыванія нашли они средство, къ продолженію жизни ихъ на нѣкоторое время; они заняли, и всякой старался услужить имъ, давая требуемую ими сумму въ заемъ: добродѣтель обезпечиваетъ каждаго; и скупой избираетъ ее хранительницею своего имѣнія. Впрочемъ дѣти Кореины были надежны возвратить то, что брали; ибо они всѣ трое изобрѣли такія средства, коими въ способности онаго были

они

они совершенно увѣрены; но хотѣлось сдѣлать нѣчто болѣе онаго; хотѣлось возвратить матери своей блескъ того состоянія, коимъ она прежде сего пользовалась, и быть увѣренными, что она на вѣкъ отъ нищеты избавлена будетъ. Къ сему надлежало имѣть имъ защитниковъ и покровителей, но сіе не легко пріобрѣтается; и добродѣтельные люди, скромность первымъ правиломъ себѣ поставляющіе, обыкновенно менѣе всѣхъ извѣстны бываютъ; сверьхъ того хотѣли они сохранить способъ къ частому свиданію съ своею матерью, опасаясь, чтобъ оставаясь иногда одна, не предалась она прежнему отчаянія своего стремленію; сіе самое стѣсняло весьма много расположенія пріискиваемыхъ ими средствъ; но между тѣмъ чрезъ то, что они для нее уже дѣлали, отъ любви своей къ ней и отъ употребляемыхъ ими стараній всего они надѣялись.

Не задолго предъ симъ Анкамъ любимецъ Императоровъ, будучи посланъ отъ него для исполненія нѣкоторыхъ повелѣній, убитъ былъ въ пути. Учинившіе оное убійство, толикую при томъ употребили осторожность, что они никакъ не могли быть признаны, не смотря на самое строжайшее изыскиваніе виновныхъ. Императоръ огорчась потерею льстеца, былъ болѣе тѣмъ тронутъ, что не могъ произвесть своего мщенія надъ похитившими такимъ образомъ его удовольствіе; онъ принялъ намѣреніе обнародовать оное во всей своей Имперіи, обѣщая въ награжденіе тому великую сумму, кто можетъ най-

ти виновника сего преступленія, и предать его правосудію; къ сему прибавилъ онъ, что хотя законы государственные и утверждаютъ, чтобъ сродники тѣхъ, кои сдѣлали преступленіе противъ оскорбленія величества,, имѣли участіе въ наказаніи преступника; но онъ ихъ отъ онаго избавляетъ, съ тѣмъ только, чтобъ они предали виновнаго.

Обнародованіе сего указа, въ томъ мѣстѣ гдѣ обитала Корея, узналъ первой Ренси; онъ съ удовольствіемъ оное услышалъ. Ужѐ предпринимаетъ онъ новое намѣреніе, и радуется, помышляя о щастливыхъ успѣхахъ для Кореи и для обѣихъ братьевъ его, произойти изъ онаго долженствующихъ. Такъ, сказалъ онъ, мать моя, и оба сыновья ее будутъ по прежнему благополучны, и будутъ благополучны посредствомъ нѣжнѣйшаго сына ея, и любимѣйшаго изъ братьевъ. Сколь пріятна для меня сія выгода! мысль сія пришла конечно первому мнѣ; и они споритъ въ томъ мнѣ не могутъ. - . - - Бѣдная Санси; ты любишь меня столькожъ, сколько и я тебя; ты будешь любовію твоею ко мнѣ гордиться; ты скажешь, изъ всѣхъ людей одинъ Ренси избранъ былъ моимъ сердцемъ, и выборъ его нѣдостойнѣшій; добродѣтельное сердце твое превознесетъ хвалами мою добродѣтель; ты поощришь меня къ исполненію сего духъ мой возвышающаго желанія. О Санси! - - - - мыбъ должны соединиться; но прежде хочу быть сыномъ, нежели любовникомъ.

Ренси искалъ братьевъ своихъ для сообщенія имъ, какъ обнародованнаго Императоромъ указа,

указа, какъ и родившагося отъ онаго въ мысляхъ его предпріятія. Выслушайте меня, сказалъ онъ имъ: Корея находится теперь въ такомъ состояніи, въ продолженіи котораго мы увѣрены быть не можемъ; мы можемъ заболѣть, можемъ и умереть, и тогда останется она безъ всякой помощи; вотъ средство, коимъ можно состояніе ее обезпечить, и принудить почитать бодрость духа нашего и добродѣтель нашу. Я сообщилъ вамъ послѣдній указъ Императоровъ; вы поняли его; представьте же меня виновникомъ сего убійства; предайте меня правосудію, и позабудьте, что я вамъ братъ; вы получите Императоромъ обѣщанное награжденіе; мать моя и вы будете благополучны; лестная мысль, что я ближнихъ моихъ любилъ болѣе себя, будетъ мнѣ за сіе наивеличайшее награжденіе. Тобо и Эмбо не могли иначе выслушать сихъ съ живостью произнесенныхъ и съ жаромъ вымышленныхъ словъ, какъ съ отмѣннымъ почтеніемъ къ великому духу своего брата, и съ крайнимъ удивленіемъ видя толикую въ немъ силу душевную, толикое пространство чувствъ его и толикую власть добродѣтели надъ всѣми его дѣйствіями; но со всѣмъ тѣмъ слова его произвели въ нихъ внутреннее содроганіе; ибо они любили его съ особливою нѣжностію. О любезной братъ! сказалъ Тобо, сколь великодушенъ твой поступокъ! сколь благородно твое предпріятіе! и сколь возвышенна душа твоя! естьлибъ ты и не имѣлъ другаго достоинства, какъ единое только предпріятіе таковаго дѣйствія, то

и тогда бы имя твое должно быть посвящено въ лѣтописяхъ добродѣтели; но я знаю, что предлагаемое тобою съ столь великимъ духомъ намѣреніе, исполнишь ты съ равною неустрашимостію. - - - - О Ренси! или душа твоя тоски братьевъ твоихъ не ощущала? Корея переживетъ ли дражайшаго своего Ренси? Или мнишь ты, что братья твои могутъ быть твоими обвинителями? Тоба! отвѣтствовалъ ему Ренси, похвалы твои дѣлаютъ мнѣ честь, ибо ты самъ истинну почитаешь; но жалобы твои меня удивляютъ; ибо я знаю твое великодушіе; страдати нѣжностію ничего тогда не значитъ когда исполненіе долга имѣемъ мы нашимъ предметомъ. Какой же долгъ можетъ быть важнѣе того, чтобъ совершать благополучіе той, которая намъ жизнь даровала? - - - - Вы не хотите быть моими обвинителями, слѣдственно не хотите вы раздѣлить со мною славу, отъ столь добродѣтельнаго дѣйствія происходящую? - - - - - Безъ сумнѣнія труднѣе будетъ предать меня правосудію, нежели мнѣ претерпѣть опредѣленное отъ онаго наказаніе: но для сего то самаго и хотѣлъ я, чтобъ вы меня обвинили. Естьлибъ надѣялся я быть въ состояніи обвинить васъ, и естьлибъ сомнѣвался я въ душевныхъ вашихъ силахъ, тогда не представилъ бы я себя къ наказанію; мнѣ надлежитъ имѣть единое только терпѣніе, дабы перенесть истязаніе; а вамъ надлежитъ имѣть силы душевныя къ преодолѣнію нѣжной вашей ко мнѣ любви, къ обвиненію меня съ досповѣрностію, къ утвер-

жденію вашего объявленія, и наконецъ къ посѣянію въ сердцахъ вашихъ бодрости, тогда, когда ужѐ увидите вы меня къ наказанію осужденнаго. - - - - - - Къ величайшей добродѣтели, отвѣтствовалъ ему Тоба, присоединяешь ты наивеличайшую кротость; но естьлибъ видѣлъ я необходимость предлагаемаго тобою дѣйствія. Не ужѐль думаешь ты, чтобъ я будучи старшій братъ, оставилъ тебѣ происходящею отъ того славою пользоваться; не ужѐль думаешь ты, что я менѣе нахожу пріятности быть полезнымъ семьѣ моей, и что я не предпочту самую смерть той горести, которую мнѣ твоя приключить должна? - - - По сему дѣйствію познаю̀ я тебя Тоба, перервалъ Ренси рѣчь его; но потому точно, что ты старшій изъ братьевъ, и не принадлежитъ тебѣ сіе дѣйствіе; тыбъ конечно вымыслилъ оное, и конечно исполнилъ его, естьлибъ ты былъ на моемъ мѣстѣ; но теперь, яко глава семьи нашей, долженъ ты его только уполномочить, и не допустить меня лишиться плода нашей добродѣтели. Имѣя болѣе опытовъ въ свѣтѣ, будете вы для Кореи гораздо полезнѣе; вы скорѣе можете пріобрѣсть чины, кои снабдятъ всѣмъ ея состояніе: совѣты ваши гораздо полезнѣе будутъ друзьямъ вашимъ, и отечество можетъ ожидать отъ васъ наивеличайшихъ услугъ себѣ. Впрочемъ будучи сего дѣйствія изобрѣтателемъ, не ужѐль не могу я имѣть власти избрать въ томъ приличествующее мнѣ представленіе? О возлюбленные братья! вы конеч-

но знаете, сколь много я люблю васъ; позвольте мнѣ показать матери моей сей опытъ нашей къ ней любви; и можемъ ли мы взирать тогда съ удовольствіемъ другъ на друга, когда видя страждущую Корею будемъ говорить между собою: отъ насъ зависѣло ее благополучіе; мы могли, прославя самихъ себя, извлечь навсегда ее изъ нищеты, и изъ единой токмо постыдной нашей робости, сдѣлать онаго не осмѣлились. Тоба, воспомни, что я во всю жизнь твою упрекать тебя онымъ буду; такъ всякой разъ буду я тебѣ говорить, что ты невмѣстными своими противорѣчіями заставилъ меня съ безчестіемъ скитаться по землѣ; ты, которой не хотѣлъ способствовать къ большему людей прославленію новымъ дѣйствіемъ добродѣтели, потому что ты не способенъ былъ побѣдить себя великодушіемъ; ты, которой, не хотя помо́чь матери своей, сдѣлался всѣхъ ея нещастій причиною; ты уморишь ее, желая безъ нужды сохранить меня; ты изторгнешь отъ свѣта человѣка, для семьи своей полезнаго: пощади такую кровь, которая ни за чье благополучіе еще не проливалась, и которая горитъ желаніемъ прославиться. —— Но состояніе Кореи, не столь еще отчаянно, и мы можемъ еще - - - —— Мы ничего не можемъ, естьли не имѣемъ добродѣтели. —— Корея никогда не узна́етъ того, что ты для спасенія ее предпріемлешь. —— Пусть она того не знаетъ. —— Но любовь къ тебѣ, и та, которую мы ей обязаны - - - - Ты уморишь ее съ печали —— Вы умо-

уморите ее нищетою; —— Мы сами помремъ отъ горести. —— Вы симъ долгъ вашъ исполните. —— Какъ! ты претерпишь смерть, столь жестокую, сколь и посрамительную. —— Я умираю за добродѣтель, слѣдственно умру со славою. —— Дражайшій Ренси! вняли ли гласу сéрдца твоего; посовѣтуй съ твоею чувствительностію; представь себѣ наши страданія; воззри на жизнь нашу, сдѣлавшуюся ужасною отъ воображенія окровавленныхъ чертъ лицà твоего, которое всегда и повсюду мыслямъ нашимъ представляться будетъ; каждой кусокъ хлѣба казаться намъ будетъ частію трепещущаго твоего тѣла; слéзы наши потечь будутъ безпрестанно для омовенія, естьли токмо сіе возможно, крови твоей слѣдовъ, коею они покрыты для насъ будутъ: правда, что сіе единое осталось намъ средство; но средство сіе есть для насъ самое невозможное: ты всѣ мои опроверженія уничтожилъ; но чувствъ моихъ уничтожить не можешь; пвое - - - - О возлюбленный братъ! - - - - я боюсь говорить съ тобою. —— Слабая душа, вскричалъ Ренси, вы недостойны носить на себѣ прелестное имя человѣка; вы должны еще покорить себѣ тѣ чувства, которыя никогда никакого геройскаго дѣйствія не производили, которые не составляютъ дýшу человѣка, и коимъ не иначе слѣдовать должно, какъ въ то время, когда человѣкъ единымъ предается удовольствіямъ. Добродѣтельной человѣкъ, видитъ одного только себя, пользу, которую можетъ онъ принести другимъ, вселенную

которая поставитъ его себѣ примѣромъ и не-
бо ему удивляющее. —— Геройство твое стра-
но; оно дѣлаетъ тебя безчеловѣчнымъ. ——
Пощади сердце твое Тоба, и знай, что чувствіе
есть правило, есть правило моей добродѣтели.
Тоба уже болѣе не сталъ возражать ему; онъ
взявъ Ренси за руку, сжалъ ее, и устремя
на него взоръ свой обливался слезами. Въ са-
мое сіе время Эмбо обратясь къ Ренси; поду-
малъ ли ты о Санси, сказалъ онъ ему, Сан-
си, которой отдалъ ты свое сердце, и кото-
рой сердцемъ взаимно ты владѣешь? —— О!
жестокосердый Эмбо - - - Санси скорѣе, неже-
ли вы на представленія мои согласится; она
подкрѣпитъ бодрость духа моего, естьли вы
возмогли ослабить оную - - - - Санси имѣетъ ду-
шу великую; она не будетъ меня болѣе любить,
когдабъ я возмогъ себя обезчестить - - - но
я вижу, что вы на предложеніе мое соглашаетесь,
обоймите меня: Ахъ сколь я доволенъ! я
обрѣлъ братьевъ моихъ добродѣтельными, и
люблю ихъ несказанно болѣе прежняго. Всѣ
трое они предались потомъ сладостнымъ сле-
замъ, дружество ихъ изъявляющимъ, и всѣ
вмѣстѣ условились какимъ способомъ объявить
Кореѣ о ихъ отъѣздѣ: но между тѣмъ всѣ
трое страшились сего свиданія. Ренси увѣ-
домилъ ихъ ополчиться духомъ твердости; про-
силъ ихъ удержать сіи ихъ чувствія убѣгать
прощанія, и ничего такого ни дѣлать, ниже
говорить, чтобъ могло хотя малое подать о
намѣреніи ихъ подозрѣніе: послѣ чего разош-
лись они всѣ трое для пріуготовленія къ
отъ-

отъѣзду; ибо назавтре должны они были выѣхать. Ренси, суля о всѣхъ по себѣ, опасался, чтобъ кто нибудь не предупредилъ его въ семъ намѣреніи.

Тоба и Эмбо не могли понять, какимъ образомъ Ренси будучи до сего времени столь спокоенъ, и кротокъ, могъ въ другъ возвыситься до толь превосходнѣйшей степени добродѣтели, чтобъ, презря наистрашнѣйшую любовь, имѣть твердость итти самопроизвольно на безславіе и мученіе. Все сіе казалось быть новымъ приращеніемъ къ нему любви его братьевъ; казалось быть новымъ препятствіемъ въ исполненіи ихъ предпріятія, и наконецъ столь сильною казалось причиною къ возбужденію въ сердцахъ ихъ объ немъ сожалѣнія, что самыя сердца ихъ не позволяли уже имъ сдержать данное ему слово. Тысячу разъ были они готовы открыться своей во всемъ матери; но они страшились возмутить ее, и опасались подать ей мысли, что сіе средство единое имъ токмо и осталось; они хотѣли открыть сами свое предпріятіе, но опасались въ обществѣ себя обезчестить; наконецъ упражнялись они въ изысканіи средствъ исполнить по между ими двумя, что Ренси предпріялъ; мысль сія имъ понравилась; долго были они ею остановлены; но знали то, что естьли Ренси получитъ хотя малое на сіе подозрѣніе, то онъ поступокъ ихъ опкроетъ, и будетъ упрекать ихъ какъ въ похищеніи его добродѣтели, такъ и въ безполезныхъ стараніяхъ. Въ разсужденіи благополучія ихъ

матери они столь много брата своего почитали, что безъ особливой побудительной причины, данное ему слово премѣнить не хотѣли. Не зная на что рѣшиться, боролись они между честностію своею, и привязанностію къ своему брату, между чувствительною ихъ скорбію, и матери своей благополучіемъ, которое они впередъ предвидѣли; не доставало имъ времени къ содѣланію большихъ между собою совѣтовъ: ибо тотъ же самой вечеръ должны они были сказать своей матери, что на завтре должно имъ ѣхать; наконецъ они рѣшились; но сіе рѣшеніе, ду́ши ихъ помрачившее, казалось, всѣ дни жизни ихъ истиннымъ объял ужасомъ.

Не одни сердца̀ братьевъ Ренсіевыхъ скорбію раздираемы были; самъ Ренси увидѣлъ весь ужасъ своего состоянія; жесточайшія мученія, кои онъ приготовлялъ себѣ, неспособны были произвесть въ душѣ его препятствіе; великодушіе его было выше того безславія, коему онъ подвергался; безъ возмущенія представлялъ онъ себѣ позорище своего истязанія; но онъ былъ чувствителенъ; единая мысль сія, что онъ оставляетъ возлюбленную свою̀ мать, оставляетъ Санси достойную всей его любви, и столь великія удовольствія ему обѣщающую, что оставляется товарищество братьевъ своихъ, коихъ любилъ онъ съ такою нѣжностію; все сіе устрашало бодрость его духа и сле́зы изъ очей его извлекало. И такъ! говорилъ онъ, добродѣтель моя̀ увеличится, но сколь сильно она ду́шу мою̀ обременя.

меняетъ. Какъ! я ужѐ болѣе Кореи не увижу? Она не можетъ наградить меня своимъ благословеніемъ; она не будетъ подозрѣвать, что сегоднишный вечеръ я въ послѣдній разъ ее облобызаю. Провѣдавъ о судьбѣ моей повергнется она въ крайнюю горесть, и я ни малѣйшаго утѣшенія подáть ей буду ужѐ не въ силахъ. А! жестокое состояніе! почто не завтре исполнятся всѣ мои предпріятія, смерть моя сдѣлаетъ меня благополучнымъ; она свободитъ меня отъ моихъ воздыханій. Долгое время стоялъ онъ въ молчаніи, будучи различными обремененъ разсужденіями; рыданіе прерывало гласъ его; смѣшенно произносилъ онъ слово, добродѣтель, и побудилъ такимъ образомъ самъ себя къ прогнанію сихъ слабыхъ минутъ, кои дѣлали его нещастнымъ, потому что они твердость духа его колебали. Скоро однакожъ вышелъ онъ изъ сего мучительнаго состоянія, и нáчалъ помышлять о Санси. Санси! которую люблю я съ поликою нѣжностію, мнѣ надлежитъ забыть и твою ко мнѣ и мою̀ къ тебѣ любовь; сéрдце мое столь часто трепетавшее, когда я видалъ или слыхалъ тебя, не будетъ ужѐ болѣе пріятными движеніями нѣжности волноваться; я хочу умереть: - - - - - ты ужѐ не будешь болѣе въ моихъ объятіяхъ, я ужѐ не увижу въ очахъ твоихъ ко мнѣ твоей любви; приближась къ тебѣ не буду ужѐ я чувствовать удовольствія; не услышу ужѐ истинны, устами твоими вѣщаемой; не буду ужѐ чувствовать той наипріятнѣйшей премѣ-

ны бытія моего, которую я при всякой минутѣ чувствовалъ, когда помышлялъ о тебѣ. Не возможно ужѐ будетъ мнѣ терять чувство бытія моего, коего я лишался всякой разъ; когда уста твои съ толикою пріятностію произносили слова сіи, слова къ удовольствію моему всегда въ слухѣ моемъ твердящіяся: когда ты о любви своей меня увѣряла, когда говорила мнѣ, что ты наислалчайшее находишь удовольствіе слышать меня, слова твои повторяющаго - - - - Колико удовольствій вдругъ изчезнетъ - - - - воспомянешь ли ты когда о нѣжномъ твоемъ Ренси - - - - О! нещастный! я и сего единаго утѣшенія лишаюсь - - - а естьли я въ памяти ее болѣе присутствовать не буду - - - - но мысль сія сполъ мнѣ свойственна, что я безъ сумнѣнія всегда о томъ помышлять стану. - - - - Мы бы должны быть соединенны; о любезная родительница! надлежитъ столько тебя любить, сколько я люблю тебя, чтобъ рѣшиться оставить Санси - - - - нѣтъ, Санси! знай, что я по неволѣ тебя оставляю; добродѣтель, или лучше сказать, ты сама ведешь меня на смерть. Нѣтъ другаго способа быть тебя достойнымъ, какъ тотъ, чтобъ равную имѣть съ тобою добродѣтель: но можно ль безъ опытовъ пріобрѣсть? Я тебя ужѐ болѣе не увижу; такъ какъ и ты меня - - - - престань же любить меня; и не предавайся отчаянію.

Сими разсужденіями возбудилъ Ренси всю любовь свою къ Санси; намѣреніе его казалось быть не столь ужѐ твердымъ; казалось, что онъ

онъ страшится смерти, коея образъ до сего времени не могъ сéрдца его поколебать страхомъ; но между тѣмъ былъ онъ еще бодръ, и твердое предпринималъ намѣреніе не видѣть болѣе Санси: но въ то время, когда хотѣлъ онъ убѣгать непобѣдимой силы взоровъ ея, гоповъ ужè былъ итти къ ней, и въ самую сію минуту остановленъ былъ приходомъ самой Санси. Никогда красота ея такого блеску не имѣла; бѣлая одежда, изъ самаго тонкаго льну изтканная, составляла все ея убранство; складки одежды ея показывали всю красоту прелестнаго ея стана; на лицѣ ея изображена была истинная невинность и нѣжность; острыя глазà ея, прелестная усмѣшка, въ розовыхъ устахъ ея обитающая, производила радость во всѣхъ тѣхъ, кои имѣли щастіе встрѣчаться съ нею; казалось, что чувствительная душа ея всѣ черты лицà ея оживляла; бѣлые власы ея висѣли длинными кудрями по плѣчамъ ея; не возможно было видѣть ея безъ того, чтобъ образъ ея надолго въ памяти не остался; не возможно было слышать прелестнаго произношенія рѣчей ея, безъ того, чтобъ не сожалѣть о томъ, что она говорить перестала. Все въ ней производило особливое вниманіе въ тѣхъ, кои на нее взирали. Природа производя ея всѣ прелести истощила.

Санси увидѣла первая Ренси, она не могла скрыть своего удовольствія; но не хотя показать онаго, предстала она предъ него съ тѣмъ кротким и пріятнымъ видомъ, которой

рой любви ея и добродѣтели приличествовалъ. Дражайшій Ренси! сказала она ему, я увидѣла тебя первая; долго смотрѣла я на тебя прежде, нежели ты обратилъ на меня взоръ свой. —— О нѣжная Санси! я думалъ о тебѣ, и когда нѣтъ надежды съ тобою видѣться, тогда ни въ чемъ удовольствія находить не можно - - - - давно уже въ мысляхъ моихъ нахожусь я съ тобою; желалъ бы я, чтобъ состояніе сіе навсегда могло продолжиться. —— Но Ренси черезъ нѣсколько дней будемъ мы соединены такимъ союзомъ, которой тѣмъ для меня драгоцѣннѣе, что ничто уже разрушить оной не въ состояніи. —— Ахъ! безъ сумнѣнія навсегда? Конечно навсегда. - - - - Но что я вижу? Глаза твои слезами наполняются, я вижу скорбь на челѣ твоемъ, Ренси, или ты огорчить меня хочешь? —— Нѣтъ, Санси! я пришелъ сюда за тѣмъ, чтобъ вкусить удовольствіе, ибо я кромѣ тебя нигдѣ его не обрѣтаю - - - - душа моя чувствуетъ тоску - - - - состояніе матери моей меня безпокоитъ, желалъ бы я быть въ силахъ сдѣлать жизнь ея благополучною. - - - - А естьли и ты, ты сама благополучной быть не можешь - - - - о Санси! ужасна мысль сія! —— Я въ благополучіи моемъ увѣрена, когда я все въ жизни моей съ тобою раздѣлять буду. Нѣтъ, благополучіе мое никогда совершенно быть не можетъ, естьли оно отъ твоего точно зависѣть не будетъ - - - - Не ужель Корея не будетъ довольна, когда она увидитъ, что оба наши

сердца,

сердца, прямо ее любящія, къ умноженію ея благополучія соединяются? - - - - Но Ренси, ты знаешь, что я умѣю шить; съ тѣхъ поръ какъ мать моя позволила мнѣ для тебя въ работѣ упражняться, позволя мнѣ прежде отдать тебѣ мое сéрдце, я окончала уже одну вещь, которую давно подарить я тебѣ хотѣла. Подожди меня здѣсь, я тотчасъ къ тебѣ ее принесу. Ренси остался одинъ, горесть его возрасла гораздо болѣе: Возможно ли, говорилъ онъ, чтобъ въ толь горестномъ моемъ состояніи, показывала она мнѣ болѣе знаковъ своей ко мнѣ привязанности, и симъ самымъ жестокость жертвы моей усугубляла! Нѣтъ! я не долженъ былъ говорить съ нею, что - - - твердость моя отъ меня удаляется; что - - - никогда я невидалъ ее столь прелестною; никогда не находилъ я въ ней толикой нѣжности; никогда толико любви къ себѣ она во мнѣ не производила - - - - О смерть! ты никогда столь ужасною мнѣ не показалась - - - - - Не устрашилибъ меня никакія мученія, естьлибъ истязаніе, кое я приготовлялъ себѣ, дней моихъ не пресѣкло - - - - Но что принялъ я сіе гнусное намѣреніе! Ахъ! Корея! не знаешь ты какъ страдаетъ сынъ твой! я скажу ей - - - - она будетъ слушать меня съ удовольствіемъ. Но что жъ съ добродѣтелью моею послѣдуетъ? Что съ нею послѣдуетъ? Я умру, такъ, я умру, но умру безъ малѣйшей славы. естьли никто не проузнаетъ, что Санси меня любила - - - - потщусь

щусь удалиться отъ мѣстъ сихъ; удалюсь отъ Санси; она одна заставляетъ меня жизнь мою почитать наидрагоцѣннѣйшимъ въ свѣтѣ сокровищемъ. Онъ готовъ былъ оставить сіи мѣста, какъ вдругъ увидѣлъ возвращающуюся Санси, которую, не возмогши покинуть, ожидалъ онъ къ себѣ. Санси принесла къ нему вышитой золотомъ и серебромъ поясъ, къ коему онъ долженъ былъ привязать кинжалъ свой. Колико пріятныхъ изображеній вмѣстила она въ немъ! сердце ее рукою ея водило. Ты будешь носить оной поясъ Ренси, сказала она ему, потому что я своими руками его работала; нося его, скажешь ты самъ себѣ: та, которая меня любитъ, дѣлая его, думала обо мнѣ. —— Я по самую смерть сохранять его буду, отвѣтствовалъ ей Ренси, какъ драгоцѣннѣйшею забавою для меня будетъ; слёзы, которыхъ я удержать не въ состояніи, служатъ доказательствомъ моей тебѣ благодарности. —— Слёзы твои горестныя, а радостныя слёзы никогда мрачности на лицѣ не производятъ. О Ренси! или ты хочешь меня безпокоить? Санси ты знаешь къ тебѣ мою любовь; я дерзаю прибавить, что ты знаешь мою и добродѣтель, слѣдовательно въ вѣрности моей не должна ты имѣть ни малѣйшаго сумнѣнія - - - - она до смерти - - - и послѣ самой смерти будетъ одинакова - - - - послѣдняя сія мысль есть единая, все мое удовольствіе въ себѣ заключающая. Естьлибы ты была въ ономъ увѣрена, сколь бы я радъ

былъ

былъ - - - - - но ты кажешься быть смущенною - - - - - Ахъ! сокрой отъ меня свои горести; естьли я огорченъ, то и моей одной печали для меня довольно; а твоя сдѣлаетъ меня совершенно нещастнымъ - - - - - Надлежитъ мнѣ съ тобою разстаться, прости - - - - — Какъ! ты меня покидаешь! нѣтъ, нѣтъ, я въ такомъ состояніи тебя не оставлю - - - - и естьли успокоить тебя я буду не въ силахъ, то пойду, сыщу мать мою, твою и братьевъ твоихъ; ужасна будетъ мнѣ жизнь моя, естьли ты не будешь обѣщать мнѣ, что твоя будетъ благополучна. — Такъ, дражайшая Санси, въ скоромъ времени буду я доволенъ - - - - я буду - - - - о возлюбленная Санси! я буду навсегда твой - - - - прости. — Что тебѣ сдѣлалось? Что тебя такъ возмущаетъ? Куда скрылся тотъ пріятный видъ, которой для всѣхъ тѣхъ былъ лестенъ, кои съ тобою говорить начинали, и которой производилъ во мнѣ горделивость, потому что ты мнѣ сердце свое отдалъ? Ахъ! отвѣтствуй мнѣ Ренси - - - - дражайшій Ренси! но онъ уже скрылся. Ренси обрати назадъ взоръ свой, и воззри на скорбь мою, я на колѣнахъ прошу тебя. Возвратись. Но онъ спѣшитъ отсюда удалятьсся; онъ смущать меня болѣе не хочетъ; онъ скрылъ мнѣ путь къ душѣ своей; страданіе его должно быть чрезмѣрно; ибо смущеніе его не обычайно. О сколь я нещастна! но онъ еще любитъ меня! - - - - не ужѣль кто его обидѣлъ? Я вселенную вооружу

на его защищеніе. Се первая тайна отъ меня сокрытая, она должна быть страшная; ахъ! естьли жизнь его въ опасности находится, но онъ свободенъ, и зла никакого не учинилъ; а естьли - - - - но чтобы то ни было, довольно ужè когда онъ нещастенъ. Прости, о возлюбленный Ренси! ты не хотѣлъ сжалиться надо мною; моленія мои тебя провождаютъ, и сердце мое будетъ навсегда съ твоимъ неразлучно.

Ренси съ толикою скорбію и отягченною душею оставилъ свою невѣсту. Онъ убѣгалъ встрѣчи съ своею матерью, и боялся сойтиться съ братьями своими; онъ не чувствовалъ себя столь смущеннымъ, что противиться новымъ ихъ прошеніямъ не надѣялся уже быть въ состояніи; наконецъ оставшись на нѣсколько времени одинъ, принялъ онъ на себя наружной видъ спокойствія, съ которымъ могъ онъ предстать предъ своихъ сродниковъ. Братья его объявили Кореѣ, что они завтре отъѣжаютъ и будутъ нѣсколько дней отсудственны. Ренси умѣлъ сокрыть отъ матери своей сильное души его смятеніе; но слезы его текли по лицу его, и едва могъ онъ разстаться съ нею; онъ ничего ей не говорилъ, ибо говорить былъ не въ состояніи, и спѣшилъ удалиться, дабы братьевъ своихъ не сдѣлать свидѣтелями столь печальнаго позорища.

Послѣдующую ночь проводя въ жесточайшемъ мученіи, всталъ онъ первой, и сдѣлалъ всѣ нужные пріуготовленія къ пути, которой дол-

долженъ былъ три дни продолжаться, пошелъ онъ искать братьевъ своихъ, кои погружены будучи въ крайнюю горесть, отъѣздъ свой ужѐ отложили; онъ, воспомянувъ имъ данное ими слово, принудилъ ихъ оставить домъ свой, изъ коего вышедъ, увидѣли они коней своихъ къ отъѣзду совсѣмъ ужѐ готовыхъ; они воззрѣли другъ на друга съ холодностію, отъ горести произшедшею; источники слезъ потекли изъ очей ихъ; послѣ чего не могъ уже́ изъ нихъ никто ни единаго произнести сло́ва; въ безпрерывномъ рыданіи обнимали они другъ друга, и одинъ другаго держа въ своихъ объятіяхъ, хотятъ они еще Ренси возвратить въ домъ свой. Но слыша имя матери своей, успами его произносимое, остаются они еще нѣсколько минутъ въ нѣжныхъ и прямо братское дружество изъявляющихъ объятіяхъ. Наконецъ Ренси былъ первой, которой, оставя ихъ, сѣлъ на коня своего, въ чемъ и братья его принуждены были подражать ему. Во весь почти путь ни сло́ва они другъ съ другомъ не говорили; они приняли твердое ужѐ къ тому намѣреніе, и собрались то́кмо собрать всѣ силы, къ произведенію онаго въ дѣйство. За нѣсколько часовъ предъ пріѣздомъ ихъ въ тотъ городъ, гдѣ должны они были брата своего предать въ ру́ки судей, и обвинить его въ злодѣяніи, коего истинный творецъ былъ неизвѣстенъ. Ренси на́чалъ говорить своимъ братьямъ: предпріятіе наше не будетъ имѣть никакого успѣха, естьли вы представите меня судьямъ

свободнаго; имЪ покажется что я изЪ доброй воли вамЪ слѢдовалЪ, а сіе самое сЪ истинною сходно быть не можетЪ. ВотЪ ремни, желѢзныя оковы, кои я нарочно взялЪ сЪ собою, дабы вы, сковавЪ мои ру́ки, кЪ сѢдлу меня могли привязать оными. Тоба и Эмбо устрашены будучи сею новою брата своего мыслію, какЪ! говорили они, ты хочешь еще, чтобы мы были твоими мучителями? Оставь твое намѢреніе, довольно еще есть кЪ тому времени; пощади нашу чувствительность, которая несравненно больше твоей, и твердость, которая гораздо твоей менѣе. —— И такЪ вы никогда кЪ какому либо великому предпріятію способны быть не можете; тщетно соглашаетесь вы на какое либо великодушное намѢреніе, когда вы кЪ исполненію онаго силЪ не имѢете, Почто не могу я самЪ обвинить себя, и пріобрѢсть чрезЪ то славу, вЪ которой вы участіе имѢть не достойны? - - - - - О возлюбленная Корея! ты имѢешь сыновЪ, весьма мало тебя любящихЪ; на единую минуту не могутЪ они позабыть себя, когда отЪ того единственно зависитЪ все твое благополучіе, Тоба и Эмбо будучи упреканіями сими чувствительно пронуты, сошли со слезами сЪ коней своихЪ, и взявЪ отЪ него ремни и оковы, начали лишать его не только свободы, но и движенія. ОнЪ ободрялЪ ихЪ кЪ окончанію ихЪ должности, которая внутренность сердецЪ ихЪ раздирала, и выхвалялЪ ихЪ силы душевныя; никогда столь спокойнымЪ онЪ не-

ка-

казался; обращаясь къ нимъ, говорилъ онъ имъ съ обыкновенною ему пріятностію; я увѣряю васъ, что узы, добродѣтелію налагаемыя, никакой тягости въ себѣ не имѣютъ; они ни мало того, кто ими связанъ, не безпокоятъ; смотри́те, огорчаютъ ли они меня? Мнѣ кажется, что съ той самой минуты, какъ я на себя наложилъ ихъ, радость вошла во внутренность се́рдца моего. Любезные братья! будьте столь же и вы довольны, какъ я; чрезъ самое краткое время Корея будетъ благополучна. Такимъ образомъ утѣшалъ онъ своихъ братьевъ, и понуждалъ ихъ къ исполненію съ душевною бодростію сей трудной должности. Видя путешествіе свое къ концу приближающееся, хотѣли они съ Ренсіемъ въ послѣдній разъ проститься; но онъ воспротивясь имъ въ ихъ намѣреніи, мы не такъ скоро другъ друга оставимъ, говорилъ онъ имъ, и конечно еще увидимся.

Такимъ образомъ приближались они къ городу; и какъ скоро въ оной прибыли, то предавъ брата своего въ судейскія ру́ки, принесли они на него свою жалобу, и подтверждали обвиненія свои всѣми тѣми обстоятельствами, кои оное съ большею точностію утвердить могли. Ренсію послѣдовалъ допросъ, и онъ, признавшись во всемъ, увѣрилъ судей своихъ, что онъ былъ истинный виновникъ того преступленія, о коемъ дѣланы были сколь тщательныя изысканія. Тоба и Эмбо получили Императоромъ обѣщанное денежное

награжденіе; но требуемо было отъ нихъ, чтобъ они остались въ семъ мѣстѣ, до исполненія приговору, дабы въ случаѣ оприцанія преступника, могли они снова обличить его. Сіе самое продолжило около двухъ недѣль ихъ возвращеніе; ибо ИмператоръЪ долженъ былъ о семъ дѣлѣ получить увѣдомленіе, и сдѣлать наконецъ самъ оному рѣшеніе.

Между симъ временемъ Санси съ родственниками своими для покупки и пріуготовленія всѣхъ нужныхъ вещей къ ея браку, который долженъ былъ торжествованъ быть въ скоромъ времени по Ренсіевомъ возвращеніи, прибыла въ тотъ городъ, въ коемъ Ренси заключенъ былъ въ темницу. Она прибыла въ него на канунѣ того дня, въ который Ренси долженъ былъ лишиться жизни. Слухъ о семъ приключеніи, занимающій важностію своею всѣхъ жителей, достигъ и до нее. Указъ изданной Императоромъ, награжденіе обѣщанное тому, кто исполнитъ предписанные при немъ договоры; все сіе сдѣлало столь страшнымъ сіе преступленіе; разговоръ объ ономъ не выходилъ изъ устъ каждаго гражданина: наконецъ услышала она въ ономъ имя Ренсія, и братьевъ его, перваго яко преступника, а послѣднихъ, яко обвинителей. Услышавъ сіе, востре-петала она отъ ужаса; отчаяніе овладѣло ее душею, но любовь старалась всегда извинить ея любовника. Въ самое то время узнала она, что жесточайшія мученія пріуготовлялись возлюбленному ея Ренсію, и что онъ признанъ пре-

преступленія сего истиннымъ виновникомъ. Ужасъ совершенно овладѣлъ ею, но при всемъ томъ не сумнѣвается она въ томъ, что чрезъ погубленіе его совершена будетъ несправедливость. Она находитъ нѣкоторой родъ удовольствія думать, что онъ не виненъ, и что она можетъ еще любить его за его добродѣтель. Она ищетъ Тобу и Эмбо, находитъ обѣихъ ихъ погруженныхъ въ наижесточайшую печаль; тщетно вопрошаетъ она ихъ о семъ страшномъ приключеніи; они отвѣтствуютъ ей, что они сами не болѣе знаютъ какъ и весь народъ, отъ коего она обо всемъ узнала; своею скорбію раздражаетъ она ихъ скорбь; раздираетъ сердца ихъ сильными своими упреканіями; приводитъ ихъ въ отчаяніе, называя ихъ брата ихъ убійцами; наконецъ умоляетъ ихъ о доставленіи ей по малой мѣрѣ случая увидѣться еще съ возлюбленнымъ ее Ренсіемъ, изустно услышать отъ него невинность и любовь его, и будучи съ нимъ взаимно о своей его увѣрить.

За нѣсколько часовъ предъ совершеніемъ казни нашла она средство войти въ темницу. Какое для нее зрѣлище! услыша прежде страшной стукъ отъ отверстія заповъ происходящій, вошла она въ то мѣсто, гдѣ возлюбленный ея Ренси находился. При самомъ слабѣйшемъ свѣтѣ одной комнаты обозрѣваетъ она сіе ужасомъ и страданіями преисполненное мѣсто; она видитъ Ренсія на соломѣ лежащаго, коего тѣло почти все было въ воду

опущено. Лице его было блѣдно и обезображено, глаза его лишились уже отъ слезъ тѣхъ огненныхъ лучей, кои прежде отъ каждаго его взора происпекали: имѣя главу опущенну, воздыхалъ онъ изъ глубины сердца своего, и проливая источники слезъ, безпрестанно произносилъ имена матери своей и Санси. При напоминаніи онаго душа ее подвигнута была на жалость; она бросается въ его объятія, но руки его находитъ окованными. Рыданіемъ своимъ показываетъ она ему жестокость скорьби своей; говоритъ ему, что она пришла вмѣстѣ умереть съ нимъ, и что естьли соединиться имъ было не возможно, то по малой мѣрѣ по смерти ихъ они конечно соединены будутъ. Она требуетъ отъ Ренсія повѣствованія его нещастія. Ренси сказываетъ ей самую истинну, и она отъ повѣствованія оной въ слезахъ утопаетъ. Возможно ли! говоритъ она, чтобъ я лишена была единаго предмета, всей любви моей достойнаго? Ахъ! нѣтъ! пойду, и объявлю твою невинность и братьевъ твоихъ варварство. Нѣтъ, ты не умрешь. Ренси удрученный скорбію возлюбленной своей Санси, употреблялъ остатокъ силъ своихъ къ ея утѣшенію. Не ужѣль, говоритъ онъ ей, хочешь ты сдѣлать мнѣ смерть мою болѣе ужасною? Ничто ужѣ отвратить ея не въ состояніи; или добродѣтель моя тебѣ не угодна? Я столько же любилъ ея сколько и ты. Воззри на сердце мое - - - - - но ты изгнала отъ него все удо-

воль-

вольствіе отъ поступка моего, въ немъ ро-
дившееся; послѣднія минуты будутъ для
меня ужасны - - - - ты владѣешь всѣмъ мо-
имъ сердцемъ - - - - любовь твоя никогда ни-
чего кромѣ удовольствія во мнѣ не произво-
дила; не ужѣль въ ту минуту, въ которую
я къ смерти приближаюсь, приведетъ она
меня въ отчаяніе? - - - - Ты должна возбу-
ждать бодрость въ душѣ моей, и ты безъ
сумнѣнія благородству дѣйствія моего уди-
вляешься. —— Конечно отсутствуетъ Сансі;
но ничто столь много меня не удивляетъ какъ
жестокость онаго. Ахъ! Ренси, ты болѣе вар-
варъ, нежели тѣ, кои тебя обвиняютъ; ты
забылъ меня, нѣтъ! ты конечно настоящаго
моего состоянія не предвидѣлъ; а естьли пред-
видѣлъ и не хотѣлъ предупредить его, то ты
никогда не любилъ меня, - - - - Тщетныя сле-
зы! вы смягчить его не можете - - - - звѣрское
сердце! женскія слезы никогда безъ дѣйствія
не оставались - - - нѣтъ! ты никогда искренно
не любилъ меня - - - - клятвы твои были об-
маны - - - и открытія любви твоей измѣна;
- - - - ты воздыхаешь! Ахъ! сіе безъ сумнѣнія
отъ того происходитъ, что ты всѣ твои вѣ-
роломства видишь открытыми; ты плачешь,
но плачешь отъ досады; видя, что добродѣ-
тель твоя уже не безпорочна. Нещастный!
поди славься своею добродѣтелію; она ничто
иное есть, какъ добродѣтель убійцы. Или
мнишь ты, что моя смерть не послѣдуетъ
за твоею? Но ты не умрешь; я хочу, чтобъ

ты

ты жилъ; такъ, ты будешь жить, чтобъ видѣть скорьбь мою, чтобъ слышать мои упреканія, и наконецъ, чтобъ быть свидѣтелемъ, что я любовь твою презираю. По сихъ словахъ Ренси лишился памяти. Она старается привесть его въ чувство; приходитъ въ отчаяніе; и такъ я первая тираномъ твоимъ сдѣлалась? вскричала она въ изступленіи; ты лишился жизни, и я - - - - такъ я лишила тебя жизни! произнеся слова сіи, стократно она его лобзаетъ; зоветъ его, проситъ его, чтобъ онъ простилъ ея изступленію: но онъ едва только пришелъ въ себя, какъ услышанъ былъ шумъ, сходящій въ темницу нѣкотораго числа вооруженныхъ воиновъ, для веденія его на мѣсто, къ совершенію казни его, назначенное. Она встрѣтила ихъ съ душевною бодростію; скорьбь ея доставила ей потребныя къ тому силы; она бросилась на возлюбленнаго своего Ренси и взяла его въ свои объятія. Нѣтъ варвары, вскричала она имъ; вамъ не удастся исполнить ваше злодѣяніе; вы не дерзнете погубить невинность. Воины не въ состояніи были извлещи Ренсія изъ рукъ ея. Умертвите меня, вскричала она, иначе не можете вы меня отлучить отъ него. При сихъ словахъ старалась она силѣ ихъ воспротивляться. Ренси слезами и прозьбою своею сколько ни тщилась удержать отъ сего поступка возлюбленную свою Санси, но она ни мало словъ его не внимала; наконецъ поведены они были оба на мѣсто казни; на пути ихъ слышны были еди-

единыя только рыданія народа; слова, кои Санси будучи въ темницѣ къ стражамъ произносила, изъ устъ одного преходятъ въ уста другаго. И ужѣ все пріуготовлено было, для привязанія Ренсія къ столбу, гдѣ онъ долженъ былъ огнемъ быть изтязаемъ, какъ вдругъ Санси отчаяніемъ вооружилась, бросясь въ средину воиновъ, схватила мечь и угрожаетъ поразить онымъ перваго, кто дерзнетъ къ Ренсію приближиться. Въ самое сіе время повѣствуетъ она собранному народу приключеніе сего добродѣтельнаго сына. Всѣ удивляются оному; всѣ устремляются разрушить орудія, на казнь его пріуготовленныя; судіи его приходятъ, коимъ съ чувствительнымъ краснорѣчіемъ повѣствуетъ она о произшедшемъ. Тоба и Эмбо для предваренія смерти любезнаго ихъ брата, пришли сами признаться въ вымышленномъ ихъ обманѣ. Они признаны были отъ многихъ людей, кои отдавъ справедливость Ренсіевой невинности, доказали невозможность того, чтобъ онъ былъ виновникъ показанному на него преступленію. Ни кто ужѣ послѣ сего не могъ сомнѣваться о добродѣтели Ренсіевой, и всякой размышлялъ съ почтеніемъ о побудительной причинѣ сего превосходнаго дѣйствія.

Судіи въ ту самую минуту отправили нарочнаго съ объявленіемъ о семъ произшествіи къ Императору, которой, удивленіе подданныхъ своихъ удостоя своимъ вниманіемъ, хотѣлъ видѣть самъ Ренсія, Санси, Корею и

про-

прочихъ двухъ сыновей ея; вся сія семья пріобрѣла къ себѣ его благоволеніе; и онъ возвратилъ Ренсію Санъ отца его. Ренси испрашиваетъ оной для старшаго своего брата, въ чемъ Императоръ отказалъ ему; обѣщая помѣстить обѣихъ его братьевъ отличнымъ образомъ. Корея, возсылая на небо благодарственныя моленія за добродѣтель дѣтей своихъ, имѣла утѣшеніе видѣть бракъ сына своего съ Сансіею торжественнымъ при Дворѣ Императора.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Маія мѣсяца.

стран.

XVIII. Ироида, *Меландръ къ Лицедѣ* - 83.
XIX. Стихи, *Изсыхаютъ чисты рѣчки* - 89.
XX. Идиллія, *Ужъ лѣто протекло и осень наступаетъ.* - - - - - 92.
XXI. —— *Нинида по лугамъ цвѣточки собирала* - - - - - - - 93.
XXII. —— *Ужъ лѣто минопало* - - 95.
XXIII. —— *Лилета въ младости Милона полюбила* - - - - - - - 97.
XXIV. —— *Въ осенни мрачны дни, когда трава желтѣетъ.* - - - 101.
XXV. —— *Быстряй теките здѣсь по камнямъ быстры рѣчки.* - 102.
XXVI. На заданныя риѳмы, *Въ ужасну ночь сію встрепожился мой духъ* 103.
XXVII. —— *Находитъ всякой здѣсь пріятности въ природѣ* - - - 105.
XXVIII. Сонъ, *Япилась нѣкогда мечта пріятна мнѣ* - - - - - - 106.
XXIX. Стансы, *Естьли то тебѣ пріятно* 107.
XXX. —— *Здѣсь царствуетъ покой, здѣсь вѣчное блаженство* - - 108.
XXXI. —— *Пріятна сельска жизнь, въ ней все меня прельщаетъ* - 109.
XXXII. —— *Противень городъ мнѣ, пріятны мнѣ цвѣты* - - - - 110.
XXXIII. На вопросъ, *Отъ кого больше зла на свѣтѣ?* - - - - - - 111.

XXXIV.

XXXIV. ——— *Что пь спѣтѣ щастіе, слава и богатство?* - - - —
XXXV. ——— *Кто полезнѣе пь спѣтѣ, мущина, или женщина?* - - —
XXXVI. ——— *Что пріятнѣе мячикь или любопница* - - - - - - - 112.
XXXVII. ——— *Что прежде родилось, дружба или любопь?* - - - —
XXXVIII. ——— *Что нужнѣе для спѣта умь или багатство?* - - - —
XXXIX. Пѣсенка, совѣтъ Красавицамъ 113.
XXXX. Отвѣтъ на вчерашній вопросъ 114.
XXXXI. *О пы прелестницы! ядь плюбчипыхь сердець* - - - - - - 115.
XXXXII. Танкредъ плачущій надъ тѣломъ Клоринды - - - - - - —
XXXXIII. Еклога, Климена - - - - - 118.
XXXIV. Ренси, Японская повѣсть. - - 120.

МОДНОЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

Мѣсяцъ Іюнь.

XXXXV.

ИРОИДА.

СМЕРТЬ КЛАРИНЫ.

Печальный другъ тебѣ тоску свою вѣщаетъ,
Котораго уже и дружба не прельщаетъ!
Все мертво для него... Кларины больше нѣтъ,
Мнѣ мраченъ, тягостенъ и страшенъ цѣлый свѣтъ.
Кларины я, мой другъ, Кларины той лишился,
Которой склонностью ко мнѣ ты веселился;
Которой нѣжности и чувства ты хвалилъ;
Съ которой дýшу я и сердце раздѣлилъ.
Возлюбленной моей Кларины нѣтъ ужъ болѣ!
То слово изъ меня духъ гонитъ по неволѣ;
То слово тысячу ударовъ мнѣ даетъ;
Изъ рукъ трепещущихъ перо мое падетъ!
Неизреченная и смертная мнѣ мýка!
Съ тобою сдѣлалась, любезный другъ, разлука.
Когда я слéзы лью, терзаюсь и стеню,
Я цѣлый свѣтъ въ моемъ нещастіи виню;

Все въ мірѣ кажется къ бѣдамъ моимъ служило,
И все противъ меня мой рокъ вооружило;
Все кажется при томъ могло меня спасти,
И смертный мой ударъ отъ сердца отвести;
На все я жалуюсь, все въ мірѣ осуждаю,
Въ отмщеніе всему, я все клену, рыдаю.
Ты, можетъ быть, когдабъ со мною вмѣстѣ былъ,
Ты, можетъ быть, сей громъ, о! другъ мой, отвратилъ;
Но рокъ мой совершенъ, могу ли я не рваться?
Возможноль въ тѣ часы съ любезной разставаться,
Когда достигъ я съ ней до брачнаго вѣнца,
Когда передъ олтарь несли свои сердца,
Когда супружескимъ огнемъ уже пылали,
Когда изъ двухъ сердецъ едино составляли!
Такое щастіе съ Клариной я вкушалъ,
И рокъ завистный намъ въ любови не мѣшалъ;
Казалось, небеса желаніе вѣнчали.
Другъ въ другѣ радость мы и цѣлый свѣтъ встрѣчали;
Я міра суеты и пышность презиралъ;
Богатъ въ Кларинѣ былъ, въ ней жилъ и умиралъ.
Златыя времена мы съ нею проводили,
Благополучіе другъ въ другѣ находили:
Веселыхъ птичекъ гласъ, журчанье чистыхъ водъ,
Пріятный вѣтерокъ намъ былъ музыки родъ;
Зеленыя луга, цвѣты, лѣса, пещеры,
Намъ сладкихъ райскихъ дней представили примѣры:

Каз-

Казалося, живемъ на свѣтѣ мы одни.
Въ такихъ веселостяхъ вели мы наши дни.
О! щастье лживое! мгновенно ты смутилось,
Мнѣ все сіе во адъ и въ смерть преобратилось.
Изъ щастливаго сталъ нещастнѣй всѣхъ людей;
Кто отнялъ у меня Кларину? мой злодѣй.
Онъ съ нею у меня все въ мірѣ семъ похитилъ,
И бѣдствіемъ моимъ свой звѣрскій духъ насытилъ!
Кларину онъ убилъ!....О! лютая мечта!
Воображается ея мнѣ красота,
Прекрасныхъ розъ своихъ и нѣжностей лишенна,
Кларина зрится мнѣ вся кровью орошенна;
Я рану смертную въ груди Клариныя зрю!
Видѣнье страшное! нѣтъ, очи запворю,
И зрѣлища сего тебя, мой другъ, избавлю.
Но какъ я слѣдствіе тоски моей оставлю;
Я токи слезъ въ твоихъ объятіяхъ пролью;
Ты другъ мой, и дѣли со мной тоску мою.
Не для забавъ однихъ другъ друга мы любили,
Но чтобъ взаимною въ тоскѣ подпорой были.
Ахъ! для чего съ тобой не радости дѣлимъ?
Но естьли въ свѣтѣ мы Клариныя ужъ не зримъ;
Осталось ли, мой другъ, чѣмъ въ свѣтѣ веселиться?
Мы должны цѣлый вѣкъ страдать, слезами литься,
И должны тѣ слова другъ другу повторять,
Которы я внималъ, какъ сталъ ее терять.

Прости, она рекла. ...О! лютое прощанье!
Ты грозной смерти, мнѣ послышалось, вѣщанье!
Прости, она рекла.... живи меня любя,
Останется по мнѣ другъ вѣрный у тебя.
Бесѣдуйте о мнѣ, меня другъ въ другѣ чтите;
Прощайте!.... Моему убійцѣ вы не мстите.
Потóмъ въ очахъ ея послѣдній свѣтъ исчезъ,
Не проливающій въ отчаяніи слезъ,
Я къ тѣлу бросился, и чувствъ моихъ лишился!

О! другъ мой, такo рокъ, мой грозный рокъ свер-
Опомнился! и словъ ея не могъ забыть; (шился!
Не можетъ ихъ ни громъ, ни время истребить.
Останусь для тебя; для ней я все прощаю,
И смерть Кларинину убійцѣ не отмщаю;
Но видѣть болше мѣстъ плачевныхъ не хочу,
Въ твои объятія любезный другъ лечу....
Нѣтъ! только воображу возлюбленной лишенье,
Я чувствую опять несносное крушенье.
Два раза солнышко казало свѣту день,
Два раза на земли ночная зрѣлась тѣнь.
Не престаютъ еще другія сомнѣваться,
Въ живыхъ ли мнѣ еще, иль въ мертвыхъ почитаться.
Подобенъ жертвѣ я на смерть влекомой былъ,
Надъ коей жрецъ уже свой острый мечь взносилъ:
Кидался, мучился, вздыхалъ, терзался, бился,
И жизнь свою опять скончать скорѣй стремился;

Я часто смертныя орудія хваталь;
Но стражь меня къ тому, мой стражь не допускаль.
О други строгіе! О! вы жестоки други!
На что нещастному и жизнь и всѣ услуги?
Однако наконецъ я очи отворилъ,
Чтобы чувствительнѣй я бремя мукъ носилъ;
Чтобъ съ пущей горестью душѣ моей терзаться.
Отъ страшна будто сна я началъ пробужаться;
Я всталъ, опомнился и очи обратилъ:
Кларины я искалъ, нигдѣ не находилъ;
Я спрашивалъ у всѣхъ, опомнясь, рвался снова,
И увѣщающимъ не отвѣчалъ ни слова.
Я жизнь и небеса сталъ въ плачѣ проклинать,
Гнать свѣтъ прочь отъ очей, себя отъ свѣта гнать,
Въ молчаньѣ горестномъ я мысли крылъ двояки,
И только говорилъ со всѣми черезъ знаки.
Когда намѣренье мой стражъ проразумѣлъ,
Я, въ колесницу сѣвъ, какъ вѣтеръ улетѣлъ.
Отъ гроба мрачнаго далеко удалился,
Отъ сѣнь убійственныхъ, отъ всѣхъ далеко скрылся:
Дорогу пробѣжавъ, увидѣлъ я потчасъ
Мѣста, съ Клариною вмѣщающія насъ,
Гдѣ сродники мои и предки обитали,
Гдѣ первый жаръ любви съ Клариной мы узнали,
Гдѣ съ нею я луга прекрасны протекалъ;
Гдѣ ру́ки я ея и но́ги цѣловалъ.

Какъ эхо по лѣсамъ, тамъ голосъ чей твердило,
На гласъ ея оно, мнѣ мнилось, походило;
Когда я самъ съ собой объ оной говорю,
Она отвѣтствуетъ: ее, мнѣ мнится, зрю.
Я съ утра до ночи въ тѣхъ рощахъ пребываю,
Гдѣ я спознался съ ней, слѣды ея лобзаю;
Еще не стерли ихъ прошедши времена,
Еще тамъ видимы съ ней наши имена.
Тамъ вижу на древахъ слова тѣ соплетенны,
Какими были мы съ Клариной нареченны;
Тамъ часто я, упадъ, цѣлую тѣ цвѣты,
Которые ея касались красоты.
Вода мнѣ та, вода пресладкимъ медомъ спала,
Ко строй красоту Кларина орошала.
Мнѣ оныхъ вѣтьвь кустовъ пріятна и сладка,
Къ которой нѣжная касалася рука;
И словомъ, безъ нее хоть тѣмъ я утѣшаюсь,
Что, видѣлся гдѣ съ ней, я тамо обрѣтаюсь.
Я числю тѣ слѣды, лобзанья и слова,
Которы съ ней имѣлъ, когда была жива.
О чемъ уже теперь стараться мнѣ осталось?
Съ Клариною мое все щастье миновалось.
Въ сихъ упражненіяхъ я провождаю день,
Возобновляю ихъ, какъ ночь ниспуститъ тѣнь.
Опять объ ней мнѣ мысль пріятная вперится,
При лунной свѣтлости ея мнѣ образъ зрится;

И

И часто межъ древесъ мнѣ кажется она,
Какъ въ жизни, такъ мила, пріятна и красна.
Познавъ, что льстятъ меня одни пустыя тѣни,
Начну я приносить на злу судьбину пени.
Польщусь въ объятіе принять ея, пойду;
Но вдругъ опомнясь отчаянный паду.
Тогда мнѣ нѣжности ея начнутъ твердиться,
У рощи мнѣ она, у водъ со мною зрится:
Тамъ слово нѣжное въ знакъ вѣрности даетъ;
Тамъ за руку ее рука моя беретъ.
Во снѣ и на яву Кларину представляю;
Цѣлую по сту разъ, Кларину обнимаю.
Я слышу отъ нее о страсти иногда,
Въ которую со мной входила навсегда.
Вдругъ горесть мнѣ ее межъ твердыхъ горъ представитъ,
И ненависть межъ насъ твердѣйши горы ставитъ:
Ночная тихость въ томъ спомоществуетъ мнѣ;
Не знаю на яву то зрю, или во снѣ;
Не знаю, можетъ быть, Кларины тѣнь нисходитъ,
И въ лестныя мечты мой страстный духъ приводитъ.
Я зрю, что иногда къ себѣ меня зоветъ,
И руку помощи чрезъ пропасть подаетъ.
Гдѣ дѣлася она? Опомнясь, я вѣщаю,
Бѣгу не знавъ куда, не знавъ кому отмщаю.
Сіе опять мои разгонитъ страшны сны,
День горестн мои пріемлетъ отъ луны.

Какъ вянутъ всѣ цвѣты, лишенные любезной,
Такъ вяну я и самъ въ сей жизни горькой, слезной.
Когда вся тварь на семъ пространномъ свѣтѣ спитъ,
Любовникъ здѣсь одинъ въ отчаяньѣ сидитъ.
Отъ всей природы я на горести оставленъ,
Чтобъ умирать всякъ часъ, отъ смерти я избавленъ.
Въ отчаяньѣ своемъ печаль свою глашу,
И жалобы водамъ и рощамъ приношу.
Вы во́ды, какъ при ней, и нынѣ такъ журчите,
И прежнія слова́ вы наши всѣ твердите.
Войдите въ жалость вы, о темные лѣса́!
И воображайте, гдѣ была ея краса,
Чтобы ни зной, ни хладъ, ни громы, ни погоды
Не истребляли сей любезной изъ природы.
Берите вы въ моихъ участіе слезахъ;
Являйте мнѣ и день и ночь ее въ глазахъ;
Вы вѣтры о моей Кларинѣ говорите,
И наши словеса, пока я живъ, твердите.
Не разрушайтеся прекрасные вѣнки,
Которые я чту за трудъ ея руки;
Пусть я на нихъ въ тоскѣ по всякой часъ взираю,
И вобразя ее, всечасно умираю,
Чтобъ гласъ объ ней тогда престалъ уже твердить,
Пока тотъ, кто ее любилъ, престанетъ жить.
Вотъ! другъ мой, она жизнь, котору провождаю,
Вотъ! я чего ищу, вотъ! я чего желаю,

Вотъ!

Вотъ! что отчаянный любовникъ получилъ,
Когда его злодѣй съ любезной разлучилъ.
За чѣмъ во градѣ зрѣть ты плачуща желаешь?
За чѣмъ меня туда, о другъ мой! призываешь?
Воображая тамъ отъятую красу,
Я всѣ туда свои печали понесу,
И буду, видя тамъ спокойныхъ, пуще рваться,
И другу своему несноснымъ представляться.
Доволенъ я, когда я тамъ останусь жить,
Гдѣ началъ я мою любезную любить.
Зрѣть щастливыхъ и быть на свѣтѣ семъ нещасну,
То кажется терпѣть прискорбность преужасну.
Сіи слова тебѣ толкъ ясный подаютъ,
Къ чему меня мои намѣренья ведутъ.
Я дружество твое во вѣки не забуду,
И съ горестьми его воспоминати буду.
Ты щастья моего свидѣтель прежде былъ,
Свидѣтельствуй теперь, какъ я тебя любилъ.
Воспомяни меня съ Клариной нѣжнымъ словомъ,
Не переставай любить насъ съ нею въ свѣтѣ новомъ.
Воображай ты насъ усердными себѣ,
Чѣмъ должны были мы, явили все тебѣ.
Прости! опять меня терзать приходятъ мýки,
Оставить навсегда перо готовы рýки.
Ужъ музы моея теперь слабѣетъ гласъ;
Войди ты въ нашу страсть, воспомни, другъ, о насъ.

Пред-

Представь себѣ, представь прискорбность нестерпиму
Того, кто былъ любимъ, и потерялъ любиму.
Войди въ печальныя и страстныя сердца,
Что разлучилися дождавшися вѣнца.
Представь ты вáрвара моей любезной мстяща;
Представь любовника отмстить ему хотяща;
Представь мой плачь, мой стонъ, отчаянны слова,
Какóва описалъ, представь мя такова:
Отчаянна во всемъ, надежды всей лишенна,
Нещастна, мучима, гонима, сокрушенна.
Чтобъ свѣтъ весь за меня могъ Богу отвѣчать,
Къ нему я отхожу, и не могу скончать.
О другъ мой! какъ мое письмо ни попадется,
Когда въ тебѣ любви хоть искра остается:
Жалѣй, коль дружество соединяло насъ,
Что я къ тебѣ пишу сіе въ послѣдній разъ.
Пролью послѣднія, лишась тебя, слезъ рѣки,
И не увижуся съ тобою ужъ во вѣки.

XXXXVI.

ИРОИДА.

ИЛЕКТРА КЪ ОРЕСТУ.

Тиранству предана, судьбинѣ злой подвластна,
Всечасно слёзы льетъ сестра твоя нещастна;
И пишетъ въ горестяхъ, снѣдаема тоской,
Къ тебѣ черты сіи ослабшею рукой.
Почувствуй скорбь мою: я въ узы заключенна,
Ни въ чемъ невиннаѧ цѣпями отягченна,
И тщетно вопію къ безсмертнымъ я, стеня.
Познаешь ли, Орестъ, въ семъ видѣ ты меня?
Се наша часть съ тобой, се скиптръ Агамемнона,
Вождь Греческихъ Царей! рушитель Илліона!
Родитель мой! на толь жизнь бѣдственну мнѣ далъ,
Чтобъ дщерь твою Эгисѳъ тиранствомъ угнѣталъ?

Увы! любезный братъ, перо изъ рукъ валится,
Токъ слёзный изъ очей неволею стремится;
Неволею изъ устъ исходитъ жалкій стонъ,
Лишь вспомню, какъ Эгисѳъ возшелъ на здѣшній тронъ:
Возшелъ онъ погубя родителя любезна. —
Зевесъ! иль молнія для мщенья безполезна?
Не мещешь ты ее, и не сразитъ она
Того, кѣмъ честь, законъ и совѣсть попрана.
Еще не поглощенъ Эгисѳъ земной утробой!
Онъ живъ, — а нашъ отецъ его поверженъ злобой.

Онъ

Онъ живъ — и я ему за смерть отца не мщу?
Но ахъ! я мстителей во всѣхъ странахъ ищу:
Всѣмъ жалобы творитъ Илектра здѣсь нещастна; —
Мѣста, свидѣтели убивствія ужасна,
Твердише, что герой и Царь Царей сраженъ.
Не въ хищномъ пламени Троянскомъ онъ сожженъ.
Не въ понтѣ погруженъ пучиною коварной,
Но здѣсь его сразилъ Эгисѳъ неблагодарной;
Въ Минекѣ онъ его пронзеннаго влачилъ,
Омытаго въ крови, лишеннаго всѣхъ силъ,
И подлаго раба невинною ставъ жертвой,
У ногъ его, у ногъ родитель мой палъ мертвой:
Воззрѣвши къ небесамъ, въ послѣдніе вздохнулъ,
И очи и уста на вѣки онъ сомкнулъ. —
О нощь! ты на сіе злодѣйствіе взирала,
И темный свой покровъ надъ онымъ простирала.
Не гнусенъ былъ тебѣ Эгисѳовъ злобный зракъ;
Но нѣтъ, не тѣнь твоя, простерся адскій мракъ,
Надъ сею пагубной и мерзостной страною.
Какое зрѣлище открылось предо мною! —
Но ты младенцемъ бывъ, Орестъ, въ напасти сей,
Не зналъ погибели и горести моей.
Въ тѣ страшные часы разгнѣванна судьбина,
Съ поверженнымъ отцемъ, сразить хотѣла сына:
Еще не могъ Эгисѳъ, не могъ быть насыщенъ,
Ударъ готовился, но мною отвращенъ.

Отъ

Отъ рукъ злодѣйскихъ ты Илектрою спасенный!
Отъ мѣста, гдѣ рожденъ, отъ рода удаленный!
Гласитъ ли кровь тебѣ, что ты лишенъ отца,
И что ты отлученъ отъ трона и вѣнца?
Вѣщалъ ли кто тебѣ о сей плачевной части,
И чувствуешь ли ты Илектрины напасти?

Мучитель надо мной всю злобу истощилъ,
Страшася слезъ моихъ, въ оковы заключилъ.
О варваръ! слѣзы ли мои тебѣ опасны,
Коль мщеніе небесъ и громы не ужасны?
Орестъ! — увы! — кого сражала такъ судьба?
Я въ узахъ, я живу въ неволѣ у раба,
Его презрѣніе сносити осужденна:
Бывъ дщерь Царя Царей, на то ли я рожденна? —
Лишась всего того, что мило было мнѣ,
Въ какой, безсмертные, предъ вами я винѣ?
Пятнатцать лѣтъ я васъ на помощь призываю,
Чертоги праотцевъ слезами обливаю:
Кипящая въ нихъ кровь на небо вопіетъ,
Влечетъ всечастно, и всечастно сердце рветъ.
На что ни вскину взоръ, все рану растравляетъ:
Свѣтъ дневный, мрачна ночь, ничто не истребляетъ
Изъ мыслей горестныхъ плачевнаго часа,
Въ который предали вы насъ о небеса!
Послѣднею себя отрадою ласкаю:
Въ отчаяньи моемъ ко гробу притекаю,

Ко гробу, гдѣ сокрытъ любезнѣйшій мнѣ прахъ,
И въ тотъ же часъ меня объемлетъ смертный страхъ.
Я тѣнь, кроваву тѣнь родителя мечтаю,
Зрю блѣдный видъ его и раны всѣ щитаю,
И вспомнивъ, что надъ нимъ свершили Боги гнѣвъ,
Надъ хладнымъ жамнемъ, я паду, оледенѣвъ.

Такую слезну жизнь Илектра здѣсь проводитъ,
Нигдѣ въ злой горести отрады не находитъ.
Ахъ! естьли кровь въ тебѣ геройская течетъ,
Воспомни, что тебя твой долгъ сюда влечетъ.
Здѣсь тѣнь родителя ждетъ мщенія и стонетъ;
Сей гласъ тебя, мой братъ, сей гласъ конечно пронетъ.
Теперь ужъ ты достигъ желанныхъ мною лѣтъ,
Сверши ты нынѣ то, чего ждетъ цѣлый свѣтъ.
Убійца, хищникъ здѣсь ликуетъ на престолѣ;
Ты изгнанъ отъ него, а я живу въ неволѣ.
Престань звѣрей лѣсныхъ стрѣлами ты язвить;
Твой долгъ, Аргосское чудовище сразить;
Отечество спасти, преданное тирану,
Омыть въ крови его родительскую рану,
И общимъ бѣдствіямъ содѣлати конецъ
Приди, тобой падетъ всѣхъ нашихъ бѣдъ творецъ.
Правители небесъ съ тобою всѣ возстанутъ,
Въ защиту истинны, ихъ громы нынѣ грянутъ,
И смертнымъ всѣмъ явятъ, что праведенъ ихъ судъ;
А ежели, Орестъ, твой тщетенъ будетъ трудъ,

И

И естьли долженъ весь погибнуть родъ Атрида;
Тобой отмстится намъ содѣланна обида.
Мечь кровью обагримъ, оставимъ тщетный страхъ,
И пусть съ родительскимъ и нашъ смѣсится прахъ.

XXXXVII.

ИРОИДА.

ГАБРІЭЛЛА де ВЕРЖИ.

Въ земной утробѣ я два года обитаю,
Всечасно смерти жду, стенаньемъ духъ питаю:
Темница страшная свидѣтель мукъ моихъ!
Изъ оной я, мой другъ, пишу къ тебѣ о нихъ.
Безвинная жена, любовница нещасна,
Я стала жертвою злодѣйствія ужасна.
Мнѣ пища страшная мечтается въ глазахъ!
Рыдаю, рвусь, и вопль пускаю во слезахъ.
Стеню, отъ рукъ своихъ избита, изъязвленна,
И крови своея потокомъ обагренна,
Ищу погибели, погибнуть не могу.
Здѣсь змѣи лишь живутъ, съ охотой къ нимъ бѣгу;
Но сколько змѣи тѣ свирѣпства ни имѣютъ,
А въ злобѣ съ Фаелемъ равнятися не смѣютъ:
Ихъ жалу вредному повергнувъ грудь мою,
Я тщетно льстилася окончить жизнь свою.
Когда отъ Фаеля въ темницѣ я страдаю,
Къ нещастію въ змѣяхъ я жалость обрѣтаю.

Мой другъ! познай вину стенанья моего:
Въ глазахъ моихъ кипитъ кровь брата твоего.
Увы! стѣсненъ мой духъ — и слезный токъ стре-
(мится —
Ахъ! естьли льзя, на часъ потщуся укрѣпиться.

Внемли, какъ злобный рокъ нещастну погубилъ!
Твой братъ надеждою народовъ нашихъ былъ:
Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ, мы вмѣстѣ возрастали,
Въ весельяхъ, въ радостяхъ дни наши протекали.
Желанья были въ насъ и склонности однѣ.
Дары изъ рукъ его пріятны были мнѣ:
Срывалъ онъ мнѣ цвѣты, я ими украшалась,
Прельщался мною онъ, я также имъ прельщалась,
И вкралась къ намъ въ сердца пресильная любовь:
Еще не знавъ о ней, пылала наша кровь.
Готовили себѣ мы оныя напасти,
Которы истекли изъ нашей нѣжной страсти.
Жестокіе отцы насъ предали бѣдамъ,
И страсть въ мученіе преобратили намъ.
Нещастная любовь вседневно возрастала,
Но я, познавъ ее, совсѣмъ премѣнна стала.
Скрывалась завсегда Раулевыхъ очей,
Хотѣла отъ него сокрыти пламень сей:
Холодность ложную глаза мои являли,
Но ахъ! глаза его тогда меня плѣняли.

Про-

Прошли тѣ времена, прошли, какъ сладкій сонъ;
Воспомня я о нихъ, пускаю жалкій стонъ.
Съ врагомъ отечества Рауль идетъ сражаться.
Ахъ! можетъ быть ужъ мнѣ съ нимъ больше не
(видаться.
Но къ пущимъ мнѣ бѣдамъ, велятъ того забыть,
Кто мной плѣненъ, кого привыкла я любить.
Иль мало му́ки сей, что я его не вижу?
Хотятъ предать тому, кого я ненавижу.

Владѣтель тварей всѣхъ! владѣтель всѣхъ сердецъ!
Эротъ! правитель нашъ, и щастія творецъ!
Когдабы человѣкъ мечтанія отвергнулъ,
И власти бы твоей одной себя подвергнулъ,
Коликобъ онъ тогда тобою былъ блаженъ!
Но гордостью своей и жадностью разженъ,
Не любитъ онъ друзей, имѣетъ миръ съ врагами.
Богатство и чины почелъ себѣ богами:
Блаженство ставитъ въ нихъ, стремится ихъ обрѣсть;
Отъ нихъ проистекли мучительство и лесть.
Но ахъ! изъ смертныхъ всѣхъ, попранныхъ злобной
(властью,
Чьи бѣдства могутъ быть равны съ моей напастью?

Желаньямъ Фаеля противилася я,
Поносною во вѣкъ не будетъ жизнь моя;
Я Рауля люблю, всечасно я твердила,
И сердце сей любви изъ млада посвятила.

Священный пламень сей въ груди моей возженъ:
Во вѣки онъ ничемъ не будетъ погашенъ.
Нѣтъ, будетъ погашенъ, мнѣ Фаель отвѣчаетъ,
Любовь мою не ты, отецъ твой увѣнчаетъ:
Онъ слово далъ, а ты дашь руку мнѣ свою,
И симъ содѣлаешь щастливой жизнь мою. —
Сей лютый приговоръ свершился надо мною.
Принудили меня быть Фаеля женою:
По сердцу моему простерся смертный хладъ,
Вступая съ нимъ во бракъ, вступала я во адъ.

Возлюбленный Рауль! ты вскорѣ возвратился,
Но поздно было то, ужѐ мой рокъ свершился!
Мученьямъ ты моимъ отрады не принесъ;
Но сталъ виновникомъ моихъ горчайшихъ слезъ.
Супругъ мой ревностью и страстію пылаетъ,
Въ несносную меня неволю заключаетъ:
Имъ мучима, кляну я бытіе свое,
И всякій множитъ часъ страданіе мое.
Не льстяся болѣе конца напастямъ видѣть,
Я стала цѣлый свѣтъ, всѣхъ смертныхъ ненавидѣть.
Единый лишь Рауль еще любезенъ былъ.
Отчаянный Рауль меня не позабылъ,
Хотѣлъ узрѣть меня. Свиданіе плачевно!
Чѣмъ кончилося ты - - - о рокъ! о время гнѣвно!

Я долгу слѣдуя, противяся любви,
Сей страсти бѣдственной бунтующей въ крови,

Сама

Сама противъ себя въ то время ополчалась:
Ужѐ на вѣки я съ возлюбленнымъ прощалась;
Въ послѣдній разъ мою̀ онъ руку цѣловалъ,
Въ послѣдній предо мной рыдалъ и воздыхалъ.
Вдругъ входитъ мой супругъ, отъ ярости трепещетъ
Онъ взоры пламенны на насъ обѣихъ мещетъ,
И мщеніемъ горя, возноситъ острый мечь;
Но и Рауль спѣшитъ дни Фаеля пресѣчь.
Я къ нимъ бросаюся, словамъ моимъ не внемлютъ;
Но ахъ! щадятъ меня, и жизни не отъемлютъ.
Вскричала я: Рауль! бѣги изъ мѣстъ ты сихъ:—
Рауль скрывается на вѣкъ очей моихъ.

Увы! почто тогда я сéрдца не пронзала?
Ябъ смертію своей и Фаеля терзала.
Но онъ въ свирѣпости мой горькій плачь презрѣлъ,
Оковы наложа, влещи меня велѣлъ
Въ темницу мрачную, страшнѣе мрачна ада. —
Такая отъ него въ напастяхъ мнѣ отрада:
Но ка́зни оной чемъ достойна стала я?
Любила Рауля... иль то вина моя?
Природа нѣжну страсть злодѣйствомъ не щитаетъ, —
За чтожъ нещастную жестокій мужъ караетъ?
О небо праведно! почто меня разитъ?
Ты можешь чувствія сердечны премѣнить. —

Но что вѣщаю? Я злодѣйству непричастна,
Невѣрна не была, была лишь только страстна,
И жертвовала я довольно злой судьбѣ,
Противясь въ тѣ часы Раулю и себѣ.

Вы, коихъ гордостью бываемъ мы попраны,
Любовники! потомъ несносные тиранны!
Доколѣ будете мучителями намъ?
Когда нещастную введете дѣву въ храмъ,
И наречете ту супругою своею,
Какое право вы получите надъ нею?
Невольницею ставъ злощастная жена,
Вамъ вѣрность соблюдать по самый гробъ должна,
А вы, сердечныхъ ранъ ея не разтравляйте,
Невольный пламень ей въ вину не поставляйте,
Но ахъ! о жалости я тщетно говорю:
Тираны! не сердца, одно въ васъ звѣрство зрю.
Подобясь тѣмъ богамъ, что кровію багрились,
Нещастныхъ женъ терзать и мучить вы родились.

Кто болѣе меня злость вашу испыталъ?
Мой вѣкъ напастями отъ васъ исполненъ сталъ. —
Лучь рѣдко проницалъ сквозь мракъ моей темницы,
И рѣдко сонъ смыкалъ слезящія зеницы.
Нещастнымъ страшны сны мечтаются въ бѣдахъ,
Но мнѣ, мнѣ не мечты, вливали въ сердце страхъ.
Предвѣстники злыхъ бѣдъ, ужасны привидѣнья,
Казались въ явѣ мнѣ, и множили мученья.

Ко-

Конечно смерть чрезъ нихъ къ себѣ звала меня.
Въ отчаяньи моемъ терзаясь и стеня,
Лишаясь силъ своихъ, я чувствъ своихъ лишалась,
Во мнѣ томился духъ, душа моя смущалась.
Ни мыслить не могла, ни сну предаться я,
И виды страшные мечтала мысль моя.
Мнѣ часто злобное чудовище являлось,
Которо въ Фаеля внезапно претворялось.
Или свирѣпый тигръ меня на части рвалъ,
Язвилъ меня, и ядъ свой въ раны мнѣ вливалъ:
Стараясь смерть обрѣсть, его я раздражала;
Но тщетно было то, и смерть меня бѣжала.
Въ послѣдокъ, о злый рокъ! о бѣдственная часть!
Злодѣйство страшное! ужасная напасть!
О сердце звѣрское! супругъ мой и мучитель, —
Ахъ! ты былъ Рауля убійца и губитель!
Твоею онъ рукой сраженный, мертвымъ палъ,
И кровію его меня ты напоялъ!

Не будетъ гибель мнѣ въ глазахъ моихъ мечтаться;
Свершилось все, должна я съ жизнію разстаться.
Насталъ послѣдній часъ, пришелъ конецъ всѣхъ мукъ,
И цѣпи тяжкія спадутъ съ ослабшихъ рукъ.
Я жалость чувствуя къ супругу и тирану,
Сойду во мрачный гробъ, и жить съ любезнымъ стану.
Но что вѣщаю я? - - - Къ мученью моему
Во внутренней моей содѣлань гробъ ему!

Трепещетъ духъ... Ахъ! чемъ хочу тебя сразити;
Увы! нѣтъ силъ моихъ тяжчайшихъ мукъ сносити.
Слабѣю вся, письмо изъ рукъ моихъ падетъ,
Кровавая струя по оному течетъ. —
Сестра Раулева! внемли ты вѣсть ужасну,
Внемли, чѣмъ злобный рокъ сразилъ меня нещастну.

Темница страшная отверзлась вдругъ моя:
Снизшедшую ко мнѣ Миталду вижу я,
Сердечныхъ чувствъ моихъ отъ ней я не таила,
И вѣрнаго себѣ въ ней друга находила.
Вѣщаетъ мнѣ она упавъ къ ногамъ моимъ:
Пришелъ теперь конецъ нещастіямъ твоимъ;
Жестокой твой супругъ былъ бѣдъ твоихъ содѣтель;
Однако не совсѣмъ забылъ онъ добродѣтель,
И самъ терзаяся твоею злой судьбой,
Все хочетъ премѣнить, и быть любимъ тобой. —
Я вѣрила словамъ — Ахъ! ктобъ имъ не повѣрилъ?
Ктобъ могъ вообразить, что Фаель лицемѣрилъ?
Они всю горесть вдругъ изъ сердца извлекли,
И слезы радостны изъ глазъ моихъ текли.
Потомъ пришедъ ко мнѣ, прощенья Фаель проситъ,
Прощаю все ему — онъ пищу мнѣ приноситъ:
Съ невольнымъ трепетомъ ее вкушаю я —
Почто не прервалась нещастна жизнь моя,
И небо таково злодѣйство попустило?
Увы! любезнаго мнѣ сердце пищей было?

Фаель

Фаель сказавъ сіе, бѣжитъ — а я паду
Во гробъ, и тамо я спокойствіе найду.

Какъ въ мысль твою могло злодѣйство то все-
Перо мое его изобразить страшится: (литься?
О ва́рваръ! — но конецъ моимъ бѣдамъ придетъ.
Матильда вѣрная желанный ядъ несетъ. —
Желанный мною ядъ во внутренность вливайся,
Вливай съ собою смерть! жизнь слезна прекращайся!
Разрушься бытіе, разрушься и сгарай,
А ты нещастная! безстрашно умирай.
Любезные друзья! знавъ смерти сей причину,
Оплачьте часть мою и лютую кончину.
Отцы! престаньте вы дѣтей своихъ губить,
Престаньте ихъ терзать: должны вы ихъ любить,
Должны вы завсегда ихъ щастья быть творцами:
Оставьте полну власть вы имъ надъ ихъ сердцами. —
Но ахъ! слабѣю вся, въ глазахъ померкнулъ свѣтъ,
Любезнѣйшій Рауль! — мой духъ къ тебѣ течетъ.

XXXXVIII.

ПИСЬМО
ФРИНЫ КО КСЕНОКРАТУ (*).

По истиннѣ я того никакъ не ожидала. Какъ! важной Ксенократъ столько имѣетъ слабости, чтобы всенародно злословить прелести мои. Къ сему, сказываютъ, присоединяетъ онъ тщеславіе думать, что будто тѣмъ меня еще и оскорбляетъ. Съ яростію вооружается онъ противъ любви и противъ меня; желалъ бы онъ отвратить юношей, чтобъ не приходили они ко Фринѣ поучаться пріятностямъ и обхожденію . . . . Ахъ! какъ кстати судить Философу о любви!

Послушай, любезной мой Ксенократъ! не ужѐ ли не довольно тебѣ, что пять или шесть разъ передѣлывалъ ты вселенную различными образами; что преображалъ по желанію своему видъ сего свѣта? А для меня хоть ту милость сдѣлай, оставь мнѣ поучать обитателей онаго. Называютъ тебя умомъ острымъ; и я никогда въ томъ не спорила; но смѣялася сама про себя бѣдности разума человѣческаго. Почто излилъ ты на меня ядъ оскор-

(*) Фрина любовными дѣлами своими была славная въ Фивахъ женщина; а Ксенократъ былъ строгой тогоже города Философъ, которой часто противъ Фрины вооружался.

оскорбительнаго твоего велерѣчія? Развѣ для того, что не помышляла я никогда противоборствовать мрачной твоей наукѣ?

Предметъ поклоненія Фивъ! щитаю я число обожателей моихъ числомъ его жителей; имя мое во всѣхъ устахъ твердится; блескъ красоты моей привлекаетъ чужестранцовъ, и покоряетъ мнѣ самыя нечувствительныя сердца; а ты, ты возстаешь противъ меня для того, что возжигаютъ куренія у ногъ моихъ: куренія сіи оскорбляютъ гордость твою, и ты вооружаешься на меня въ угоду твоему тщеславію къ усугубленію славы твоей. Изрядно! ты льстишься тѣмъ уничижить меня. Но какъ дерзнулъ ты вздумать, что можно уничижить женщинъ? Знаешь ли ты высокомѣріе ихъ? Оно даже высокомѣріе Философа превосходитъ. Вѣдай, что женщина смотритъ на тебя съ сею кроткою жалостію, каковую чувствуютъ къ бѣснующемуся. Любезной мой Философъ! вѣтръ разноситъ слова твои; и ты право жалокъ! приклони слухъ твой къ словамъ моимъ быстротекущимъ, и внемли: лице мое красятъ румяны, но сердце чуждо ихъ; опыты и знаніе человѣковъ болѣе сдѣлали мнѣ ихъ извѣстными, нежели тебѣ, которой совѣтовался только съ книгами. Я хочу вывесть тебя изъ заблужденія; хочу разсуждать съ тобою. . . . Да, конечно разсуждать.

Ты Философъ, или сіе ремесло на себя принялъ: а я упражняюся въ дѣлахъ любовныхъ;

ныхъ: ремесло пріятнѣйшее, а можетъ быть еще и почтеннѣйшее. Мнѣ кажется, что мы нѣсколько другъ на друга похожи: ты желаешь быть въ почтеніи; я желаю нравиться: ты стремишься привлечь похвалы, а я сердца. Ты хочешь покорить вселенную ученію твоему; и я также упражняюся въ нѣкоемъ ученіи; но ты его знаешь, о боги! это первѣйшее, это роскошь! Правда, что не представляю я лице толь рѣдкое какъ ты: но въ награжденіе тому гордость моя несравненно благороднѣе, и конечно основательнѣе твоей.

Не правда ли, что желаешь ты быть почтенъ первѣйшимъ Философомъ на земли; что хочешь ты уничтожить всѣ книги, которые изданы не тобою, видѣть различные твои системы всѣ безъ изъятія принятыми; и можетъ быть смертію Сократовою пріобрѣсти славу обоженія? Я же будучи еще болѣе тщеславна, нежели ты безуменъ, я желала бы приковать всѣхъ смертныхъ къ моей колесницѣ; помрачить красоту, пріятности, младость, разумъ всѣхъ женщинъ; желала бы, чтобъ всѣ единогласно, всѣ вообще возгласили: „одна „Фрина только прекрасна! одна Фрина толь„ко обоженія достойна!“ И чтобъ сказать еще больше, то хотѣла бы я, естьлибъ по возможно было, и самого тебя плѣнить. Мыслилъ ли ты когда преподать мнѣ твои мнѣнія? Нѣтъ: ты всегда сколько нибудь чувствовалъ, что должны они мнѣ чрезмѣрно смѣшными показаться. И такъ имѣю я сердце бо-

болѣе твоего; гордость моя гораздо справедливѣе твоей. Она не основана на мнительной превыспренности, не поддерживаема она пустымъ тщеславіемъ: источникъ ея есть природа, побѣда ея несумнѣнна; а твоя, напротивъ того, доведена до той крайности, что принуждена питаться одними только мечтами, и что, можетъ быть, и вподлинну ложнѣе того блага, которое зависитъ отъ мнѣнія другихъ?

Ктожъ изъ насъ двухъ лучше въ сердце человѣческое и въ свое собственное проницаетъ? Ты убѣгаешь всѣхъ веселостей; я наиприятнѣйшимъ образомъ ими пользуюся: ты стремишься всюду для достиженія благополучія; я его обрѣтаю безъ великаго труда: ты желаешь жить во времена будущія; я живу въ настоящее, не отказываяся однакожъ отъ удовольствія быть и безсмертною, и думаю, что подобно тебѣ въ томъ успѣю, не изнуряя, какъ ты, жизнь мою долговременными трудами.

Любезной Ксенократъ! мнѣ хочется тебя вылечить: ты принудилъ меня странностію твоею брать въ тебѣ участіе. Наши своевольные стихотворцы, которые въ глупости своей по крайней мѣрѣ столько же разумны, какъ ты, наполняютъ всѣ стихи свои моимъ именемъ. Они не мыслятъ, скажешь ты; но тѣмъ самимъ они и любезнѣе. Ты одинъ презрѣлъ меня, я смѣялася тому; однакожъ ты пронулъ тщеславіе мое; а у

жен-

женщинѣ оно почти тожъ самое, что и любовь. Я люблю тебя безъ шутокъ, и думаю, больше за то, что ты вооружался противъ меня. Явишься ли ты храбрымъ, нападая на меня издалека? Естьли убѣгаешь ты опасности, то доказываешь тѣмъ, что страшишься ее! Вооружи себя дикимъ твоимъ нравоученіемъ: призови къ себѣ на помощь всю строгость твою, и сдѣлай опытъ, которой могъ бы служить къ славѣ твоей и къ моему посрамленію: можетъ ли быть побѣда похвальна безъ опасности? Приди, отважся разсмотрѣть блескъ моихъ взоровъ, пріятную улыбку устъ моихъ; отважся прикоснуться къ мяхкимъ рукамъ моимъ; пади на грудь мою .... Я даже въ сердце твое излію сладость роскоши непреоборимой; и естьли отречется оно раздѣлить ее со мною, тогда можешь ты презирать любовь, суетныя ея забавы, прелести мои, и власть ихъ: тогда нечувствительность твоя оправдаетъ свирѣпое твое краснорѣчіе; тогда признаю я себя униженною... Но до той минуты, трепещи! доколь существуетъ сердце твое, одушевленное жизнію; до тѣхъ поръ страшись, чтобъ не сдѣлалось оно страстію одушевленно. Сколько видала я сихъ горделивыхъ смертныхъ, толико надмѣнныхъ, толико пышныхъ, поверженныхъ къ ногамъ моимъ; одинъ взоръ уничтожалъ ихъ высокомѣріе, одна улыбка помрачала разсудокъ ихъ. И такъ не превозносись твердостію твоего духа: и онъ можетъ имѣть слабости; да и какое право имѣешь ты почитать его непоколебимѣе другихъ? Ты

Ты видишь, что природа одарила меня сердцемъ откровеннымъ; по примѣру другихъ; могла бы и я сдѣлать его притворнымъ, и скрывать его чувствія; но я презрѣла сіе лицемѣріе, почитая его гнуснымъ. Я послѣдовала вкусу моему, моему своенравію, глупости моей. Я освободила себя отъ жестокихъ противоборствій, и опровергла владычество предрассужденій. Благополучна тогда и съ самой той минуты, когда красота моя постепенно прославляясь, покорила мнѣ всѣ сердца.

Всѣ сердца! однакожъ не твое, жестокой! я не хочу отъ тебя скрывать, что я бы славилась, когда бы могла умягчить пріятнымъ обхожденіемъ моимъ дикую твою философію, сдѣлать любомудріе твое человѣкопріязненнымъ, и принудить тебя признаться, что нѣтъ ничего подлиннаго въ свѣтѣ, кромѣ одного веселія.

Но можетъ быть рожденъ ты съ сердцемъ нечувствительнымъ; а ихъ такъ много! ты можетъ быть, никогда не ощущалъ сего живаго стремленія во внутренности душъ нашихъ страстію производимаго; можетъ быть предназначенъ ты, чтобы представить свѣту хладокровіемъ твоимъ позорище смѣшное: въ этомъ случаѣ послѣдуй безумнымъ намѣреніямъ твоимъ; имѣй всеизящныя качества истукана Праксителева; устремляйся съ высоты Олимпа твоего на наши веселости: я первая

вая справедливой гнѣвъ твой похвалять буду; но естьли дѣлаешь ты сіе только для того, чтобъ представлять лице странное; естьли утомленный и измученный въ тайнѣ стенаешь ты подъ строгостію личины, которую наложилъ на себя: то признайся, что ты только нещастный рабъ твоего тщеславія, изнуренный упрямствомъ твоимъ, и обманутый твоею гордостію.

Я не могу терпѣть, чтобъ человѣкъ дѣлалъ изъ себя полубога. Какое безуміе отличать себя тогда, когда сколь пріятно быть тѣмъ, что мы въ самомъ дѣлѣ есть! Ахъ! любезной Ксенократъ, пользуйся лучше цвѣтущими днями жизни твоей; наслаждайся веселостьми, которые Богъ тебѣ низпосылаетъ. Думаешь ли ты, что сіе блѣдное чело, сей дикой и печальной видъ, сей взоръ строгій, наполненный огнемъ мрачнымъ, болѣе извѣщаютъ мудрость, нежели лице веселое, улыбка пріятная, взглядъ живымъ чувствомъ радости блестящій?

Естьли желалъ ты только пріобрѣсти себѣ имя славное: то могъ бы ты отличить себя рѣдкимъ искусствомъ въ произволствѣ новыхъ радостей, въ изобрѣтеніи новыхъ торжествъ и новыхъ игръ. Наука быть любезнымъ менѣе всего въ употребленіи. Представь себѣ славу Анакреонтову! она есть великолѣпнѣйшая, блистательнѣйшая, всеобщая; она могла бы прельстить тебя .... Гдѣ

его

его послѣдователь? Ахъ! я тщетно ищу его даже въ толкѣ Епикуровомъ! Жалѣю о тебѣ, что оставилъ ты сей путь, усыпанный цвѣтами. Ты имѣешь разумъ гибкій, образцовой; имѣешь дýшу; болѣе всего имѣешь ты воображеніе, воображеніе! ахъ! я знаю лучше самого тебя все то, чего ты лишаешься.

Естьли ты Философъ, почто злословишь ты красоту? Красоту! чудеснѣйшее произвожденіе естества, благополучіе смертныхъ, побѣдоносное пріятство всѣхъ чувствительныхъ существъ! какъ! ты съ удовольствіемъ смотришь на совершенства всѣхъ прочихъ родовъ тварей, выключая твоего собственнаго! ты удивляешься существамъ неодушевленнымъ; съ восторгомъ говоришь ты о Апеллесовой Венерѣ; а при видѣ прекрасной женщины можешь пребыть неодушевленнымъ! Сіи восхитительныя прелести, соединенныя для составленія единаго совершеннѣйшаго предмѣта, найдутъ тебя безчувственна! Лучше бы совсѣмъ не жить на свѣтѣ, нежели чтобъ быть не въ состояніи знать того, что красота есть наидражайшее и сильнѣйшее божество, которое привлеченіемъ радостей, хранитъ, возбуждаетъ, украшаетъ и оживотворяетъ природу.

Философъ безумный! естьлибъ всѣ люди были на тебя похожи, то скоро бы не имѣлъ ты слушателей, которые, будучи въ лѣпахъ еще несмысленныхъ, окружаютъ тебя, вни-

маютъ слова твои, выхваляютъ пышныя твои изреченія, отнюдъ ихъ не понимая. Ахъ! Ксенократъ! они слѣдуютъ твоимъ наставленіямъ цѣлые прескучные три года; а вышедъ изъ твоего училища, одинъ только взглядъ всѣхъ ихъ къ ногамъ моимъ повергаетъ; всѣ они отрицаются. . . . . Я могла бы здѣсь посмѣяться надъ тобою; но признаюсь, что чувствую, сколь много тебя превозмогаю: и я бываю иногда великодушна.

Какъ различны наши системы! сколько ты строгъ; печаленъ и свирѣпъ; столько я напротивъ того за удовольствіе поставляю быть ласковою, веселою, учтивою. Ты легко могъ примѣтить, что лу́ши чувствительныя убѣгаютъ и боятся тебя. Хулитель неумолимый! почто не укрощаешь ты дикое твое упрямство? Врагъ веселія, врагъ нашего блаженства! твое жестокое нравоученіе наполняетъ мрачною сердце наше скорбію. Ва́рваръ! развѣ желаешь ты лишить насъ сладкихъ чувствъ бытія нашего? Для кого же сотворена пріятная лазурь яснаго неба, прохладная тѣнь древесъ, благоуханіе цвѣтовъ, плѣняющая ясность краснаго дня, сладкая тишина тихой ночи, ежели не для любовниковъ? Какъ! вселенная блистала бы живѣйшими красками; радостныя благоуханія наполняли бы воздухъ; природа, попечительная и нѣжная матерь, излила бы на насъ щедрою рукою всѣ дары свои; мы бы срывали розы божественной роскоши, украшались бы сими цвѣ-

тами

тами скоро увидающими, забавлялись бы въ сихъ обвороженныхъ зданіяхъ; а ты, жестокой! ты бы пришелъ разрушить сію сладкую волшебства силу; ты бы разсѣялъ наши радостныя мечтанія; ты бы заставилъ насъ претлать свирѣпыхъ твоихъ поученій, и скружилъ бы насъ предмѣтами мрачныя скорби! Ахъ! оставь намъ наши заблужденія; они несравненно превосходятъ печальныя твои истинны.

Естьли не зналъ ты никогда женщины откровенной, то во мнѣ ты ее узнаешь. Я не нахожу никакой пользы притворяться, и чувствую склонность тебя любить; для того что льщуся новую вложить въ тебя душу. У меня есть богатства, вкусъ, пріятели; повѣрь мнѣ, и даже и разума довольно имѣю, чтобъ побѣдить и увеселить тебя. Я научу тебя искусству нравиться, и быть благополучнымъ; ты пріучишь меня мыслить, естьли будетъ въ томъ нужда; и сдѣлаешься Философомъ веселымъ, чудомъ столь же рѣдкимъ, какъ и полезнымъ. Ты скажешь, что я легкомысленна: ахъ! естьли бы ты вѣдалъ, чего стоитъ блескъ дурачества! какое таинство заключается въ остромъ словѣ! какое преимущество имѣетъ разговоръ вздорный; что значитъ иногда громкой смѣхъ! . . . Любезной Ксенократъ! вотъ наука преглубочайшая, которой и основанія ты не знаешь. Я имѣю удивительной даръ наставлять; я сдѣлаю тебя гораздо ученѣе, нежели ты есть:

все мое искусство состоитъ только въ томъ, чтобъ привести въ забвеніе тысячу вещей чуждыхъ благополучія.

Я предвижу возраженія твои: веселіе какъ тѣнь пролетаетъ; это исчезающій блескъ молніи, скоропечное прельщеніе въ минуту пропадающее; это .... Ахъ! конечно такъ, ты въ первой разъ говоришь справедливо. Но завидовали ли бы человѣки благополучію боговъ, естьлибъ, будучи всегда въ цвѣтущихъ дняхъ своей жизни, вкушали они радости сего дражайшаго времени? Сіи лѣта щасплаивые уже прошли для меня! О горестное испытаніе, какъ дорого ты мнѣ стоишь! Цѣною блага, каждую минуту отъ насъ удаляющагося, научаемся мы пользоваться имъ. Но чѣмъ больше имѣетъ жизнь скорбей, тѣмъ болѣе веселіе, способствующее намъ къ пренесенію оной, имѣетъ пріятностей. Я любила роскошь; нынѣ я ее обожаю. Восторгъ и упоеніе не царствуютъ болѣе въ душѣ моей; она наполнена чувствомъ гораздо пріятнѣйшимъ, гораздо сладчайшимъ. Благополучныя минуты! мудрый только долженъ вами пользоваться: ибо когда однажды вы пролетите, то не возвратитеся больше; и бремя жизни день отъ дня становится тяжелѣе. Когда не могли наслаждаться ею, либо отъ страха, либо отъ слабости; плачутъ тогда, вздыхаютъ, кленутъ, ненавидятъ бытіе свое; и для чего? Для того, что не пользовались сими скоротечными минутами, которые

боги

боги намъ такъ скупо даровали. Жители земные! сорвемъ, сорвемъ цвѣты, испещряющіе долину сію. Почто воображать намъ мечты страшныя? Какое зло сдѣлала намъ природа? Мы сами обманываемъ себя; собственной нашъ ложный разсудокъ мучитъ насъ и изнуряетъ. Пусть лучше воображеніе наше пребудетъ въ глубокомъ снѣ, пусть не мѣшаетъ намъ смотрѣть на прелестные поверьхности предмѣтовъ, насъ плѣняющихъ, и быть благополучными. Живое чувство щастія настоящаго истребило бы тогда проницательность темноты будущей. Что касается до меня, пусть смерть придетъ пресѣчь дни мои; я съ неустрашимостію скажу ей: рази, я удары твои предускорила; я познала все то, что можешь ты у меня отнять. Жестокой Философъ! ты заставляешь меня говорить о смерти. Мрачный покровъ унылой задумчивости преображаетъ въ глазахъ твоихъ всѣ предмѣты прекраснаго естества; кажется, что пишешь ты только при свѣтѣ надгробныя лампады; плачевный голосъ твой подобенъ звуку погребательныхъ кимваловъ; ты прохаживаешься только посреди гробовъ страшныхъ; тамъ взоръ твой съ удовольствіемъ обозрѣваетъ прахъ разсѣянный, и старается будущее изъ него предвидѣть. Смертоносное страшилище есть наилюбезнѣйшій твой спутникъ. . . . Ты обманываешь насъ, нравоучитель свирѣпый! ты мучишь; ты изнуряешь дýшу нашу; ты препятствуешь жить намъ.

Да истребятся навсегда мечтательныя твои воображенія! все тебѣ представляется въ видѣ ложномъ и обманчивомъ. Я не говорю тебѣ о несправедливыхъ укоризнахъ, устремляемыхъ тобою на меня: но смѣюсь изображенію, которое ты, не взирая на строгую твою философію, раскалыхался сдѣлать обо мнѣ. Ахъ! какъ легко обмануться во внутренности храмины своей; а паче, когда тщеславіе кистью руководствуетъ! ты описываешь меня женщиною безстыдною, наглою, вѣроломною, и которая никого, кромѣ себя, не любишь. Преждѣ, нежели буду тебѣ отвѣтствовать на сіе, накажу я тебя, и ты долженъ съ терпѣливостію выслушать описаніе мое о любви, когда разсердилъ ты меня такъ много.

Называй любовь чувствомъ или нуждою; я мало о томъ пекуся. Природа [осмѣлился укорять ее!] хотѣла, чтобъ источникъ всѣхъ нашихъ благъ въ самихъ насъ заключался. Это нужда наша, веселіе наше производящая; она присовокуплена къ нашимъ чувствамъ, и каждая наша часть имѣетъ свои собственныя нужды. Краснѣйся за человѣка! . . . . онъ не можетъ премѣниться, и ты не въ состояніи уничтожить сей владычественной минуты, которая влечетъ другъ ко другу два пола, зависящіе одинъ отъ другаго. Зависимость сія заставляетъ ихъ трепетать; между ими царствуетъ тайное несогласіе; одинъ хочетъ властвовать, другой свергаетъ съ себя налагаемыя рабства оковы; и не возможно понять;

нять, какимъ образомъ два творенія, столь различныя, столь другъ другу противныя, соединяются, будучи сотворены одинъ для другаго. Нѣкто очень изрядно ихъ описалъ, говоря: что это два непріятеля, которые не въ состояніи будучи жить розно, заключаютъ между собою миръ; плѣняющее веселіе есть залогомъ онаго; взаимная его премѣна содержитъ согласіе и вражду; и какъ скоро плѣненіе минуетъ, война возобновляется. Надлежало, Ксенократъ, чтобъ истощило естество все великолѣпіе власти своей, чтобъ чудесною рукою украсило оно веселіе всѣми способами искусства своего, дабы наконецъ соединить сердца, въ коихъ начальныя чувства вольности гораздо бы сильнѣе были сладострастія: сими-то средствами достигла природа своего намѣренія. Человѣкъ щастливъ, когда хочетъ быть такимъ, когда дѣлается достойнымъ того. Кто отрицается отъ сладчайшихъ ощущеній, и опровергаетъ мудро равновѣсіе естества, тотъ родился злополученъ, скорбенъ и мраченъ; будетъ онъ полагать славу свою въ томъ, чтобъ уничтожить бытіе свое, и къ вящшему своему нещастію можетъ въ томъ успѣть. Не для него уже распространитъ тогда Аврора свѣтозарныя цвѣты свои; блѣдныя лучи нощнаго свѣтила не для него составятъ пріятную и прохладную тѣнь уединеннаго убѣжища. Ахъ! что будетъ изъ великолѣпнаго зрѣлища естества, безъ побѣдоносной власти красоты?

Скажи мнѣ теперь, для чего любовь есть источникъ благополучія всѣмъ другимъ тварямъ, а только одному человѣку источникъ нещастія? Это для того, что одинъ только человѣкъ дѣлаетъ изъ нее тайну. Безпокоенъ и ревнивъ не предвидитъ онъ, что мучительное его властолюбіе на самаго его же обращается. Будучи легковѣренъ, съ трепетомъ предается онъ наисладчайшему чувствію. Кажется ему, что боги требуютъ отъ него отчета въ забавахъ, въ то самое время, когда превозноситъ онъ войну и раздоры, посрамляетъ чувства нѣжности, и ограничиваетъ любовь законами, цѣпями, предубѣжденіями. Онъ вмѣщаетъ въ нее тщеславіе, гордость, благопристойность, честолюбіе. Изъ свободной и шутливой, какова была она преждѣ, дѣлаетъ онъ ее важною и строгою. Любовь была ничто иное, какъ игра сладострастная; она воспаляла сердца̀ наши по случаю; благополучна и легкомысленна, наслаждалась она нѣсколько времени, и опять улетала: таково было ее сво́йство. Нынѣ стонетъ она въ противностяхъ, и безумные законы наши дѣлаютъ ее опасною, они изощряютъ безчеловѣчнѣйшія мечи угрызенія сердца̀ наши поражающія. Чтожъ я сдѣлала? Я сжалилась надъ младенчествомъ ея недостойно презрѣннымъ; я возвратила ей прежнюю ея свободу, и позволила ей послѣдовать своевольнымъ ея стремленіямъ; я привела ее въ настоящую ея цѣну; и такимъ образомъ отдалила отъ нее сію жестокую точность, которая дѣлала ее не-

несносною. Въ моихъ объятіяхъ учинилася она возбужденна, радостна, свободна въ своихъ дѣйствіяхъ; она воспаляетъ во мнѣ жаръ пріятной, но не пожирающій; оживотворяетъ сердце мое, не смущая его; прельщаетъ меня, не ввергая въ заблужденіе; она въ повелѣніяхъ моихъ, а я не нахожусь въ рабствѣ у нее; оковы, которые налагаю я на нее, суть оковы веселія.

Ксенократъ! повѣрь, что истинное сладострастіе не можетъ быть чуждо стыдливости; повѣрь, что для собственной моей корысти я не въ состояніи уничижать себя. Щастливой любовникъ, воспаленный ласкательствами моими, умѣетъ почитать меня. Въ минуту совершенной побѣды его, не мнитъ онъ болѣе имѣть совмѣстниковъ себѣ. Благополучіе его зависитъ отъ меня; онъ умѣлъ сдѣлаться его достойнымъ. Не бывая никогда въ одномъ положеніи, и бывъ премѣнна во вкусахъ моихъ и въ веселостяхъ, обманываю я, не будучи вѣроломною; я плѣняю многія сердца, которыя всѣ обожаютъ меня безъ ревнивости; я умѣю дѣлать ихъ всѣхъ благополучными; и такимъ образомъ умножаю я блаженство въ нещастливомъ родѣ человѣковъ. Но естьли люблю я веселіе, то равнымъ образомъ ненавижу и распутство. Повѣрь мнѣ, я лучше тебя знаю предѣлы, отдѣляющіе роскошь отъ неумѣренной невоздержности; повѣрь, что естьлибы могла я хотъ одинъ разъ въ жизни моей покраснѣть отъ стыда, то

не была бы уже я благополучна; повѣрь, что порокъ ужасенъ мнѣ, и не можетъ быть не въ омерзѣніи у меня.

Я непостоянна: правда! но не болѣе какъ и само веселіе. Подобно какъ любитель живописи прилѣпляется иногда то къ Ефранору, то къ Фаразію; послѣ того обращается къ Тиманту; и не будучи невѣрнымъ, скоро съ восторгомъ пріемлетъ божественое начертаніе Зевксово: такую же власть имѣютъ и надо мною разумъ, красота, прелести, и попеременно меня плѣняютъ: все, что любви достойно, заслуживаетъ быть любимо. Какое право имѣю я презирать то, что почитаніе наше заслуживаетъ? Сердце чувствительное, есть сердце справедливое; оно не отвергаетъ ничего такого, которое тронуть его удобно; сверхъ того твой полъ служитъ извиненіемъ нашему; непостоянной нравъ мущинъ и ихъ слабости довольно оправдаютъ насъ. Красота не для того сдѣлана, чтобы быть ей въ безъизвѣстности, и чтобъ довольствоваться только зрѣніемъ единаго человѣка; она есть цвѣтокъ несравненный, которой, разцвѣтая подъ благорастворенным и свободнымъ положеніемъ, долженствуетъ прельщать глаза всей вселенной.

Я никого не люблю, кромѣ себя, скажешь ты; ты обманываешься: я люблю моихъ любовниковъ, и очень откровенно. Они не могутъ ни обмануть меня, ни смѣяться мо-

моей слабости; они въ восторгахъ своихъ столько же справедливы, какъ и я въ моихъ. Да удаляется отъ насъ хитрость, притворство и лицемѣріе! Мы вкушаемъ безъ смущенія пріятности предоставленныя истинной любви. Сколько веселій предшествуютъ тому, которое всѣхъ ихъ вѣнчаетъ! когда источникъ ихъ въ сердцѣ, тогда изсохнутъ онъ не можетъ! Я еще болѣе тебѣ скажу, естьли только можешь ты понять то, о чемъ я съ тобою говорить буду: благополучная тишина нашихъ чувствъ придаетъ новую силу ощущеніямъ сéрдца; оно ищетъ ущѣху сладчайшую, гораздо проницательнѣйшую, нежели роскошь; оно желаетъ быть наполнено; познаваетъ необходимость чувствованій, и вотъ что изливаетъ безчисленное множество пріятностей на всѣ минуты нашей жизни.

Кленократъ! сколькобъ ты ни былъ судья строгій, но естьли вникнешь въ сердце человѣческое, естьли познаешь его совершенно; то не опасаюсь я проницательнаго твоего взору. Прекрати сіе мысленное стремленіе, ищущее мечтательнаго совершенства; внимай и суди меня. Почто ненавидитъ меня чернь? Для того, что живу я свободно; она желала бы наказать меня за мое благополучіе, не имѣя довольно крѣпости мнѣ послѣдовать. Ревнивость есть тайной человѣческой порокъ; она воспаляетъ разумы при воображеніи веселостей, вкушаемыхъ мною; смущаетъ печалію добродѣтельныя и въ разумную скуку ихъ погру-

погруженныя сердца. Иногда и слабость поста-вляютъ въ число величайшихъ пороковъ; но самой величайшей не ужъли тотъ, чтобы пре-восходить другихъ въ прелестяхъ и въ роско-шахъ? Женщины съ яростію востаютъ про-тивъ меня; они въ томъ справедливы; я по-хищаю у нихъ множество любовниковъ! Голод-ной Киникъ, видя столъ вкусными кушаньями уставленный, и не будучи къ нему пригла-шенъ, долженъ вооружаться противъ слад-кихъ ѣствъ: это въ порядкѣ вещей!

Тебѣ напротивъ того, которой конечно не имѣешь ревности; тебѣ бы надлежало смѣяться дурачествамъ моимъ. Повѣрь мнѣ, пощади свой мужественный гнѣвъ для другихъ преступниковъ; рази мрачныхъ гонителей; возставай противъ суевѣрныхъ тиранновъ, про-тивъ щастливыхъ злодѣевъ, безжалостно из-влекающихъ изъ устъ пищу у беззаступной нищеты: они то суть чудовища отечества; предай ихъ поврамленію всей вселенной; раз-сыпь ихъ громомъ твоимъ, и каждой похва-литъ благородное ревности твоей стремленіе.

Но я, какое зло сдѣлала обществу? Я безъ добродѣтели! ахъ! скажи мнѣ Философъ, что такое добродѣтель? Не то ли, чтобъ не заблуждаться? Но это и для тебя самаго не возможно; и такъ остается намъ только, чтобъ уменьшить источникъ нашего заблужде-нія: такова есть участь нашей слабости. Мо-жетъ быть послѣдовала я съ лишкомъ прелес-тному

стному пути веселія : я не знаю сей свирѣпой должности, которая жестокія, а часто и безполезныя приноситъ побѣды. Можетъ быть я не такъ совершенна какъ другія; я согласна въ томъ, однакожъ я исправила болѣе пороковъ, или лучше сказать, болѣе странностей, нежели разумнѣйшая и велерѣчивѣйшая женщина въ Онвахъ. Да, я болѣе премѣнила сердецъ, нежели уста твои изрекли наставленій; скупые, тщеславные, несмысленные приходятъ ко мнѣ толпами поучаться великодушію, честности, здравому разсудку. Я не хвалюсь, что помогала я бѣднымъ; это болѣе долгъ нашъ, нежели добродѣтель; но я бы почла за великой порокъ, естьлибъ сердце мое почувствовало къ нимъ жалость; а я бы воспротивилась онымъ чувствамъ смягчающимъ меня въ ихъ пользу. Я дѣлала столько добра, сколько могла; и естьли имѣю я недостатки, то стараюсь по крайней мѣрѣ сдѣлать ихъ любезными.

Вотъ моя философія, Ксенократъ! я ее тѣмъ больше справедливою почитаю, что она самая простая, пріятная, немноготрудная и свойственная сердцу человѣческому. Я смѣю еще прибавить, что сокрыта она въ душѣ каждаго: симъ открываю я тайну, въ которой безъ сомнѣнія всякой признается. Человѣки мучатъ себя, чтобъ согласить вздорные свои законы съ нещастными своими склонностьми; а я нашла щастливой способъ презирать сіи противящіяся благополучію нашему, и устра-

ша-

шающія оное мечты. Они исчезли предо мною; и роскошь владычица земнородныхъ воспріяла свободное мое приношеніе. Естьли ты Философъ, боготворишь ты вольность. Мудрый есть существо, независимое отъ сего множества разнообразныхъ законовъ, вымышленныхъ и послѣдуемыхъ множествомъ невѣждъ. Домъ мой можетъ почесться храмомъ, въ коемъ царствуетъ сіе несравненное божество, любезное всякому разумному человѣку. Въ немъ чудесное производство художествъ и искусства соединено; въ немъ каждый послѣдуетъ своему вкусу. Пѣніе, пляска, сихотворство, иногда и философія въ веселомъ и живомъ воображеніи, и чуждая сего дикаго виду, которой придаешъ ей важное и наименное глубокомысліе; попеременно находятъ въ немъ разборчивыхъ и не менѣе страстныхъ любителей. Въ немъ каждый снимаетъ съ себя личину, и позволяетъ своему разуму свободное теченіе; пріятности являются въ немъ безъ украшеній, играми, шуткою и смѣхомъ преслѣдуемыя. Говоришь о многихъ предметахъ; и сего довольно, чтобъ познать ихъ. Часы пролетаютъ; тысяча различныхъ веселій услаждаетъ чувства; и всѣ сердца отверсты радостямъ въ семъ пріятномъ множествѣ, гдѣ царствуетъ веселіе, и гдѣ принужденная благопристойность обычаевъ навсегда изгнана.

Подите теперь праздные и обольщенные юноши; подите воздыхать у ногъ премудро-

сти;

сти; теряйте время драгоцѣнное; стеняте въ противностяхъ; вожжигайше куренія холодному высокомѣрію; льстите прелестямъ красоты обычной, которая сдѣлаетъ тысячу предисловій достоинству жертвоприношенія, надменно цѣну ея возвышая, и которая обольститъ васъ такимъ искусствомъ, коего всю несправедливость, къ учиненію васъ совершенно смѣха достойными, скоро вы сами познаете; подите сердца несмысленныя, будите жертвою обмана, раби малодушные, раби самовольные хитрыхъ упрямствъ; вы конечно такъ рождены, чтобъ носить сіи оковы столь же постыдныя, сколь и тяжкія!

Любовники мои, люди разумные и умѣющіе пользоватися жизнію, не представляютъ сего лица смѣшнаго, благоразумно щадя время; не почитаютъ они меня такимъ идоломъ, предъ коимъ вѣчныя должно вожжигать куренія. Они не приносятъ мнѣ сіи жертвы, сіи всегдашнія старанія, сіи услужливости, сіи глупыя почести, сіе скучное смѣшеніе вздоровъ, въ которыхъ безконечные дни несмысленныхъ любовниковъ протекаютъ. Они мужи, они граждана, и обязаны прежде всего должностямъ, дарованіямъ своимъ и обществу. Они почитаютъ меня для того, что не налагаю я на нихъ невольничества; они любятъ меня для того, что требованія мои не простираются далѣе ихъ желаній; въ обхожденіи съ ними наблюдаю я сію послушность, которая имъ нравится, и сію откровенность, которая удивляетъ ихъ. Они-

Оивамъ надлежало бы воздвигнуть статуи Фринѣ: ибо кто лучше ее служитъ отечеству? Она столь же много печется о республикѣ, какъ и о волосахъ своихъ; она боготворитъ героевъ. Пролившіе кровь на сраженіяхъ, становятся наидражайшіе ея любимцы; тогда-то она воздыхаетъ и приноситъ жалобу свою богамъ, что не довольно прекрасна, дабы достойнѣе наградить такихъ храбрыхъ воиновъ; она одна отплачиваетъ долгъ веселія, коимъ обязанъ весь народъ великому мужу. Она дѣлаетъ ему почести, и пріемлетъ его какъ Венера, коей она щастливая совмѣстница, встрѣчала бога Марса. Имя твое славно, Ксенократъ: выхваляютъ тебя, какъ человѣка великаго разума .... Этого довольно: Фрина любитъ тебя; она чувствуетъ склонность ко всѣмъ великимъ людямъ. Ты отказалъ Царямъ, призывающимъ тебя; по щастію не имѣю я ни скипетра ни короны; приди въ домъ мой, ты не сыщешь въ немъ ни великолѣпія ни гордости Монарше́й. Сократъ посѣщалъ Аспазію, и сіе служило къ умноженію его славы; приди, пусть ты изобразишь мою роскошь несносною; пусть по волѣ своей охуждать меня станешь; все мнѣ покажется въ тебѣ пріятно; я даже съ почтеніемъ съ тобой обходиться стану, естьли то тебѣ угодно; и даже философическія твои наставленія внимать буду: можетъ быть помѣняемся мы съ тобой въ нѣкоторыхъ частяхъ оной.

Обо-

Ободрись, храбрый Философъ, бери свое оружіе; столъ уже накрытъ: я хочу, чтобъ сидѣлъ ты возлѣ меня; естьли не побѣдятъ тебя тлѣнныя прелести, то не совсѣмъ лишена я ихъ съ стороны разума. Ты услышишь, какъ буду я философствовать. Естьлибъ по случаю была я столько же разсудительна, сколько кажусь тебѣ безумною; естьли бы столькожъ была важна и строга во многихъ мнѣніяхъ, какъ ты; то думаю, не мало бы ты тому удивился. Изъ далека ужасною я тебѣ кажусь; а въ близи нашелъ бы ты меня, можетъ быть, прелестною. Ты почитаешь меня преданною порокамъ; а я можетъ быть предана одному только дурачеству: ахъ! кто его не имѣетъ? Я люблю тебя, и признаюсь въ томъ; ты можешь тѣмъ превозноситься; я желаю понравиться тебѣ, для того, что ты мнѣ очень нравишься. Вотъ письмо довольно длинное, которое написала я къ тебѣ; да ты полно и человѣкъ не свѣтской, и не такой, которой бы изъ полуслова все понять могъ; я хотѣла нѣсколько подражать твоему многословію: однакожъ я окончала... Приди, любезной мой Ксенократъ! мнѣ надобно будетъ всѣхъ моихъ любовниковъ отослать отъ себя, зажечь домъ мой, и претворясь въ новую Гипархію, носить суму, шествуя за тобою; надобно будетъ наконецъ облещися въ плащъ; или, чтобъ признался ты въ моихъ объятіяхъ, что роскошь есть вещь, болѣе всего на свѣтѣ свойственная разумному творенію. Прости!

XXXXIX.

ИНЕСА

ПОВѢСТЬ,

Почерпнутая изъ III пѣсни Камоенсовой Лузіады.

Уже Лузитанія украшала чело свое Ахейскими вѣнцами, и Фебъ разсыпалъ надъ нею лавры и оливы. Побѣдоносный Алфонсъ, возвеличивъ знаменитыя свои подвиги именемъ Самодержца, возвратилъ своимъ подданнымъ покой и тишину. Окруженный трофеями, долженъ бы онъ былъ наслаждаться пріобрѣтенною громкими завоеваніями славою. Коль превратно человѣческое щастіе! въ нѣдрахъ отечества ожидала его лютая судьбина, уготовляющая ему угрызенія совѣсти и стыдъ безконечный. Сынъ его Домъ-Педро воспламенился красотами дѣвицы Инесъ де Кастро, ошъ древнихъ Князей Кастильскихъ произшедшей; но сей одаренный преизящными качествами и красотою наслѣдникъ престола, не имѣлъ смѣлости открыть свою склонность его родителю, гордостію и неукротимымъ гнѣвомъ обладаемому. Слѣдуя единственному влеченію своего сéрдца, совокупился онъ тайнымъ бракомъ со прекрасною Инесою. Любовь его не могла долго быть утаена отъ прозорливаго владѣтеля. Отвращеніе Домъ-Педрово отъ брачныхъ союзовъ увѣрило родителя о совершенномъ ослѣпленіи сына; но скрывалъ онъ

онъ внутри своего сéрдца, движенія своей ярости до времени. По усмиреніи вáрварскихъ народовъ благополучный Алфонсъ возвратясь во свою область уповалъ наслаждаться тишиною мира увѣнчаннаго побѣдами; но спокойство его долженствовало разторгнуться плачевнымъ приключеніемъ, приключеніемъ никогда неумирающимъ въ памяти человѣковъ. Жестокая любовь! сіе злоключеніе отъ тебя произтекло; ты обожателей твоихъ равно, какъ враговъ наказуешь! о мучительница! слéзы отъ тебя проливаемыя слабая для тебя жертва; ты жаждешь окровавленныхъ престоловъ. Прекрасная Инеса въ любезной тишинѣ услаждалась плодами ея цвѣтущей юности. Дни ея протекали въ тѣхъ пріятностяхъ воспламененнаго сéрдца, въ томъ прелестномъ и ослѣпленномъ забвеніи, въ томъ положеніи благоденствія, которымъ щастіе не допускаетъ насъ долговременно наслаждаться. Обиталa она во прекрасныхъ и цвѣтущихъ поляхъ Мондегойскихъ, которыхъ чистые вóды веселились изображая прелести любезныя Инесы. Тамо возвѣщала она чрезъ горное эхо, имя Домъ-Педрово, имя впечатленное любовію въ ея сердце. Нѣжное воспоминаніе, коимъ Домъ-Педро услаждаемъ былъ, соотвѣтствовало нѣжностямъ его возлюбленной: непрестанно представлялась она его зрѣнію. Удаленный отъ Инесы, видѣлъ онъ ее въ нощи при сладкихъ мечтаніяхъ сна: днемъ пламенныя его воображенія къ ней прилетали. Что ни представлялось ему, что ни слушалъ онъ,

каждый его шагъ, всякая веселость въ разлу. ченіи съ Инесою ее на память ему приводили. Всѣ брачные союзы опиергалъ онъ. Никакая красота, никая царская дщерь не могли польстить его сердцу. Любовь! тѣ кои суть во пвоей власти, пренебрегаютъ все то, что не есть ты. Родишель домъ-Педровъ съ огорченіемъ взиралъ на страсть уклоняющую сы. на его отъ брачныхъ союзовъ. Непокорность домъ-Педрова и роптаніе народное распаляли гнѣвъ его. Рѣшился наконецъ, и клянется погубить Инесу, ласкается потушить въ ее крови любовь вожженную въ домъ-Педрѣ. Какъ небо допустило, руку не задолго торжествующую надъ лаврами, сію руку вооружиться пропиру слабыя и нещастныя любовницы? Меченосцы влекутъ ее предъ Государя: влекутъ, и жалость чувствуютъ. Но гласы народные и совѣты жестокосердыхъ любимцевъ мучительству ее подвергаютъ. Печальная Инеса входитъ и произноситъ вопли страха и горести, не о себѣ уже болѣзнуетъ, трепещетъ она о злощастіи любезнаго домъ-Педра, о дѣтяхъ, кои неоцѣненнымъ залогомъ любови ихъ были. Подъемлетъ къ небесамъ очи въ слезахъ погруженныя; одни очи .... Увы! невинныя ея ру́ки оковами были отягчены .... Опускаетъ свои глаза на стоящихъ вокругъ нее сыновъ, коихъ сиротами покидаетъ; опускаетъ, вопіетъ къ ихъ дѣду: увы! ежели свирѣпые звѣри, привыкшіе къ кровопійству, ежели хищныя птицы чувствуютъ жалость ко птенцамъ своимъ, питаютъ и охра-

охраняютъ ихъ, какъ-то повѣствуютъ о двухъ брашіяхъ основашеляхъ Рима; о! ты, имѣющій образъ и сердце человѣческое, [не знаю, можно ли шако нарицать умершвляющаго жену, неимѣющую кромѣ слезъ другаго предстапельства, ни другія вины, кромѣ привлеченія сердца, мое сердце привлекшаго] Альфонсъ! сжалься надъ сими злощастными младенцами! почувствуй ихъ сокрушеніе, ежели моего не чувствуешь. Ты торжествуешь надъ варварами; ты умѣлъ предать смерти твоихъ враговъ; умѣй подарить жизнію невинность. Я не заслуживаю смерьши: но ежели жаждешь наказять меня: пошли меня въ пустыни хладныя Скиеіи, или въ горящія пески Африки, обишать посреди львовъ и тигровъ. Между сихъ чудовищъ найду жалость, коей здѣсь не нахожу. Тамо въ слезахъ буду пр вождать болѣзненные дни мои, все мое попеченіе, всѣ мои мысли обратяпіся къ соблюденію жизни сихъ нещастныхъ. Буду воспитывать, буду украшать ихъ юность, имѣя наполненное сердце тѣмъ видомъ, за который толико мукъ прешерпѣваю, и въ послѣднее себѣ подкрѣпленіе, взирая на дѣтей моихъ, буду воображать ихъ родителя.

По сихъ словахъ, по сихъ чувствительныхъ жалобахъ, свирѣпая Монархова спаросшь къ сожалѣнію клонилась: но народъ и судьбина, равно не утолимыя, требовали своей жертвы. Жестокія Алфонсовы совѣтники, орудія приговора на Инесу, увидя государя пронунціаго-

ся, не устыдились противу слабыя жены извлечь мечей своихъ —— Немилосердые! вы рыцари; а дѣлаетесь убійцами! ослѣпленны бешенствомъ, неугрызаемы совѣстію, не ужасаясь мщенія, вонзаютъ желѣзо во прекрасную шѣю: окровавляютъ груди, орошенную слезами, сіе наилучшее твореніе любви и натуры, обожаемое несчастнымъ домъ-Педромъ.

Солнце! какъ ты могло освѣщать толь ужасное зрѣлище! умерщвленіе безвинной Инесы осквернило твои лучи. А вы свидѣтели ея смерти, плачевные мѣста, кои при послѣднемъ ея воздыханіи, внимали изъ устъ ея имя вѣрнаго домъ-Педра, твердите непрестанно сіе названіе, и жалобы умирающей Инесы. Инеса умерла, и какъ посѣченный цвѣтокъ, безвремянно засыхаетъ и вянетъ, тако смертію пожираемы померкли прелести нещастныя любовницы. Цвѣтъ жизни и красоты погасъ на умирающемъ ея лицѣ, ирозы исчезли при блѣдности умерщвленныя. Нимфы мондегонскіе долго ее оплакивали. Слезы пролитые ими превратились въ фонтану, нарицаемую еще и нынѣ фонтаною любви. Плачевный монументъ, который дальнему потомству напоминать будетъ Инесу и ея любовника.

Но свирѣпыя убійцы Инесины не избѣгли мщенія. Едва сей несчастный наслѣдникъ и любитель вступилъ на престолъ его роди-

те-

шеля, привлекъ кровожаждущихъ враговъ Инесиныхъ къ мѣсту ее казни. Тщенно льстились они сыскать убѣжище у Петра Кастиліанскаго. Сіи государи условились незащищать ихъ злодѣевъ; кровь Инесина вопіяла и пребовала мщенія. Въ жертву сіпѣнящей ея шѣни принесены злые Алфонсовы совѣтники: тѣла ихъ на части растерзаны. Прахъ Инесинъ извлеченъ былъ изъ гробницы, и орошенный слезами вѣрнаго ея супруга, увѣнчанъ былъ короною принадлежащею Лузитанскимъ королевамъ. Тако злоба жестокосердыхъ людей мщенія убѣжать не можетъ, и поздно или рано наказуема бываетъ. Итако невинность оправданіе на земли, а безъ сомнѣнія и на небеси и по смерти получаетъ.

Да укротитъ сіе повѣствованіе нечестивыхъ, и да усладитъ страждущую добродѣтель.

L.

Идиллія.

Когда весеннія красоты обновили природу своими прелѣстями; когда распускающимися зелеными листочками одѣлися вѣтвы древесныя; когда потекли журчащіе ключи по мѣлкимъ камешкамъ, и когда птицы лѣтая между ароматныхъ кустарниковъ сладкимъ своимъ пѣніемъ начали возглашать свою свободу: тогда младая и прекрасная Амелина, гуляя по испещренным полямъ, орошала слезами своими растущія цвѣты. Она произносила

вздохи, и предавалась унынію; „Увы! раз-
„мышляла она сама съ собою: возобновилась
„жизнь всей природы. Солнце, соединя те-
„плоту свою со влажностію росы, даетъ
„жизнь растеніямъ. Здѣсь распускаются ли-
„сточки и цвѣты, тамъ зеленая мурава пи-
„тается жизненными соками; тутъ потоки,
„донынѣ льдомъ покрытые, получили нако-
„нецъ свободное теченіе; ихъ струи, заклю-
„ченныя прежде сего въ неволю, съ пущею
„быстротою стремленіе свое направляютъ.
„Все здѣсь оживилося: но въ сердцѣ моемъ
„умерщвляется свобода и спокойствіе. —
„Елцидъ! рекла она, ты умертвилъ мое утѣ-
„шеніе, и поселилъ горести въ моемъ сердцѣ!
„спражду разлукою съ тобою: прошелъ ужѣ
„назначенный срокъ твоего ко мнѣ возвраще-
„нія; ты прощаясь со мною, и соединя сле-
„зы свои съ моими слезами сказалъ мнѣ, что
„солнце меня больше пяти дней освѣщать
„безъ тебя не будетъ; но увы! ужѣ оно въ
„седьмой разъ сіяетъ надъ мрачными моими
„очами, а тебя еще нѣтъ. Начто не по-
„меркаетъ дневное свѣтило? Я бы можетъ
„обманулась въ теченіи печальныхъ дней мо-
„ихъ: . . . Но нѣтъ, сердце мое ихъ исчи-
„сляетъ. Увы! возвратись, Ельцидъ! и ожи-
„ви такъ радостію печальное сердце мое,
„какъ солнце своимъ восхожденіемъ оживляетъ
„всѣ красоты природы. „ Когда скорбящая
Амелита вѣщала свои горести, тогда услыша-
ла она, что эхо произноситъ послѣднія слова
ея имени. Амелита возмутилась, и бѣжала

въ

въ ту страну, гдѣ повторялося эхо. Приближась къ кустарнику, увидѣла она летающаго Ерота: онъ имѣлъ въ одной рукѣ калчанъ и стрѣлы, въ другой держалъ вѣнокъ, которымъ Амелита прощаяся съ Ельцидомъ его покрыла. Возтрепетала Амелита, и простерла ру́ки свои къ Еротy. Еротъ прилѣтя къ ней указалъ, что вѣнокъ развязанъ, и потомъ связавъ его самъ прелъ Амелитою бросилъ въ дремучій лѣсъ, указавъ Амелитѣ путь къ вѣнку, Еротъ сокрылся. Амелита съ торопливостію бѣжала къ дремучему лѣсу, сквозь терніе по желтымъ пескамъ продолжала она путь свой, и подошла наконецъ къ кедровому древу, подлѣ дре́ва нашла вѣнокъ самимъ Еротомъ связанной. Амелита возмутилась, подняла его, и не знала, въ которую страну ей путь свой направить: но вдругъ увидѣла она изъ зеленаго шалаша, бѣгущаго къ ней Ельцида. Радость и боязнь обладали сердцемъ Амелиты. Она кинулась въ его объятія: но Ельцидъ съ робостію облобызалъ ее; „увы! сказалъ онъ „ей: радость твоя умножаетъ мое смущеніе: „она вѣрность твою мнѣ показываетъ, ты „никогда невѣрному Ельциду измѣны не дѣ„лала.„ Внимая слова его Амелита воспрепетала: потоки горькихъ слезъ потекли изъ очей ея: „увы! рекла она ему: убивай меня „своею невѣрностію: спѣши увѣрить меня въ „твоемъ непостоянствѣ. Ужасная печаль сія „можетъ быть повергнетъ меня мертву предъ „очами твоими. —— Нѣтъ, прекрасная Ame„лита! прервалъ Ельцидъ, внимай мое раска-

„ яніе, смотри на угрызенія моей совѣсти,
„ на возобновляющуюся мою любовь къ тебѣ,
„ и моимъ терзаніемъ ободри унылое твое
„ сердце. Ахъ! возлюбленный Ельцидъ! рекла
„ Амелита: минута твоего раскаянія замѣня-
етъ мнѣ всю твою измѣну: кленусь не напоминать тебѣ о твоемъ непостоянствѣ, и кленусь простить тебѣ невѣрность твою. Но спѣши открыть мнѣ, какой случай и какая другая любовь заставили тебя нарушить нѣжную страсть твою ко мнѣ. Таковымъ признаніемъ сильнѣе утвердишь меня, что сердце твое обратило ко мнѣ прежнюю твою вѣрность. Стыдъ и смущеніе мѣшаютъ мнѣ признаться тебѣ, сказалъ Ельцидъ; но я успокою тебя, и не скрою моего преступленія. Разставшися съ тобою, продолжалъ онъ, потерялъ я путь мой между дремучаго лѣса, и приведенъ сталъ къ Цитерскимъ предѣламъ. Въ самое сіе время Цитерскіе жители отправляли торжественныя игры. Младыя нимфы собравшися къ Цитерину храму воспѣвали гимны богинѣ. Прекрасныя Граціи стрегли предмѣстіе храма, летающіе Геніи сыпали по Цитерскимъ полямъ ароматные цвѣты, и вѣнчали нимфъ лавровыми вѣнцами. Тамъ расту-щія Миртовыя деревья сплѣтали свои вѣтьви другъ со другомъ, источникъ соединялъ свое теченіе съ другимъ источникомъ, травка свивала свои листочки съ растущею подлѣ нея травкою. Казалось, все въ природѣ тамо любило. Увы! робѣю открыть мое преступленіе, сказалъ Ельцидъ; но Амелита забывъ его из-

измѣну упрашивала его продолжать свои приключенія. Такъ, сказалъ Ельцидъ, въ самыхъ сихъ мѣстахъ я измѣнникомъ сдѣлался, увидѣлъ тамъ младую Нимфу, красота ея меня плѣнила, и она облечена была въ бѣлую одежду, распущенныя власы перевивающіяся лазуревыми цвѣтами, лежали по плечамъ ея: цѣпи, соплѣтенныя изъ миртовыхъ листовъ разбросаны по бѣлой одеждѣ ея: вѣнецъ имѣющій видъ радуги покрывалъ главу ея. Она неся воду въ сосудѣ для поливанія олтаря въ Цитериномъ храмѣ. Я къ ней приближился, и вопросилъ, куда она путь свой направляетъ, она поднесла ко мнѣ сосудъ, и отвѣчала такo:

Коль выпьешь сей воды, узнаешь тѣ пути,
Которыми стремлюсь до щастія дойти.

Не остерегаяся ея хитрости выпилъ я воду изъ сосуда, и въ самую сію минуту почувствовалъ, что самая та любовь, которую ты меня узнать научила, самая та любовь обратилась къ сей нимфѣ. Внимая сіе Амелита сугубѣе возмутилася. Ельцидъ хотѣлъ прервать повѣствованіе; но Амелита съ нѣжностію принуждала его окончать оное. Я, сказалъ Ельцидъ, хотѣлъ удалить себя отъ начинающейся во мнѣ страсти, помня, что сердце мое одной тебѣ принадлежать должно: но хитрая нимфа, или лучше сказать, волшебница, взявъ мою ру́ку сказала, что я долженъ прелъ олтаремъ Цитерской богини содѣлать кляту́ву любви моей къ ней. Не умѣлъ я болѣе противиться словамъ сея нимфы,

фы, пошелъ съ нею, и мы уже были въ пред. двери храма, я снялъ съ головы моей вѣнокъ, которымъ ты меня покрыла. Ахъ! сколь сильное раскаяніе волнуетъ мое сердце! . . . . Успокойся Ельцидъ, сказала Амелита, вотъ тотъ вѣнокъ, онъ возвращенъ мнѣ, и я забываю минувшія твои невѣрности. Такъ прекрасная и вѣрная Амелита, сказалъ Ельцидъ, я снялъ съ головы моей вѣнокъ, и развязывать его началъ, дѣлая тѣмъ знакъ, что любовь между нами съ тобою должна быть развязана; но Еротъ, любящій твою вѣрность, защитилъ тебя. Онъ летая вокругъ храма прилетѣлъ ко мнѣ, и съ грознымъ видомъ вырвалъ изъ рукъ моимъ вѣнокъ. Неизвѣстная мнѣ сила повлекла меня отъ Цитерскихъ предѣловъ, и я скоро почувствовалъ себя перенесенна въ сей дремучій лѣсъ, и въ сей пріятный шалашъ, изъ котораго я тебя ко мнѣ бугущую увидѣлъ. Ахъ! любезная Амелита, продолжалъ онъ проливая слезы раскаянія, какое отчаяніе здѣсь терзало мое сердце! и сколь сильную любовь оно къ тебѣ возобновило! . . . Пріими меня въ свои объятія Ельцидъ, съ нѣжностію сказала Амелита, и тѣмъ награди меня за все мое мученіе, и за всю твою невѣрность . . . Ельцидъ упалъ въ объятіе Амелиты, ея снисхожденіе усилило въ немъ любовь его къ ней. Они клялись другъ другу вѣчною вѣрностію; а Ельцидъ не былъ уже преступникомъ клятвы своея въ другой разъ. Нѣжные сіи любовники возвратились въ прекрасныя поля Амелитою обитаемыя, и

Еротъ

Еротъ пекущійся о ихъ вѣрности, увѣнчялъ сердца ихъ вѣчнымъ постоянствомъ; а Гименъ возложилъ на нихъ брачный вѣнецъ.

Истинная любовь никогда мстительна не бываетъ; часто прощаетъ она и самую измѣну, обращая тѣмъ непостоянное сердце къ пущей вѣрности.

LI.

УСЛУЖЛИВОЙ,

или

ДОБРЫЯ НАМѢРЕНІЯ

Печальная повѣсть.

Я былъ въ первыя лѣта моей жизни щастливѣйшій человѣкъ, и почиталъ, что я сею моею жизнію обязанъ одному честному человѣку. Дни мои препроводилъ я съ сестрою весьма любви достойною; трудъ мною употребленной въ угожденіе ея склонностямъ, наградилъ я чрезъ щастливое послѣдованіе и совершенныя способности наипріятнѣйшимъ образомъ въ свѣтѣ, и имѣлъ нѣжнѣйшаго и пріятнѣйшаго человѣка другомъ.

Первая моя печаль на осьмнатцатомъ году была опасная болѣзнь того, кого называлъ я пріятнымъ именемъ отца, и которой весьма былъ достоинъ всей моей любви. Я не оставлялъ его ни на одну минуту, и моя бла-

го-

голарность за всю его ко мнѣ любовь столь была дѣйствительна, какъ будто бы она была природная. Опасность умножалась всякой день, и какъ я, такъ и Юнія видѣли уже его при смерти, которая для насъ была величайшимъ нещастіемъ.

Фалфре, сказалъ онъ мнѣ въ одну ночь, когда я при немъ былъ, прикажи служанкѣ удалиться отсюда. Я чувствую, что я теперь въ силахъ говорить, и мнѣ очень хочется съ тобою быть наединѣ: поспѣшай! и не тратъ времени.

Я исполнилъ его приказаніе, Сусанна вышла вонъ, и я подошедъ къ постелѣ Монтбелевой, взялъ его ру́ку, которую омочилъ моими слезами, сколько ни старался ихъ удержать. —— „Ты плачешь, сказалъ онъ —— „ахъ! и ты еще нещастія не предвидишь, о которомъ я тебѣ хочу открыть? —— „Нещастія? Перервалъ я его рѣчь. Ахъ! естьли мы еще не совсѣмъ лишились надежды о возвращеніи вашего здоровья, и ежели внятны наши моленія, то чего не достаетъ къ нашему благополучію?

Выслушай меня, отвѣчалъ онъ, нещастный Фалфре! провидѣніе, въ руки котораго я скоро предамъ свой духъ, будетъ моимъ свидѣтелемъ, что я воспитывая васъ вмѣсто сына, желалъ имѣть васъ такимъ, какимъ нахожу: но опредѣленія судьбы, которымъ дол-

должно повиноваться, благословили мой брякъ рожденіемъ одной только Юніи? —— „Что вы говорите?„ Вскричалъ я съ дикимъ видомъ, съ отверстыми, дрожащими и простянутыми руками, какъ будто бы хотѣлъ я отвратить отъ себя ужасную истинну имъ мнѣ объявленную.

Не умножай моей скорби при послѣднихъ минутахъ, сказалъ онъ, любезный Фалфре! и принудь себя нѣсколько, сію ночь совершенно меня выслушать; можетъ быть сіе будетъ послѣднимъ, о чемъ я съ тобою говорить могу. —— Вы правду говорите, отвѣчалъ я, но я прошу васъ, сократите сію, меня и васъ трогующую повѣсть. —— Однимъ словомъ скажите, о почтенный Монтбель! сынъ ли я вашъ, или нѣтъ? —— Вы мой другъ, и на вѣки тѣмъ останитесь, и для меня весьма неоцѣненно и свято называть васъ такимъ именемъ —— скажите, вы ли мой отецъ? —— Небо лишило меня сего щастія.

Я стоялъ тогда потупивши въ землю, и зажмуривши глаза нѣсколько минутъ неподвижно, какъ будто бы ихъ на себя обратить хотѣлъ. Монтбель, подавши мнѣ свою ру́ку взялъ мою, и пожавши ее старался меня чрезъ то нѣсколько ободрить. Фалфре, сказалъ онъ мнѣ, сколько для меня ужасно, что я столько горести причиняю твоему сердцу; ибо я знаю, что ты бы охотно призналъ меня за своего отца. —— Ахъ! сказалъ я, добродѣтель-

тельной Монтбель! возможно ли мнѣ болѣе желать, какъ отъ васъ все имѣть? Но вы безъ сомнѣнія знаете, кто я и кѣмъ поручено вамъ мое воспитаніе? —— Прочитай, сказалъ онъ, первое письмо, которое я о тебѣ получилъ.

Къ господину Монтбелю

Государь мой!

Нѣкоторая особа имѣетъ нужду въ столь молчаливомъ и столь честномъ человѣкѣ какъ вы; почему и осмѣливается прибѣгнуть къ вамъ, недавши прежде о томъ вамъ знать, что придневное дитя поручено кормилицѣ Лагни въ Бріи, которое признано за вашего сына; то не посрамите той надежды, въ которой насъ о вашихъ благодѣяніяхъ увѣрили, и будьте до нѣхъ поръ младенцу Фалфре отцомъ, пока не дозволятъ обстоятельства родителямъ себя открыть. Вы будете получать ежегодно извѣстную сумму денегъ на содержаніе. Но васъ просятъ, чтобъ вы не домогались узнать, кто таковы тѣ, кои даютъ вамъ сей знакъ своей къ вамъ довѣренности, и никого въ семъ сомнительномъ дѣлѣ не дѣлать повѣреннымъ.

Они не ошиблись въ своей ко мнѣ довѣренности, продолжалъ онъ. Я прочитавъ сіе письмо поѣхалъ къ Лагни, чтобъ тебя посмотрѣть и о себѣ дать знать. Но смерть моей жены и нѣжное младенчество моей дочери лишили меня всей вольности, которая мнѣ тогда

тогда была нужна. Для большей безопасности перемѣнилъ я своихъ слугъ и жилище, съ тѣхъ поръ почувствовалъ я къ тебѣ любовь при первомъ взглядѣ.

Ты знаешь, что я съ того времени для тебя дѣлалъ, и могъ ли бы мой собственной сынъ быть сколько мнѣ любезенъ. Но Фалфре, я умираю; и ты не будешь имѣть ни малаго участія въ моемъ имѣніи, понеже я въ судебномъ мѣстѣ не засвидѣтельствовалъ того, что я тебя пріемлю вмѣсто сына, и сіе скоро будетъ извѣстно, что жена моя оставила мнѣ одну только Юнію, и ты изъ сего легко заключить можешь, чтобъ я тебѣ объявилъ о твоемъ происхожденіи, дабы ты не входилъ въ споръ съ моими родственниками.

„Государь мой, сказалъ я, и вы по этому съ самаго того времени въ разсужденіи меня ничего не открывали? —— „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, и всякой годъ то изъ того, то изъ другаго мѣста получалъ векселя на обѣщанную годовую сумму, которая была не велика, и я былъ столько доволенъ быть твоимъ отцемъ, что самъ бы я стыдился такой платы. И такъ я всѣ тѣ деньги, которыя по симъ векселямъ собралъ, для тебя сохранилъ: и сіе-то есть не большое имѣніе, которое я тебѣ оставляю, и ты его найдешь.„

Ахъ! вскричалъ я, бросившись къ нему въ объятія, изъ всѣхъ бѣдствій, которыхъ я могу опасаться, ни одно столь для меня не-

ужасно, какъ-то, что я васъ лишаюсь. И когда бы Богъ продлилъ вашу жизнь, я бы охотно пересталъ жаловаться на свое нещастіе.

Дозволь мнѣ докончить свой разговоръ, сказалъ слабой Монтбель. Ты знаешь, что ты прошедшаго года больше по справедливости хотѣлъ полагаться на мои совѣты, нежели на мою къ тебѣ склонность; ибо я думалъ, что ты всю возможную имѣешь способность, предупредить себя въ томъ своими дарованіями; но я получилъ въ другой разъ слѣдующее письмо, отъ неизвѣстной особы, въ которомъ о тебѣ же пишетъ.

Господину Монтбелю.

Слышно, что Фальфре хочетъ вступить въ статскую службу: но сіе состояніе противно намѣреніямъ его родителей, которые еще должны скрываться, ежели онъ желаетъ избрать военную службу, то годовая на содержаніе сумма опредѣлится ему вдвое. Господина Монтбеля, которому не можно довольно возблагодарить за хорошее воспитаніе своего питомца просятъ, чтобъ онъ его къ тому склонилъ.

Я признаюсь тебѣ, продолжалъ онъ, что слухъ, которой нынѣ идетъ о наступающей войнѣ, меня въ ужасъ приводитъ; ты мнѣ столько милъ, Фалфре, что я не могу еще принять намѣренія пустить тебя въ такія опасности. И такъ я по второму письму поступая оставилъ свое намѣреніе далѣе обучать тебя

тебя правàмъ, и тебѣ сказалъ о томъ, что я ужѐ свои мысли перемѣнилъ; но долженъ ли я тогда, когда вижу противное моему намѣренію, передъ тобою скрыть то, чего отъ тебя требуютъ?

Монтбель едва произнесши сіи слова̀, и приложивши ко лбу свою̀ ру́ку, на которомъ холодной потъ выступилъ, упалъ въ обморокъ. Я позвалъ служанку ему, или почти можно сказать, себѣ на помощь; ибо былъ я внѣ себя, и только одна любовь была мнѣ помощію въ преодоленіи своего смущенія.

Мы были столько щастливы, что его привели въ себя, и сіе приключеніе, которое причинило мнѣ великой страхъ, было для Монтбеля столь полезно, что ему на другой день на разсвѣтѣ гораздо лучше стало. Сія нечаянная перемѣна была удивленіемъ для его лѣкарей, и намъ подала великую надежду къ его выздоровленію.

Сколь чрезвычайнымъ должно быть сіе состояніе для чувствительной души, когда мы чувствуемъ вдругъ двѣ одну другой противныя страсти насъ возмущающія; съ одной стороны угнѣтающее бремя жестокой печали, а съ другой нечаянное удовольствіе произшедшее отъ щастливаго приключенія. Внутренно мучимъ мыслями, которые вперилъ мнѣ Монтбель открытіемъ печальной тайны, и въ то же самое время чувствовать пріятное утѣшеніе отъ того,

что есть надежда къ выздоровленію Монтбеля: но радость изображенная на моемъ лицѣ симъ послѣднимъ случаемъ, имѣла свóйство нѣкоторой конвульсіи, кою труднѣе описать, нежели чувствовать.

Юнія, побужденная нетерпѣливостію узнать о своемъ отцѣ пришла къ намъ. При ея взорѣ казался мнѣ нѣкоторой, такъ сказать гласъ, изъ сéрдца моего вопіющій: Фалфре, ты ужè болѣе не братъ Юніи, и сіе воображеніе произвело великую перемѣну на моемъ лицѣ. Я бѣжалъ къ ней на встрѣчу: Юнія, вскричалъ я съ великимъ восхищеніемъ, мы не имѣемъ больше опасности: благополучной обморокъ возвратилъ намъ то, что для насъ всего любезнѣе на свѣтѣ.

По сихъ словахъ упала она въ мои рýки: — въ мои руки? Ужасное положеніе, которое я еще и нынѣ помню —— о добродѣтель, сколь скоро твое осязаніе! Я трепеталъ, и ты была тому причиною: однако Юнія не имѣла времени сего примѣтить, и побѣжала къ постелѣ своего отца.

Ее отнесли отъ него противъ ея воли; ибо для Монтбеля нýженъ былъ покой, и какъ я за нею слѣдовалъ, братецъ сказала она мнѣ въ полномъ восхищеніи, не изволишь ли со мною войти въ мой покой.

Я извинился предъ нею тѣмъ, что я обезпокоился, и мнѣ надобно отдохнуть, оставилъ ее, и заперся въ своей комнатѣ, чтобъ со-

собрать безпорядочно разсѣянныя мысли, которыя меня мучили, и мою голову встревожили такъ, какъ обыкновенно случается съ нами, когда мы во время горячки въ безпамятствѣ бываемъ, что тысяча химерическихъ воображеній приходитъ, одно другое прогоняющихъ и изтребляющихъ.

Нещастной, сказалъ я самъ себѣ! я лишаюсь нѣжнѣйшаго и истиннаго отца, и ахъ! кто таковъ тотъ, кто даровалъ мнѣ жизнь? —— Не поносной ли я плодъ гнусной страсти нынѣшняго времени? Незаконной любви, которую Богъ и законы осуждаютъ? —— Сія сокровенная тайна, скрывающая мое рожденіе не подобна ли тѣни, подъ которою порокъ старялся укрыться? —— Такими воображеніями умножилъ я стыдъ меня окружающей, и представлялъ себя гнуснымъ, и отвращенія достойнымъ.

Неблагодарной, прибавилъ я къ тому, ты воображалъ себѣ, что, когда Юнія тебѣ уже не сестра, то дружество, которое ты къ ней имѣешь, можетъ перемѣниться въ въ нѣжнѣйшее и живѣйшее чувствованіе. —— Ахъ чудовище,! знаешь ли ты тотъ долгъ, которымъ обязанъ Монтбелю? —— И какое сердце хочешь ты вручить его дочерѣ? —— Сердце такого человѣка, которой предъ глазами цѣлаго свѣта краснѣть долженъ? —— Поди, бѣги, сказалъ я самъ себѣ, осмѣлься въ томъ изъясниться, и чтобъ наказать себя

по достоинству, то привлеки на себя презрѣніе, и соедини съ твоимъ безчестіемъ грызеніе совѣсти.

Отъ сего отчаянія приведшаго меня почти до самоубійвства, полились въ ту же самую минуту ручьями слёзы, но утѣшеніе видѣть Монтбеля въ прежнемъ здоровьѣ, услуги, которыя ему я оказать могъ, и которыми ему былъ долженъ, преодолѣвали иногда печальныя и дикія предстявленія, но они паки возвращались. Наконецъ сіи жестокія движенія столько обезпокойли мою голову, что начальъ теряться мой разсудокъ; словомъ сказать, вдругъ почувствовалъ я въ моей крови горячку.

Совершенное лишеніе моего духа, и глубокое молчаніе заставило меня съ начала сомнѣваться о моемъ выздоровленіи. Столь мало я зналъ о своемъ состояніи, что цѣлую недѣлю не узнавалъ я никого изъ людей около меня находившихся. Юнія называла меня стократно своимъ братомъ; но я не слышалъ ни ея словъ, ни ея прелестнаго лица не видалъ. Первой знакъ моей жизни былъ тотъ, что я узналъ Монтбеля, пожавшаго мнѣ ру́ку. — Это вы, Монтбель, сказалъ я? Такъ отвѣчалъ онъ, это я, любезный Фалфре, которой старается возвратить тебѣ жизнь. Ежели тебѣ жизнь моя мила, то знай, что она зависитъ отъ твоей. Ежели ты не подашь мнѣ сей надежды, то кончитъ конечно плачевная смерть дни мои.

Какъ

Какъ вы можете мнѣ жизни желать? сказалъ я ему. Мнѣ твоя жизнь нужна, Фалфре, отвѣчалъ онъ, и твоя смерть будетъ смертію и моею. —— Хорошо, говорилъ я, такъ я буду просить небо о семъ плачевномъ дарѣ: вы можете мнѣ ее дать, и я приму сіе угнѣтающее бремя, чтобъ показать вамъ тѣмъ живѣйшую благодарность.

Въ самомъ дѣлѣ казалось, какъ будто бы съ сей минуты никакой больше опасности во мнѣ не было. Силы, которыя тогда почиталъ я за должность, имѣли больше дѣйствія, нежели всѣ лѣкарства; и я скоро потомъ въ состояніи былъ употреблять нѣсколько пищи.

Монтбель примѣтя нѣсколько разъ, что я Юніи едва могъ отвѣчать, что отвращался отъ ея, когда она что мнѣ подносила, и во первыхъ, что ее я не называлъ болѣе именемъ сестры, чѣмъ оскорблялъ его дочь; употребилъ онъ ту первую минуту, въ которую мы съ нимъ одни остались, въ свою пользу, и говорилъ мнѣ слѣдующія слова.

Фалфре! я думалъ, что я умру, открывши тебѣ свое сердце. Освободившись отъ болезни жаловался я каждую минуту на свою неосторожность причинившую тебѣ нещастіе, и которая почти твоей стоила жизни. Ради нѣжнаго дружества, которое я къ тебѣ имѣю, ради самой любви, мною въ тебѣ произведенной, забудь то, что я тебѣ сказалъ, и будь

таковъ же, каковъ ты былъ ко мнѣ предъ моею белѣзнію. Ты ни въ чемъ нужды не имѣешь, какъ только въ спокойномъ ожиданіи той минуты, которая тебѣ возвратитъ твоихъ родителей. Ты знаешь, что оба письма̀ объявляютъ обстоятельства, сіе обѣщающіе. Вы должны быть знатнѣе меня, что я заключаю изъ знатной ежегодной суммы, которую я перещитываю вѣрнѣйшимъ образомъ. Еще присовокупимъ мы желаніе, чтобъ ты воинское состояніе предпочелъ статскому: заключаю я также изъ повелительнаго сло́га писемъ, что меня въ томъ и утверждаетъ, что вы должны происходить отъ кро́ви знатной особы. —— Ахъ! что мнѣ все сіе принесетъ по́мощи, когда я притомъ опасаться долженъ, что я плодъ поносной любви. —— Фалфре, будь разуменъ! ты отъ сихъ воображеній впалъ въ болѣзнь, я бы очень обманулся, когда бы толь благородную ко мнѣ откровенность почелъ за что нибудь подлое и гнусное. Мы можемъ со временемъ всего надѣяться, любезной мой Фалфре. —— Вопервыхъ берегись ты, чтобъ Юнія не узнала сей тайны изъ перемѣны твоего съ нею обхожденія. Можетъ быть твое щастіе отъ того зависитъ, по крайней мѣрѣ кажется, что сіе заключаетъ въ себѣ много тайнаго, что примѣчено, съ столь долгаго времени: словомъ, будь всегда моимъ сыномъ, всегда братомъ Юніи; въ противномъ же случаѣ насъ узнаютъ.

Монт-

Монтбель принудилъ меня обѣщать, чтобъ я не подавалъ больше причины Юній жаловаться на мою къ ней холодность, и я то обѣщалъ. Но какъ скоро мы находились вмѣстѣ, и я слышалъ ея искренній голосъ, къ которому мы съ младенчества привыкли, то чувствовалъ я, что моя добродѣтель колебалась, и почти мои силы превозмогла.

Я осмѣливался ее называть иногда сестрою, чтобъ сдержать Монтбелю свое слово: но оставался, сколько возможно рѣдко, дома, подъ видомъ, что мое здоровье, разсѣянныя мысли и вольной воздухъ того требовали.

Цѣлые дни препроводилъ я у Бигни сего нѣжнаго друга, о которомъ выше упомянулъ. Его живое дружество, которое доходило даже до бѣшенства, дѣлало его мнѣ безконечно драгоцѣннымъ. Но равномѣрная жестокость, его любопытство все знать, и чрезмѣрная его ревность должны бы были меня предостеречь въ нарушеніи даннаго Монтбелю слова.

Сколько я ни старался скрывать отъ него мое безпокойство, въ которомъ я находился, однако онъ примѣтилъ оное, и желалъ знать тому причину. Фалфре, сказалъ онъ мнѣ, ты нарушаешь своею скрытностію право дружества. Ты скрываешь отъ меня печаль, тебя терзающую: ты вздыхаешь безпрестанно, что это значитъ? Я долженъ то знать: скажи, что съ тобою сдѣлалось? —— Я отвѣчалъ ему, что ничего: это конечно оставшаяся отъ бо-

лѣзни нѣкоторая слабость, умалившая мои обыкновенныя силы, которыя со временемъ возвратятся.

Нѣтъ, ты ихъ не получишь, отвѣчалъ мой другъ, ежели не откроешь мнѣ своего сердца: печаль будетъ тебя съѣдать, я то знаю. —— Ты заблуждаешься, отвѣчалъ я ему въ одинъ день съ постояннымъ видомъ. Бигни замолчалъ, и отпустилъ меня домой не допытываясь болѣе узнать моей тайны.

Нѣсколько дней спустя потомъ случилось мнѣ противъ моей воли изъясняться съ Юніею, чего я всегда убѣгалъ. Не думай, сказала она мнѣ, чтобъ я попустила себя долѣе обманывать отговоркою, которою ты стараешься всегда прикрывать свои частыя отлучки. Ты можетъ быть имѣлъ бы изъ того удовольствіе, чтобъ мнѣ дать знать, что рѣдкое со мною свиданіе тебѣ пріятно; но теперь ты меня передъ собою видишь. Что я тебѣ сдѣлала? Скажи мнѣ чистосердечно! какой учинила противъ тебя проступокъ твоя сестра?

Любви достойной Юніи вопросы были столь трогающіе, что я долженъ былъ отвѣчать: но такъ смѣшался я въ своихъ извиненіяхъ, что тѣмъ болѣе умножилъ ея безпокойство. —— О любезный братъ, вскричала она, ты не имѣешь больше къ Юніи ни малой любви, и ни малѣйшаго дружества! —— „Какъ? моя сестра дѣлаетъ мнѣ обиду? „ отвѣ-

вѣчалъ я, и кто можетъ противиться тѣмъ чувствованіямъ, которыя все къ ней привлекаетъ! — Ты, перервала она мою рѣчь, такъ ты, Фалфре: братъ, которой меня любилъ, которой мнѣ любезнѣе самой себя. —— Нѣтъ, тогда ты былъ ко мнѣ не таковъ, прибавила она къ тому, взявши меня за руку, и пожавши ее нѣжно, приближалась, чтобъ меня поцѣловать.

Трудъ мною употребленной къ избѣжанію ея поцѣлуя, принудилъ ее громко закричать. —— О! сказала она, я вижу, Юнія тебѣ опоспыла: тебѣ сказали что нибудь обо мнѣ противное: говори, Фалфре; это слѣдствія долговременнаго разговора съ моимъ отцемъ во время его болѣзни, когда вы Сусанну отъ себя выслали? Ибо съ того времени, —— Какъ я опасаяся слѣдствій, о которыхъ заключала она изъ примѣченной во мнѣ холодности, взялъ и самъ ея ру́ку съ нѣжностію, и къ ней приклонился.

Ничто не можетъ сравниться съ восхищеніемъ, съ которымъ она опустилась въ мои объятія. Сія ласка сколь была невинна для ея се́рдца, то столько же почти для моего мучительна. Огонь скоро воспалилъ кровь въ моихъ жилахъ; и я неиначе могъ скрыть свой пламень, какъ скорымъ бѣгомъ, котораго добродѣтель моя требовала.

Едва я ее оставилъ, какъ представилась мнѣ вся опасность моего у Монтбеля пребыва-

ванія, и произвела во мнѣ живѣйшій ужасъ! Бигни туда пришелъ, и хотѣлъ меня оповести. Онъ негодовалъ на то, что я скрывалъ отъ него тайну моей печали; и я еще пылая тогда пламенемъ, Юніею во мнѣ воспаленнымъ, не могъ долѣе при моемъ другѣ оной скрывать; онъ умножилъ свои жалобы, и началъ говорить со мною о любви, коей жертвою почиталъ онъ меня безъ сомнѣнія.

При словѣ любовь, бросился я въ объятія къ Бигни, и омочилъ его своими слезами, кои уже искали себѣ свободнаго теченія. Фалфре, говорилъ онъ мнѣ, наконецъ дружество побѣждаетъ, я пріемлю признаніе въ твоей страсти тобою учиненное, какъ искренній твой другъ; конечно тебѣ взаимною любовію не отвѣчаютъ? —— Я на то жаловаться не могу. —— Такъ препятствуетъ тебѣ безъ сомнѣнія трусость изъясниться? — О! чтобы мнѣ въ томъ было помощи? — Не будь мальчикомъ, Фалфре! должно говорить такъ, чтобъ тебя можно было слышать! — Я не могу; такой голосъ есть единое мое прибѣжище. — Голосъ? неправда! Въ твои лѣта и въ твоихъ обстоятельствахъ не должно быть такъ сумозбродным — во всѣхъ дѣлахъ не должно показывать себя чудовищемъ. —— О небо! какія слова! что долженъ я думать! ты живешь у Монтбеля. — Я не могу вѣрить —— Юнія твоя сестра, —— молчи, вскричалъ я: кого ты называешь! жестокой Бигни! — Какъ? Твою сестру? — Она тебѣ не сестра! —— Какъ?

Какъ? Юнія не дочь Монтбелева? — Онъ ея отецъ: но не принуждай меня, обо всемъ тебѣ разказывать. — Такъ онъ тебѣ не отецъ? О любезный другъ? ты будешь стыдиться своей со мною дружбы! — фу, Фалфре! не обижай моего сéрдца: того не будетъ, чтобъ чувствами нашими управляли предразсужденія. Я люблю тебя, кто бы ты таковъ ни былъ: только раскажи мнѣ обо всемъ.

Возможно ли было мнѣ молчать? Бигни совсѣмъ мною овладѣлъ: я и такъ уже съ лишкомъ много сказалъ; и будучи тогда не въ состояніи, разказалъ ему такимъ образомъ обо всемъ съ трепетомъ, что мнѣ Монтбель ни открылъ. Правда, я просилъ его содержать то въ непрерывномъ молчаніи, и онъ мнѣ обѣщалъ. Дѣтямъ мало стараются впечатлѣвать въ молодыхъ ихъ лѣтахъ ненарушимость обѣщаній: ежели что они меньше обѣщаютъ, то тѣмъ вѣрнѣе то содержатъ.

Признаюсь, что довѣренность, которую имѣлъ я въ томъ къ Бигни, привела меня самого въ ужасъ, какъ я съ нимъ разстался. Тайное негодованіе терзало мою грудь. Между тѣмъ онъ былъ всегда столь усердънъ къ пользѣ своихъ друзей; — А я не нарушилъ ли чрезъ то Монтбелю даннаго слóва, чтобъ не говорить о томъ вѣчно? — Такимъ образомъ дѣлаемся мы всегда разумными, когда собственные свои пороки узнаемъ по порокамъ другихъ.

Он-

Открытая мною тайна возъимѣла свое дѣйствіе, которое обыкновенно за нею слѣдуетъ, то есть, не большее облегченіе въ нашихъ нещастіяхъ. Но какъ скоро увидѣлъ я опять Юнію, то почувствовалъ паки все бремя, и вознамѣрился скорымъ бѣгствомъ избавиться той опасности, которую причиняло мнѣ всегдашнее обращеніе съ достойною любви и пріятнѣйшею особою.

Желаніе неизвѣстныхъ моихъ родителей, о которомъ открылъ мнѣ Монтбель, чтобъ меня опредѣлить въ военную службу, показалось мнѣ безопаснѣйшимъ путемъ въ моемъ предпріятіи. И такъ я объявилъ ему свое намѣреніе, чтобъ въ сію службу, какъ возможно, скорѣе вступить; и онъ обѣщалъ подумать о принадлежащихъ къ тому средствахъ, какъ бы въ томъ поступить наилучшимъ образомъ. Я говорилъ о томъ съ Бигни, онъ былъ въ томъ со мною согласенъ, и обѣщалъ мнѣ свою помощь и предстательство. Три дни спустя пришедши онъ ко мнѣ сказалъ, что я помощію его буду имѣть мѣсто въ полку * * * —, что онъ меня тотчасъ представитъ полковнику, которой имъ весьма обязанъ.

Столь важная услуга ушишила легкое совѣсти попреканіе причиненное открытіемъ своей тайны, и Монтбель приведенъ былъ тѣмъ въ восхищеніе: ибо онъ почти не имѣлъ случая мнѣ служить такимъ образомъ, чѣмъ умножилъ онъ еще въ моихъ глазахъ цѣну услуги, Бигніемъ мнѣ оказанныя.

Ни-

Ничего не опасался я кромѣ Юніи, которая еще о томъ не знала. Но мои спаранія, чтобъ быть въ состояніи, какъ возможно, скорѣе явиться въ полку, занимали меня столько, что я съ нею видался только самое короткое время и въ присудствіи Монтбеля.

Мнѣ въ томъ была нужда, чтобъ не потерять ни одной минуты напрасно, и я въ четыре дни былъ совсѣмъ готовъ. И не знаю, что меня при моемъ разставаніи болѣе всего приводило въ удивленіе, удерживающей ли голосъ Юніи при ея прощаніи, или слова Бигни, кои онъ съ наполненными слезъ глазами сажая меня въ кибешку на ухо мнѣ сказалъ: прости, любезный Фалфре, возвращайся со славою назадъ, и будь надеженъ, что любовь тебя наградитъ.

Чѣмъ далѣе я удалялся, тѣмъ больше звенѣли въ ушахъ моихъ слова, что тебя любовь наградитъ. — Любовь, чья? — Не Юнія ли то — ея холодное прощаніе; — Но для чего Юнія совсѣмъ иною показалась, нежели какова она была прежде? Ахъ! конечно не понравилось ей то состояніе, которое я избралъ. — Я съ того самого дня, какъ возненавидѣлся ѣхать, съ нею столь мало бывалъ. — Я самъ послѣ освобожденія его отъ болѣзни, такъ перемѣнилъ свое съ нею обхожденіе; — она легко могла почесть мое равнодушіе себѣ за обиду.

Без-

Безпрестанно будучи занятъ такими воображеніями, провелъ я большую часть своего пути, и наконецъ прибылъ въ то мѣсто, гдѣ вступилъ въ новую должность, къ которой всегда особливо былъ я склоненъ. Обученіе принадлежащаго къ моей должности, успокоило на нѣсколько времени невѣроятное моей души безпокойствіе.

Итакъ я кромѣ благодарности, должной Монтбелю, не упоминая о чувствованіяхъ вперенныхъ въ нещастнаго его дочерію, которой столь мало былъ ея достоинъ, не помышлялъ я болѣе ни о чемъ, какъ только о томъ, чтобъ въ службѣ превзойти своихъ товарищей: и я въ томъ не былъ нещастливъ; война, на которую мы отправлены были, подала мнѣ къ тому нѣсколько случаевъ.

Уже честолюбіе дѣйствовало и во мнѣ равномѣрно, какъ и въ прочихъ моихъ товарищахъ. Я былъ молодъ и французъ: однако долженъ признаться, что почувствовалъ я къ сей жизни презрѣніе, которое побуждало меня всегда искать опаснѣйшихъ въ сраженіи мѣстъ, и подвергаться очевиднымъ опасностямъ.

Похвалы заслуженныя моимъ поступкомъ причиняли нѣсколько разъ во мнѣ внутренной стыдъ: ибо я отъ себя утаить не могъ, что безчестная и неизвѣстная моя порода помрачала большую часть славы, мною пріобрѣтенной.

ной. Что самое дѣлало меня гораздо скромнѣйшимъ, и все то споспѣшествовало къ моей пользѣ: ибо самая сія скромность, къ которой имѣлъ я основательную причину, приводила меня въ войскѣ у всѣхъ въ почтеніе.

Я часто писалъ къ Монтбелю и Бигни. И они еще болѣе, нежели я самъ, о преимуществѣ мнѣ въ полку приписываемомъ будучи извѣстны, осыпали меня похвалами. Я долженъ въ семъ случаѣ отдать себѣ справедливость, что имѣлъ я всегда довольно храбрости на истребленіе непріятелей, и сія храбрость, дѣйствительно сіе имя заслуживающая, принадлежала мнѣ по справедливости.

Выгоднѣйшее еще обстоятельство во второй мой походъ пріобрѣло мнѣ еще лестнѣйшія преимущества. Въ одну весьма темную ночь, когда я стоялъ передъ войсками передовыми для прикрытія съ одной стороны лагеря, и перебѣгая изъ одного мѣста въ другое, былъ я столь остороженъ, что примѣтилъ движеніе одного корпуса, которой на меня хотѣлъ напасть. Я бросился скорѣе къ своему корпусу; раздѣливши оной на два крыла, приказалъ имъ на обѣихъ сторонахъ стать на колѣни и захватить дорогу, по которой необходимо непріятелю итьти было должно. Онъ дѣйствительно шелъ, и какъ уже прошелъ насъ, то окруживши его съ зади, напалъ на него, и причинилъ столь великой страхъ, что ни одинъ человѣкъ оттуда уй-

ти не могъ. Все войско положило оружіе, и я не оставляя стана, держалъ своихъ плѣнниковъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не выкупили.

Сія небольшая стшибка принесла мнѣ больше славы, нежели сколько она стоила; отъ Генерала удостоенъ я былъ множества уч. тивыхъ поздравленій, кои въ одномъ изъ новопріѣжжихъ офицеровъ, которой былъ родственникъ Генералу, возбудили зависть. Онъ не могши ее скрыть, готовился пустить ужасную тучу ко истребленію меня среди дражайшихъ минутъ моей жизни; онъ удержалъ теченіе моего щастія, и меня вѣчно повергнулъ въ бездну злополучія.

Два дни спустя послѣ сего приключенія, услышалъ я, что сей молодой и мстительной офицеръ сказалъ довольно громко, что щастіе всегда благосклонно къ людямъ такого роду, и что онъ на вопросы ему о томъ чинимыя довольной каждому подалъ поводъ къ вреднымъ для меня переговорамъ.

Не размышляя долго, пошелъ я къ нему требовать удовольствія. Онъ признавался въ томъ съ дерзостію, или лучше сказать, словами обидными и презрительными, и въ свое удовольствіе прибавилъ онъ къ тому: что ежели я еще буду на него наступать, то онъ не скроетъ отъ меня и того, что о его незаконномъ рожденіи по всему городу Парижу говорили, какъ онъ оттуда поѣхалъ.

Сими

Сими словами, какъ молніею, будучи пораженъ, схватилъ я съ великимъ свирѣпствомъ свою шпагу. Молодой офицеръ защищалъ себя, и я повергъ его мертваго на землю. Онъ былъ племянникъ, и истинной наслѣдникъ командующаго полководца. Всѣ мои товарищи, узнавши о томъ, совѣтовали мнѣ спасаться бѣгствомъ, и я ушелъ въ непріятельскую землю, видя за собою всегда вблизи гоняющихся.

Я не предлагалъ нимало услугъ непріятелю, съ которыми я бился. Ни одинъ честной французъ того не здѣлаетъ. И его сердце не послѣдовало бы рукѣ. Я продолжалъ свой путь къ неутральному городу, откуда писалъ я къ Монтбелю, на что и получилъ слѣдующій жестокой отвѣтъ.

Монтбель къ Филфре.

Нещастной! что ты сдѣлалъ? Ты, невзирая на свои обѣщанія предъ твоимъ отѣздомъ, открылъ Бигни ввѣренную тебѣ тайну. Страшись нещастливыхъ слѣдствій твоей и его болтливости. Сперва открылъ онъ о твоей тайнѣ моей дочерѣ. Съ самой той минуты согласилась она съ твоимъ свирѣпымъ непріятелемъ, тайное твое рожденіе сдѣлать явнымъ. Бигни уговорилъ Юнію, чтобъ она украла тѣ письма, которыя давалъ я тебѣ читать, и въ разныя случаи приходили они къ тому мѣсту, гдѣ годовые векселя хранились. Наконецъ чрезъ свое стараніе, чрезъ ее и деньги, чрезъ свою

необузданную ревность, снѣдающую его сердце къ пользѣ другаго, не размышляя о печальныхъ слѣдствіяхъ, къ нещастію узналъ онъ то, что знать желалъ, и ободренъ будучи щастливою твоею службою, возимѣлъ дерзость инши къ Графу, * * * и съ отважностію ему сказалъ: время уже признать ему за своего сына того, которой ему столь много чести дѣлаетъ. Бигни показалъ ему письма его руки для подтвержденія имъ объявленнаго. Графъ бросившись къ Бигни въ руки, просилъ его, чтобъ онъ скрывалъ сію важную тайну до времени, но нимало тѣмъ неудержалъ глупой ревности твоего друга..Онъ побѣжалъ къ Герцогу * * * Графскому отцу, и открылъ ему о тайномъ бракѣ его сына съ дочерію одного изъ величайшихъ его непріятелей, [хотя и должно признаться, что Бигни сіи обстоятельства были неизвѣстны,] онъ называлъ тебя по имени, и говорилъ о великой надеждѣ, которую на тебя вся армія имѣла, въ томъ мнѣніи, что сія сущность прельститъ Герцога, и заставитъ признать тебя своимъ сыномъ, но Герцогъ пришедши отъ него въ иступленіе и съ холодностію, что твоего друга привело въ смущеніе, благодарилъ его, какъ придворной человѣкъ, учтиво за сіе увѣдомленіе.

О фалфре! о любезный сынъ! какіе ужасные случаи откроются. Герцогъ * * * человѣкъ неутолимой ненависти, испросилъ дозволеніе, чтобъ захватить твою мать. Того сдѣлать было не можно, не давши знать о томъ

томъ Графу * * * Онъ поспѣшалъ къ ней на помощь, напалъ съ великимъ свирѣпствомъ на ея похитителей, и нѣкоторыхъ изъ нихъ ранилъ. Но —— возможно ли то выговорить —— о Боже! сама твоя мать, въ томъ смятеніи и опасности оружія будучи ранена, видѣла своего супруга, какъ онъ обагренной своею кровію упалъ. —— Такъ, фалфре! я не могу передъ тобою того умолчать — ты больше не имѣешь отца, кромѣ меня.

О семъ ужасномъ происшествіи, которое сдѣлалось скоро извѣстнымъ, узналъ я нѣсколько дней спустя, понеже я былъ въ отсутствіи. И какъ скоро я о томъ увѣдомился, бросился къ Бигни. Онъ скрылся, не зналъ никто, куда. Я возвратился домой. Печаль усмотрѣнная мною на Юніиномъ лицѣ, привела меня въ удивленіе. Я спросилъ ее о причинѣ оной: она упала ко мнѣ въ ноги, и призналася во всемъ, что между ею и твоимъ другомъ происходило. Съ самаго сего признанія, лишилась она разума, и бѣгаетъ отъ меня. — Прости фалфре! я страшусь своей дочери. Вотъ въ какое повергъ ты меня и себя нещастіе своею неосторожностію.

Я не говорю тебѣ о твоемъ приключеніи въ арміи, потому что опасности онаго совсѣмъ сравнить не можно съ опасностію, теперь тобою услышанною.

Я не знаю, вооружалось ли толикое множество вдругъ нещастій на одного человѣка. Мое бѣшенство, крикъ мой, мое свирѣпство ли-

лишили меня разсудка. Ежели бы для меня безопаснѣе было возвратиться во Францію, то бы немѣдленно прибѣгнулъ я къ Монтбелю; и прокололъ бы грудь вѣроломному моему другу, которой обо мнѣ открылъ: я спалъ бы плакать съ Юніею. — Но ахъ! я долженъ себя принудить, и отъ Монтбеля ожидать столько же ужаснаго письма, какъ и прежде. Онъ увѣдомлялъ меня, что мать моя умерла, два дни спустя послѣ похищенія, болѣе съ печали, нежели отъ своей раны; что Бигни принялъ страшнѣйшій и весьма ужасный орденъ, гдѣ строжайшее покаяніе никогда не можетъ истребить печальныхъ слѣдствій его неосторожной и лютой ревности. Что касается до Юніи; ахъ! она лишилась своего разума. Сильная и страшная меланхолія такъ усилилась въ ея сердцѣ, что она не чувствительна была къ печали своего отца. —— Сему воображенію не могъ я долѣе противиться; я на все отважился: оставилъ мѣсто своего пребыванія, и пріѣхалъ къ Монтбелю; онъ увидѣвши меня затрепеталъ. Юнія меня не знала: только дѣлала одно то для меня, что изъ моихъ рукъ принимала лѣкарства, которыя прежде выбивала: о тщетныя средства, вы были недѣйствительны!

Юнія уже живетъ около десяти лѣтъ въ семъ состояніи съ нами въ уединеніи, которое скрываетъ насъ подъ чужимъ именемъ отъ глазъ всѣхъ людей. Ея отецъ и я не оставляемъ ее нимало, ожидая еще той вожделенной ми-

нуты,

нуты, въ которую бы она насъ узнавать могла. Мы содержали ее съ чрезвычайною любовію, которую прежде она отъ насъ заслужила. Каждая минута покоя питала иногда насъ надеждою щастливаго возвращенія ея разума: но скоро повергли насъ въ прежнее состояніе токи слезъ и сильныя ея движенія, въ которыхъ, казалось, она кого то знала подъ именемъ Бигни. Итакъ все, что для меня остается на землѣ, было постоянное дружество Монтбеля. Да и того всякой день угрожаетъ смерть похитить. — О ты! ты, которой одинъ только есть тѣнь Юніи, будешь мнѣ всегда любезенъ! не опасайся, чтобъ я тебя когда нибудь выпустилъ изъ своихъ рукъ. Прежней твой образъ, твоя пріятность, твои дарованія, твой разумъ вѣчно въ моихъ мысляхъ останутся: и все будетъ знáкомъ моего къ тебѣ ненарушимаго постоянства.

Имѣя праздныя минуты, выпустилъ я въ свѣтъ сію печальную повѣсть съ тѣмъ, чтобъ всякой опасался добрыхъ намѣреній услужливаго друга. Я испыталъ то на себѣ, что никто не бываетъ любопытенъ съ тѣмъ, чтобъ споритъ можно было, и услужливъ съ тѣмъ, чтобъ вредить, когда отъ насъ того не требуютъ.

ОГЛА-

ОГЛАВЛЕНІЕ
II ЧАСТИ МОДНАГО ИЗДАНІЯ.

Апрѣль мѣсяцъ.

Стран.

I. Пѣснь, любовь Авроры къ Цефалу, или излишнее испытаніе вѣрности - - 3.
II. Идиллія, Лидора - - - - - - 27.
III. Пѣсенка: нѣжна гдѣ любовь живетъ 31.
IV. Буря - - - - - - - - - 32.
V. Стансъ къ Нисѣ - - - - - - 35.
VI. Анакреонтова 1 ода - - - - - 37.
VII. Епиграммы - - - - - —
IX. Сравненіе - - - - - 38.
X. Анакреонтическіе стихи
1.) Вдохновеніе. - - - 39.
2.) Убійство - - - - 42.
3.) Елисейскія поля - - - —
4.) Продолженіе любви - - 43.
5.) Преселеніе душъ - - 44.
6.) Къ дѣвкѣ - - - - 45.
7.) Къ Живописцу - - - 46.
XI. Переводъ II. Идилліи Геснеровой - 47.
XII. — VIII. Идилліи Геснеровой - 50.
XIII. — X. Идилліи Геснеровой - 42.
XIV. — XIII. Идилліи Геснеровой - 55.
XV. — XV. Идилліи Геснеровой - 58.
XVI. Продолженіе повѣсти, найденной между бумагами, нѣкоторой молодой Иностранки въ Аміенсѣ - - 60.
XVII. Кружка, басня де ла Фонтенова - 76.

Май мѣсяцъ.

Стран.

XVIII. Ироида, Меландръ къ Лицедѣ - 83.
XIX. Стихи, Изсыхаютъ чисты рѣчки 89.
XX. Идиллія, Ужъ лѣто протекло и осень наступаетъ - - 92.
XXI. —— Нинида по лугамъ цвѣточки собирала - - - - 93.
XXII. —— Ужъ лѣто миновало - 95.
XXIII. —— Лилета въ младости Милона полюбила - - - 97.
XXIV. —— Въ осенни мрачны дни, когда трава желтѣетъ - - 101.
XXV. —— Быстряй теките здѣсь по камнямъ быстры рѣчки - - 102.
XXVI. На заданныя риѳмы: въ ужасну нощь сію встревожился мой духъ 103.
XXVII. —— Находитъ всякой здѣсь пріятности въ природѣ - - 105.
XXVIII. Сонъ - - - - - 106.
XXIX. Стансы: Естьли то тебѣ пріятно - - - - - 107.
XXX. —— Здѣсь царствуетъ покой, здѣсь вѣчное блаженство - 108.
XXXI. —— Пріятна сельска жизнь, въ ней все меня прельщаетъ - 109.
XXXII. Стансы на заданныя риѳмы - 110.
XXXIII. Вопросъ: Отъ кого больше зла на свѣтѣ? - - - - 111.
XXXIV. —— Что въ свѣтѣ щастіе, слава и богатство? - - - ——
XXXV. —— Кто полезнѣе въ свѣтѣ, мущина или жёнщина? - - - ——
XXXVI. —— Что пріятнѣе, мячикъ или любовница? - - - - 112

Стран.

XXXVII. —— Что прежде родилось, дружба или любовь? - - ——
XXXVIII. —— Что нужнѣе для свѣта умъ или богатство? - - ——
XXXIX. Пѣсенка, совѣтъ красавицамъ - 113.
XXXX. Отвѣтъ, на вчерашній вопросъ 114.
XXXXI. О вы прелестницы! ядъ влюбчивыхъ сердецъ! - - 115.
XXXXII. Танкредъ плачущій надъ пѣломъ Клоринды - - ——
XXXXIII. Еклога, Климена - - 118.
XXXXIV. Ренси, Японская повѣсть - 120.

Іюнь мѣсяцъ.

XXXXV. Ироида, смерть Клорины - 163.
XXXXVI. —— Илектра къ Оресту - 173.
XXXXVII. —— Габріелла де Вержи - 177.
XXXXVIII. Письмо Фрины ко Ксенократу 186.
XXXXIX. Инеса, повѣсть почерпнутая изъ III. пѣсни Камоенсовой Лузіады - - - - 210
L. Идиллія - - - - 215.
LI. Услужливой, или добрыя намѣренія, печальная повѣсть 221.

Особы

Особы подписавшіеся на сіе изданіе.

Въ Москвѣ.

Его Благородіе, Иванъ Яковлевичь Евреиновъ 1 екз.
—— Высокоблагородіе, Александръ Никитичь Лопухинъ, 1 екз.
—— — Николай Алексѣевичь Ниротморцевъ 1 екз.
—— Высокородіе, Михайло Дмитріевичь Бутурлинъ, 1 екз.
—— Высокоблагородіе, Николай Ивановичь Боучаровъ, 1 екз.
—— —— Иванъ Сергѣевичь Головинъ, 1 екз.
—— Превосходительство, Александръ Семеновичь Васильчиковъ, 1 екз.
—— Высокородіе, Евграфъ Васильевичъ Татищевъ, 1 екз.
—— Высокоблагородіе, Василій Петровичь Озноби-шинъ, 1 екз.
Ея Сіятельство, Княжна Настасья Алексѣевна Голицына, 1 екз.
Его Высокоблагородіе, Петръ Алексѣевичь Татищевъ, 1 екз.
—— Высокородіе, Борисъ Владимировичь Фонъ Пестель, 1 екз.
—— Высокоблагородіе, Николай Ивановичь Бахметевъ, 1 екз.
Ея Сіятельство, Княжна Настасья Евграфовна Волконская, 1 екз.
Его Высокоблагородіе, Иванъ Ивановичь Павловъ, 1 екз.
—— Сіятельство, Князь Александръ Абрамовичь Волконской, 1 екз.
—— Благородіе, Петръ Петровичь Хитровъ, 1 екз.
—— Высокоблагородіе, Михайло Николаевичь Соковнинъ, 1 екз.

Во

Во Твери.

Ея Превосходительство, Ѳедосья Никитишна Муравьева, 1 екз.

—— Высокоблагородіе, Елисавета Михайловна Верделевская, 1 екз.

Его Превосходительство, Павелъ Дмитріевичь Мансуровъ, 1 екз.

—— Высокоблагородіе, Николай Дмитріевичь Гурьевъ, 1 екз.

—— —— Василій Александровичъ Сверьчковъ 1 екз.

—— Благородіе, Николай Алексѣевичь Хитровъ, 1 екз.

Во Псковѣ.

Ея Высокопревосходительство Настасья Андреевна Бороздина, 1 екз.

Его Высокоблагородіе, Григорій Кориловичь Бороздинъ, 1 екс.

Ея Благородіе Александра Львовна Беклешова, 1 екз.

Его Высокоблагородіе, Александръ Матвѣевичь Кожевниковъ, 1 екз.

Издатели просятъ у почтенныхъ своихъ Читательницъ и Читателей благосклоннаго извиненія въ томъ, что при сей II. части обѣщанныя три картинки не приложены; сіе произошло отъ того, что художникъ еще не докончалъ оныхъ, но какъ скоро отдѣлаются, такъ скоро оные и сообщатся.

1. P. c. 112.

